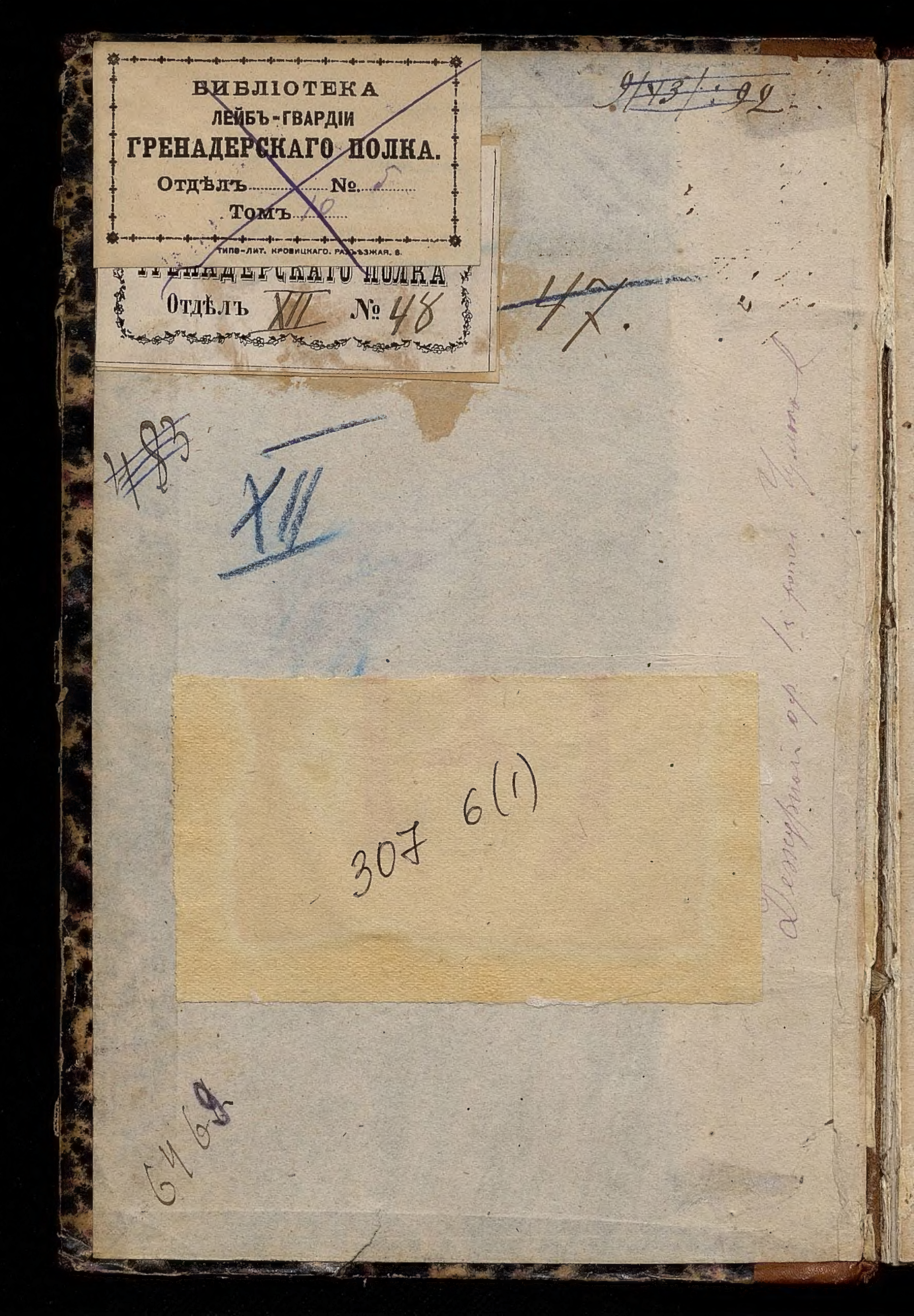
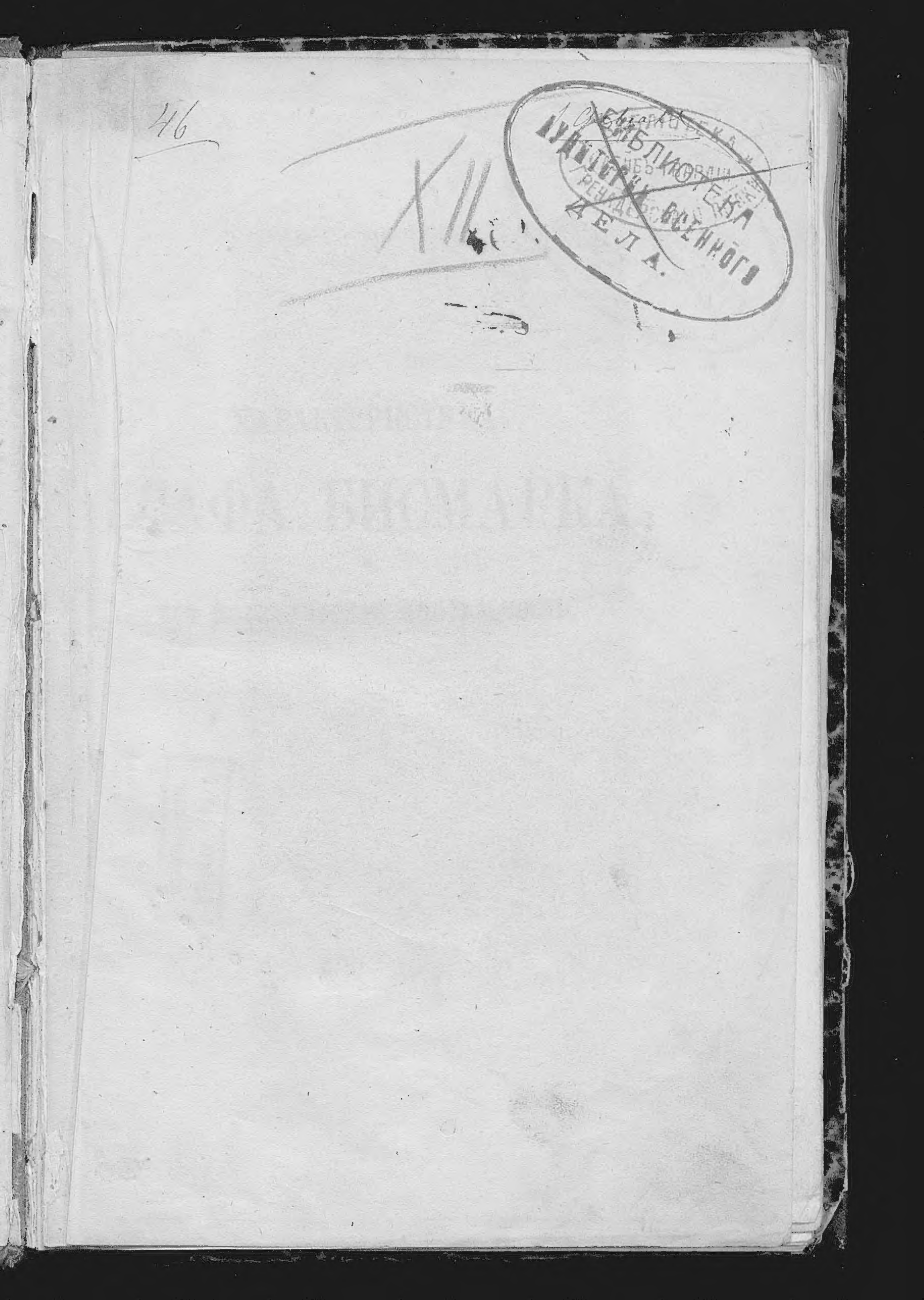

БИБЛІОТЕКА
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ
ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА.
Отдѣлъ № 5
Томъ 10
Типо-лит. Кровицкаго. Разъѣзжая, 8.
ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА
Отдѣлъ XII № 48
9/43/92
47.
83
XII
307 6(1)
6469

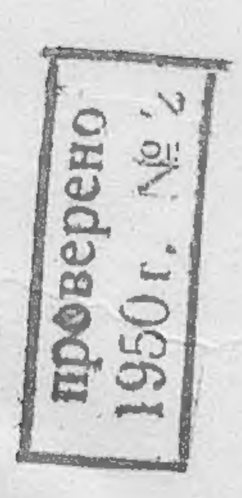

46
БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОГО
ДЕЛА.

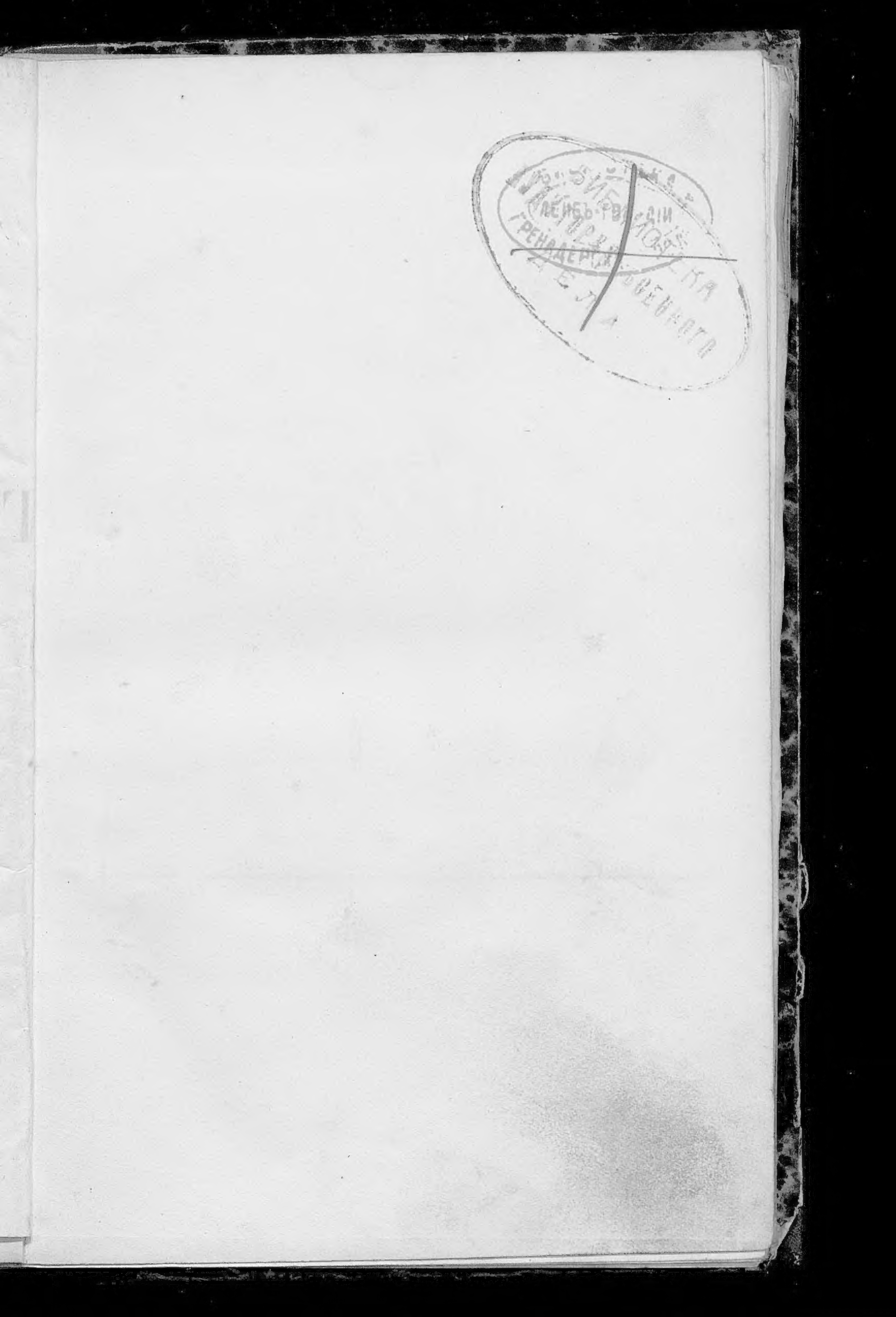
ХАРАКТЕРИСТИКА

ГРАФА БИСМАРКА

и

ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. б. Мѣщ. д. № 8/10.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ГРАФА БИСМАРКА

И

ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

СОСТАВЛЕНО ПО НѢМЕЦКИМЪ, ФРАНЦУЗСКИМЪ И АНГЛІЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ФАКСИМИЛЕ).

Изданіе А. Степановича.

СОДЕРЖАНІЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ, № 8.

1871.

Составляя предлагаемый очеркъ, авторъ имѣлъ подъ руками многія сочиненія, изданныя на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ (*), но не могъ воспользоваться ни однимъ изъ нихъ предпочтительно, вслѣдствіе очевиднаго пристрастія къ предмету, пристрастія, доходящаго иногда до самаго безсовѣстнаго панегиризма, а иногда до порицанія, не имѣющаго достаточнаго основанія.

Поставивъ себѣ задачей предложить русской публикѣ безпристрастную характеристику графа Бисмарка, авторъ долженъ былъ безпрестанно бороться съ противорѣчіями и противоположными политическими воззрѣніями и тенденціями, встрѣчающимися въ нижеозначенныхъ матеріалахъ. Поэтому необхо-

---

(*) Das Buch vom Grafen Bismark, v.George Hesekiel. 1869 г.
Monsieur de Bismark. Par L. Bamberger. 1868 г.
L'oeuvre de M. de Bismark. 1862—1866 г. Sadova et la campagne des sept jours. Par J. Vilbor. 1869 г.
L'Allemagne politique depuis la paix de Prague. (1866—1870) Par Victor Cherbulier 1870 г. (Издана въ русскомъ переводѣ).
Graf Bismark. Charakterbild eines deutschen Sraatsmannes. Leipzig. (Безъ года).
Статья въ Edinburg Review, Окт. 1869 г.

димо было ограничиться только главными чертами личнаго характера и политической дѣятельности прусскаго перваго министра: эти главныя черты выдаются у всѣхъ его біографовъ почти одинаково, хотя и онѣ часто освѣщаются разнымъ свѣтомъ. Впрочемъ, и при благопріятныхъ условіяхъ относительно матеріаловъ едва ли въ настоящее время была бы возможна болѣе полная и критически разработанная біографія государственнаго человѣка, еще не закончившаго своей дѣятельности, обнимающей громадныя политическія задачи, и при томъ дѣйствующаго на дипломатическомъ поприщѣ, гдѣ всегда и вездѣ часто примѣшиваются тайныя, тщательно скрываемыя побужденія и цѣли, и гдѣ никогда не переставалъ дѣйствовать въ той или другой мѣрѣ макіавелизмъ.

Исходной точкой всей дѣятельности Бисмарка является убѣжденіе въ несовмѣстимости германскихъ интересовъ съ присутствіемъ Австріи въ составѣ Германскаго Союза; между тѣмъ, всѣ прежнія воззрѣнія Бисмарка, напротивъ, внушали ему симпатію къ Австріи, какъ это согласно подтверждаютъ его біографы, и слѣдовательно, побуждали къ политикѣ совершенно противоположной той, которой онъ послѣдовалъ. Эти два факта, очевидно, противорѣчатъ одинъ другому и мы не находимъ въ названныхъ нами матеріалахъ достаточнаго объясненія переворота, совершившагося въ политическихъ убѣжденіяхъ человѣка столь зрѣлаго и умнаго, какъ графъ Бисмаркъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ привести здѣсь

мнѣніе, довольно распространенное въ Петербургѣ, которое, служитъ весьма естественнымъ и правдоподобнымъ объясненіемъ означеннаго противорѣчія. Утверждаютъ, что нашъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, былъ всегда того мнѣнія, что интересы и развитіе Германіи требуютъ исключенія Австріи изъ Германскаго Союза, и Бисмаркъ еще до начала своего дипломатическаго поприща и потомъ, во время своего посланничества въ Петербургѣ, въ политическихъ бесѣдахъ съ княземъ Горчаковымъ сначала отстаивалъ свое традиціонное воззрѣніе, но наконецъ убѣдился въ ложности его, подъ вліяніемъ теоріи русскаго государственнаго канцлера, сдѣлавшейся затѣмъ для Бисмарка основаніемъ его политической дѣятельности. Къ этому прибавимъ, что и самый пристрастный изъ біографовъ Бисмарка, Гезекіель называетъ прусскаго министра ученикомъ князя Горчакова. При всемъ этомъ также нельзя не признать, что до сихъ поръ Бисмаркъ по отношенію къ Россіи вообще обнаруживалъ самыя дружелюбныя чувства и, между прочимъ, во время послѣдняго польскаго возстанія, когда по настоянію князя Горчакова, заключена была между Пруссіей и Россіей конвенція о дозволеніи перехода войскъ черезъ границы обоихъ государствъ, для преслѣдованія мятежниковъ, противъ чего возставала тогда вся Европа, и потому для Пруссіи конвенція эта была труднымъ дѣломъ.

Въ дополненіе къ матеріаламъ, служащимъ для личной характеристики графа Бисмарка, приводимъ

здѣсь еще одну черту, свидѣтельствующую о его проницательности и способности узнавать людей. Всѣмъ извѣстно, что общее мнѣніе о Наполеонѣ III было таково, что онъ обладаетъ весьма тонкимъ, дальновиднымъ, проницательнымъ и обширнымъ умомъ, и когда Бисмаркъ началъ свои каждогодныя посѣщенія Біарица, его весьма часто спрашивали, какого онъ мнѣнія о Наполеонѣ? онъ отвѣчалъ съ свойственной ему проніей: «Наполеонъ очень добрый человѣкъ».

Въ концѣ этой брошюры читатель найдетъ краткій очеркъ германскихъ вопросовъ, необходимый для того, чтобы уяснить историческое развитіе этихъ вопросовъ и представить ихъ вмѣстѣ взятыми, какъ почву настоящей и будущей дѣятельности Бисмарка.

20-го октября 1870 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Происхожденіе рода Бисмарковъ. — Дѣтство и юность Отто Бисмарка.

Отто-Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, (нынѣшній прусскій первый министръ и канцлеръ Сѣверо-Германскаго Союза), родился 1-го апрѣля 1815 года въ Альтмаркѣ (въ Прусской Саксоніи), въ родовомъ помѣстьи Шёнгаузенѣ, лежащемъ въ мѣстности между Гавелемъ и Эльбою. Фамилія Бисмарковъ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду, древность котораго восходитъ до XIV столѣтія.

Генеологія этой фамиліи, какъ и всѣ генеологіи, теряющіяся въ отдаленныхъ временахъ, имѣетъ темныя и сомнительныя данныя. Такъ напримѣръ, нѣмецкіе біографы-панегиристы прусскаго премьера не щадятъ ни какихъ натяжекъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ рыцарскомъ и нѣмецкомъ происхожденіи Бисмарка, между тѣмъ какъ ученыя изысканія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ же, но безпристрастныхъ историковъ открываютъ весьма вѣскія данныя, доказывающія, что фамилія Бисмарковъ происходитъ отъ

ческаго дворянскаго рода, водвореннаго въ Альтмаркѣ Карломъ Великимъ и основавшаго здѣсь городокъ своего имени. Кромѣ того, и этимологія поддерживаетъ это послѣднее предположеніе: вендское прозвище *Bü starku*, что̀ означаетъ «*берегись колючей крушины*» (Hüte Dich vor dem Wegedorn), несомнѣнно заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ нѣмецкой натяжкой, производящей фамилію Бисмаркъ отъ слова *Biskopes - Mark*, *Bischofs - Mark*, т. е. епископская граница. Въ такой же мѣрѣ сомнительно, даже еще болѣе, и рыцарское происхожденіе фамиліи Бисмарковъ: извѣстный нѣмецкій историкъ Ридель доказываетъ, что въ лѣтописяхъ XIII и XIV вѣка, фамилія Бисмарковъ значится въ числѣ горожанъ городка Бисмаркъ и что одинъ изъ родоначальниковъ этой фамиліи, Клаусъ фонъ-Бисмаркъ, былъ членомъ гильдіи портныхъ въ городкѣ Штендалѣ, откуда впослѣдствіи перешелъ въ первые ряды альтмаркскаго дворянства, и что такимъ образомъ фамилія Бисмарковъ происходитъ отъ древней фамиліи бургмановъ городка Бисмарка, выдвинувшейся своими личными талантами. Это данное, конечно, гораздо сильнѣе простаго, ни на чемъ не основаннаго предположенія Гезекіеля, біографа-панегириста прусскаго министра, что фамилія эта, — какъ говоритъ означенный біографъ— *всего вѣроятнѣе* принадлежитъ къ одному изъ нѣмецкихъ рыцарскихъ родовъ, оттѣснявшихъ славянъ и водворявшихъ мечомъ нѣмецкую цивилизацію и христіанство по обѣимъ сторонамъ Эльбы.

Вѣроятно, въ умѣ почтеннаго біографа-панегириста не совмѣщается идея о современной, дѣйствительно грандіозной политической дѣятельности графа

Бисмарка съ идеей о его мѣщанскомъ происхожденіи изъ цеха портныхъ, и этимъ объясняется стремленіе причислить, во чтобы то ни стало, родъ Бисмарка къ нѣмецкому рыцарству; но знаменитость рода ничего не можетъ прибавить къ славѣ прусскаго министра, также какъ его предокъ - портной ничего не убавляетъ изъ этой славы.

Нѣмецкіе біографы, и преимущественно Гезекіель, въ своей колоссальной *Das Buch wom Grafen Bismarck*, (1869 г. Biellefeld und Leipzig), подвергаютъ самому подробному ученому изслѣдованію всѣ судьбы фамиліи Бисмарковъ за время, начиная съ XIII в., и нѣтъ сомнѣнія, что эти изслѣдованія современемъ составятъ цѣлую бисмаркіаду; но мы оставимъ въ сторонѣ всѣ эти подробности, неимѣющія, по нашему мнѣнію, никакого ни значенія, ни смысла, и обратимся непосредственно къ біографическому очерку Бисмарка, не пренебрегая ни чѣмъ, что характеризуетъ эту замѣчательную личность, его пріемы, привычки, убѣжденія и умственное развитіе.

Отецъ его Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ служилъ въ лейбъ-карабинерномъ полку и, выйдя въ отставку ротмистромъ, женился въ 1806 году на Луизѣ-Вильгельминѣ Менкенъ, дочери извѣстнаго тайнаго кабинетъ-совѣтника при Фридрихѣ Великомъ, Анастасія-Людвига Менкена, занимавшаго высокія должности при трехъ прусскихъ короляхъ и который въ первые годы правленія Фридриха-Вильгельма III пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ. Менкенъ, какъ увѣряютъ многіе авторитетные люди, былъ якобинецъ, но общее убѣжденіе таково, что онъ былъ приверженцемъ на-

чалъ перваго французскаго національнаго собранія. Штейнъ отзывается о Менкенѣ какъ о человѣкѣ свободнаго образа мыслей, образованномъ, воспріимчивомъ и исполненномъ самыхъ благородныхъ чувствъ и стремленій; онъ желалъ блага своему отечеству и хотѣлъ достигнуть этого посредствомъ распространенія просвѣщенія, улучшенія быта всѣхъ классовъ общества и въ особенности посредствомъ примѣненія въ управленіи страною либеральныхъ и гуманныхъ началъ. Отъ брака съ дочерью Менкена, Бисмаркъ имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ нынѣ находятся въ живыхъ только трое: первый министръ, братъ его Бернгардъ (родившійся въ 1810 г.), нынѣ камергеръ и тайный совѣтникъ, и сестра Франциска-Ангелика-Мальвина, родившаяся 29 іюня 1827 года, и состоящая съ 1844 года въ замужствѣ за Оскаромъ фонъ-Арнимомъ, камергеромъ и членомъ прусской палаты господъ.

Дѣтство свое графъ Отто Бисмаркъ провелъ не въ старинномъ родовомъ помѣстьи Шёнгаузенѣ, а въ Помераніи, куда родители его переселились въ 1816 году. По смерти одного родственника имъ достались тогда въ наслѣдство три имѣнія: Книпгофъ, Ярхелинъ и Кюльцъ. Они выбрали себѣ мѣстомъ пребыванія Книпгофъ и тамъ-то Отто Бисмаркъ провелъ слѣдующія шесть лѣтъ своей жизни; туда же возвращался онъ и впослѣдствіи изъ Берлина на вакаціонное время.

Около пасхи 1821 года Отто Бисмаркъ поступилъ въ славившійся въ то время пансіонъ профессора Пламанна, въ Берлинѣ, въ которомъ уже находился его старшій и единственный братъ Бернгардъ. Въ этомъ

заведеніи Бисмаркъ оставался до 1827 года, послѣ чего былъ переведенъ для полученія дальнѣйшаго классическаго образованія въ гимназію Фридриха-Вильгельма.

Родители его проводили обыкновенно зимніе мѣсяцы въ Берлинѣ и брали на это время обоихъ сыновей къ себѣ (Бернгардъ Бисмаркъ учился вмѣстѣ съ братомъ въ той же гимназіи), такъ что такимъ образомъ мальчики были не совсѣмъ отчуждены отъ семейнаго элемента.

Съ 1827 года оба брата поселились совершенно въ квартирѣ своихъ родителей въ Берлинѣ и были ввѣрены попеченію одной вѣрной служанки изъ Шёнгаузена, Трины Нейманъ, и надзору образованныхъ молодыхъ преподавателей; на лѣтніе мѣсяцы родители обыкновенно оставляли Берлинъ. Эти преподаватели помогали гимназистамъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ, въ особенности же въ изученіи новѣйшихъ языковъ. Мѣсто учителя и гувернера въ домѣ Бисмарка занимали въ 1827 году сперва референдарій главнаго суда Гагенсъ, потомъ въ продолженіи полугода одинъ молодой женевецъ, по имени Галло, а въ 1829 году докторъ Винкельманнъ, замѣчательный филологъ, но человѣкъ легкомысленный, который въ одинъ прекрасный день исчезъ вмѣстѣ съ небольшой хозяйственной кассой своихъ питомцевъ, оставивъ ихъ однихъ съ Триной Нейманъ. Въ то время Отто Бисмаркъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ изученіи англійскаго и французскаго языковъ, которые онъ впослѣдствіи усвоилъ себѣ въ совершенствѣ.

Вообще родители не щадили ни заботъ, ни издержекъ, чтобы, сколько возможно, развить способности

мальчиковъ, которыхъ всѣ находили щедро одаренными отъ природы. Въ особенности это было постоянной заботой ихъ матери, женщины превосходно образованной, которая вмѣстѣ съ большими познаніями соединяла и сантиментально-религіозное настроеніе своего вѣка и наслѣдовала отъ отца либеральныя убѣжденія. Г-жа фонъ-Бисмаркъ была безъ сомнѣнія замѣчательная женщина, которая господствовала въ обществѣ, не только благодаря своей красотѣ, но и вслѣдствіе своихъ личныхъ качествъ. Но дѣятельности ея, которая съ большимъ рвеніемъ обращалась ко всему новому, не доставало не столько осмотрительности, сколько постоянства, что весьма неблагопріятно дѣйствовало на управленіе имѣніями; хозяйство страдало отъ многочисленныхъ и дорогихъ нововведеній и опытовъ, такъ что благосостояніе семьи постепенно уменьшалось, тѣмъ болѣе, что блестящая свѣтская жизнь зимой въ Берлинѣ, а лѣтомъ на водахъ требовала большихъ издержекъ. Въ сыновьяхъ своихъ мать старалась съ самаго дѣтства пробудить честолюбіе, въ особенности ея пламеннымъ желаніемъ было, чтобы младшій сынъ, Отто, избралъ себѣ дипломатическое поприще, къ которому она его считала особенно способнымъ, между тѣмъ какъ старшаго брата она съ самаго начала прочила въ ландраты. Оба желанія матери исполнились, но она не дожила до этого, ее не было уже въ живыхъ, когда ея младшій сынъ вступилъ на дипломатическое поприще.

Если умная, проницательная и честолюбивая, но нѣсколько холодная мать олицетворяла собою умъ, то кра-

сивый, статный, полный юмора и веселости отецъ представлялъ собою сердце и душу семьи; онъ не претендовалъ на особенное умственное развитіе или даже на большія познанія, потому что, по странному случаю, изящный, литературно-образованный отецъ его, Карлъ-Александръ фонъ-Бисмаркъ, котораго одно могучее слово Фридриха Великаго сдѣлало изъ дипломата кавалерійскимъ офицеромъ, образовалъ изъ своихъ четырехъ сыновей только солдатъ.

Дѣдъ нынѣшняго прусскаго перваго министра, выписывавшій французскія газеты—что было въ то время рѣдкостью между провинціальнымъ дворянствомъ — жившій хотя весьма просто, но у котораго ежедневно подавалось на столъ красное и бѣлое вино, а сервировка была серебряная, сдѣлалъ изъ своихъ сыновей какихъ-то наѣздниковъ, которые съ величайшей гордостью взирали на правильную цифру *восемь* (∞), которую они выписывали на своихъ лошадяхъ на песчаномъ дворѣ замка.

Отецъ Бисмарка поступилъ въ лейбъ-карабинеры, шефомъ которыхъ былъ въ то время одинъ изъ Бисмарковъ, и въ продолженіи шести лѣтъ сряду — какъ онъ впослѣдствіи не разъ разсказывалъ своимъ сыновьямъ — каждое утро, въ четыре часа, наблюдалъ, какъ его карабинеры отмѣривали овесъ своимъ лошадямъ. Онъ любилъ сельскую жизнь, скучалъ въ Берлинѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ нѣсколько тугъ на ухо, и подчинялся обычаямъ высшаго свѣта только въ угоду своей супругѣ. Г-жа фонъ-Бисмаркъ любила, кромѣ бесѣды съ умными и учеными людьми, и шахматую игру, въ которой она достигла замѣчательнаго искусства; главною же страстью ея супруга была

охота, и эту страсть онъ сохранилъ до конца своей жизни.

Въ 1830 году графъ Отто Бисмаркъ поступилъ въ пансіонъ профессора Прево (Prevost), но такъ какъ послѣдній жилъ далеко отъ гимназіи Фридриха-Вильгельма, то Бисмаркъ перешелъ въ берлинскую гимназію «zum grauen Kloster». Впрочемъ, годъ спустя, отъ профессора Прево Бисмаркъ перешелъ къ доктору Боннелю, который въ то время былъ преподавателемъ въ гимназіи «zum grauen Kloster», а незадолго передъ тѣмъ учителемъ Бисмарка въ гимназіи Фридриха-Вильгельма. У Боннеля Бисмаркъ оставался до пасхи 1832 года, когда онъ, послѣ сдачи выпускнаго экзамена, оставилъ гимназію, чтобы поступить въ университетъ для изученія права.

Въ берлинскомъ пансіонѣ Пламанна, куда онъ былъ помѣщенъ прежде всего, Бисмаркъ тяготился своей судьбою; въ этомъ заведеніи преобладалъ суровый нѣмецкій духъ и воспитанниковъ старались пріучать къ перенесенію всякихъ трудностей и лишеній, къ голоду, холоду и проч., при чемъ доводили эту господствовавшую въ то время теорію до крайности. Онъ чувствовалъ себя тамъ несчастнымъ и такъ сильно страдалъ тоскою по родинѣ, что долгое время, при своихъ прогулкахъ, не могъ видѣть безъ слезъ пашущихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, учителя не нравились ему, вслѣдствіе того, что придавали чрезмѣрную важность гимнастическимъ упражненіямъ, также вслѣдствіе методической ненависти къ французамъ, которую они проповѣдывали, и неловкости, съ какою они старались внушить маленькому юнкеру суровый нѣмецкій простонародный духъ. Въ своемъ родительскомъ домѣ, какъ

увѣряютъ біографы, Бисмаркъ отнюдь не былъ воспитанъ въ сословныхъ предразсудкахъ, напротивъ, мать его была либеральная женщина и даже въ душѣ не любила дворянъ, можетъ быть, вслѣдствіе какихъ-нибудь непріятныхъ столкновеній съ гордымъ дворянствомъ Альтмарка и Помераніи. Товарищи Бисмарка смѣялись надъ его дворянскимъ происхожденіемъ; это, такъ же какъ и вообще демократическое направленіе многихъ учителей, пробудило въ мальчикѣ юнкерскій духъ. И позднѣе, въ гимназіи «zum grauen Kloster», снова неловкость двухъ учителей, осмѣивавшихъ постоянно дворянское происхожденіе Бисмарка, еще сильнѣе пробудила чувство аристократизма, которое въ немъ старались подавить.

Въ гимназіи Фридриха-Вильгельма Бисмаркъ изъ учителей особенно любилъ профессора Зибенгара, весьма способнаго преподавателя, который, къ сожалѣнію, окончилъ впослѣдствіи свою жизнь самоубійствомъ. Въ гимназіи «zum grauen Kloster» Кепке принялъ его весьма благосклонно и только по случаю его крайней молодости не помѣстилъ его прямо въ высшій классъ. Кромѣ Боннеля, онъ имѣлъ здѣсь другомъ доктора Вендта; другіе же, именно Беллерманъ и учитель математики Фишеръ, также осмѣивали его юнкерское происхожденіе. Равнымъ образомъ, онъ сильно не ладилъ съ профессоромъ французскаго языка и выучился въ невѣроятно скорое время англійскому языку, единственно для того, чтобы не представлять своего пробнаго сочиненія на судъ этого профессора (ученикамъ было предоставлено на выборъ представлять пробное сочиненіе на французскомъ или англійскомъ языкѣ).

Будучи ученикомъ, Бисмаркъ велъ себя вообще такъ, что почти никогда не давалъ повода къ наказаніямъ и рѣдко къ порицаніямъ и увѣщаніямъ; вообще, онъ съ такой легкостью обнималъ предметъ и обладалъ такими значительными способностями, что безъ особенныхъ усилій удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ учителей. Въ то время уже онъ обнаружилъ склонность къ историческимъ занятіямъ, и именно къ изученію отечественной, бранденбургской, прусской и германской исторіи. Онъ положилъ въ юныя лѣта основаніе тому необыкновенно отчетливому знанію исторіи, благодаря которому ему впослѣдствіи суждено было сдѣлаться столь непобѣдимымъ въ парламентскихъ преніяхъ. Изложеніе въ его латинскихъ сочиненіяхъ было ясно и изящно, хотя и не всегда совершенно правильно въ грамматическомъ отношеніи. Подъ его пробнымъ сочиненіемъ, написаннымъ около пасхи 1832 года, сдѣлана преподавателемъ слѣдующая отмѣтка: Oratio est lucida ac latina, sed non satis castigata (рѣчь ясная и латинская, но недостаточно отдѣлана).

Когда въ 1831 году къ Берлину подступала холера, Бисмаркъ, при господствовавшемъ въ то время всеобщемъ страхѣ предъ этою, дотолѣ невѣдомой, болѣзнью, получилъ отъ отца приказаніе тотчасъ же пріѣзжать домой, какъ только въ Берлинѣ будетъ извѣстенъ первый холерный случай. Это, конечно, крайне обрадовало юношу, который съ нетерпѣніемъ сталъ ждать вожделѣннаго извѣстія. Онъ нанялъ лошадь и не разъ выѣзжалъ на шоссе, къ Фридрихсфельду, чтобы узнать нѣтъ ли холеры. Но въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и былъ доставленъ на свою квартиру съ вывихнутой ногой. Къ своему глу-

бочайшему огорченію, онъ долженъ былъ довольно долго пролежать въ постели и дождаться вторженія холеры въ Берлинъ, прежде чѣмъ излечился и могъ уѣхать домой. Но этотъ несчастный случай не лишилъ его обычной его веселости и любезности. Боннель, весьма естественно, сильно испугался, когда, возвратясь домой, узналъ, что Бисмаркъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и лежитъ въ своей комнатѣ, но тотчасъ же утѣшился, увидя, съ какой веселостью упавшій разсказываетъ ему о своемъ происшествіи.

Бисмаркъ дождался своего излеченія съ терпѣливой покорностью судьбѣ, и тогда только могъ предпринять поѣздку въ Книпгофъ со всѣми странными мѣрами предосторожности, которыя предписывалъ господствовавшій страхъ холеры. Напримѣръ, ѣхавшіе на почтовыхъ не могли въ такомъ мѣстечкѣ, какъ Бернау или Вернейхенъ, выходить изъ экипажей, но экипажи съѣзжались вмѣстѣ, становились плотно одинъ подлѣ другаго и тогда разомъ перемѣняли лошадей, между тѣмъ какъ мѣстная стража, съ поднятыми пиками, парадировала почти на манеръ Фальстафа.

Въ другомъ мѣстѣ Бисмаркъ могъ выйти изъ экипажа, но не могъ войти ни въ какой домъ; на большой дорогѣ былъ поставленъ столъ съ приготовленнымъ для проѣзжающихъ кофеемъ и буттербродами, и они завтракали, между тѣмъ, какъ жители издали наблюдали ихъ со страхомъ. Когда Бисмаркъ позвалъ служанку, чтобы заплатить за завтракъ, она съ крикомъ убѣжала отъ него и онъ долженъ былъ положить деньги на столъ. Всего печальнѣе была участь одной спутницы Бисмарка, ѣхавшей въ качествѣ гувернантки къ графу Боркесъ; несчастная дѣвушка не могла пере-

носить продолжительной ѣзды и очутилась въ извѣстномъ состояніи, которое по своимъ наружнымъ симптомамъ имѣетъ несомнѣнное сходство съ холерическими припадками; обстоятельство это произвело сильное негодованіе, чуть не возмущеніе между храброй санитарной стражей города Штаргарда, и несчастную гувернантку, безъ всякой пощады, засадили въ карантинъ. Впрочемъ и Отто Бисмаркъ побывалъ въ карантинѣ, и при томъ два раза—сначала въ городѣ Наугардѣ, а потомъ на своей родинѣ. Его заботливая мать приняла всѣ мѣры предосторожности, бывшія тогда въ ходу; она даже пригласила къ себѣ, на случай холеры, одного отставнаго военнаго врача, по имени Гепперта, который имѣлъ случай изучать эту болѣзнь во время своего продолжительнаго пребыванія въ Россіи. Съ этимъ врачемъ Бисмаркъ любилъ бесѣдовать по цѣлымъ часамъ, потому что, не смотря на свою грубость и одичалость, этотъ жрецъ Эскулапа умѣлъ хорошо и интересно разсказывать свои путешествія. Г-жа фонъ-Бисмаркъ устроила у себя въ имѣніяхъ настоящій карантинъ и, не смотря на то, холера, какъ бы на зло, появилась въ ея владѣніяхъ и пощадила сосѣднія помѣстья: на ярхелинской мельницѣ два мальчика, вопреки запрещенію, искупались, ѣли плоды и пили воду, вслѣдствіе чего сдѣлались жертвою болѣзни. Карантинныя мѣры, не смотря на мягкія формы, въ которыхъ онѣ примѣнялись, были весьма тягостны для Бисмарка, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не вѣрилъ въ заразительность холеры. Позднѣе, когда оба брата завѣдывали имѣніями, въ одномъ изъ нихъ, въ Кюльцѣ, произошелъ случай холеры; жители до такой степени перепугались, что бросили несчастнаго больнаго на

произволъ судьбы и никто не рѣшался войти къ нему въ домъ, чтобы подать помощь; братья Бисмарки явились къ больному, оказали ему нужную помощь и объявили его родственникамъ, что они не оставятъ его, покуда не увѣрятся, что за нимъ будетъ надлежащій уходъ. Это подѣйствовало; крестьяне устыдились своей трусости и взяли на свое попеченіе больнаго.

Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ Отто Бисмаркъ не отличался особенной живостью; въ его натурѣ было скорѣе что-то спокойное и наблюдательное, что выражалось въ особенности и въ его блестящихъ глазахъ; къ этому вскорѣ присоединилась рѣшительность и необыкновенная настойчивость въ преслѣдованіи задуманной цѣли. Онъ былъ привѣтливъ и любезенъ въ обращеніи и еще въ ранней молодости слылъ, какъ говорятъ, за хорошаго компаньона, хотя наперекоръ обычаю такихъ людей, былъ крайне щекотливъ ко всему, что сколько нибудь затрогивало чувство его достоинства. Онъ весьма рано обнаружилъ замѣчательныя умственныя способности; память и способность обнимать предметъ помогли ему въ особенности при изученіи новѣйшихъ языковъ. Отличительной чертой его характера всегда была любовь къ животнымъ; онъ постоянно тратилъ нѣкоторую сумму на хорошихъ лошадей и собакъ. Верховая ѣзда и охота были всегда его любимымъ отдохновеніемъ; онъ былъ неустрашимымъ и ловкимъ ѣздокомъ, хотя и не изучалъ этого искусства во всей тонкости. Онъ былъ также отличнымъ пловцомъ, ловкимъ фехтовальщикомъ и танцоромъ, но собственно къ гимнастическимъ упражненіямъ не имѣлъ охоты. Пламанновскій пансіонъ внушилъ ему глубокое отвращеніе къ нимъ.

Въ характерѣ его проявлялось нѣкоторое упрямство, но почти всегда въ любезныхъ формахъ; всѣ дѣйствія его были открыты и свободны, однако это нисколько не исключало извѣстной скрытности. Этою скрытностью объясняется, почему у него сохранилось такъ мало друзей изъ времени его дѣтства и школьныхъ годовъ,— изъ времени, которое для большей части людей бываетъ такъ обильно друзьями. Но за то, если Бисмаркъ заключалъ съ кѣмъ дружбу, то оставался вѣренъ ей всю жизнь. Къ самымъ старымъ друзьямъ Бисмарка, изъ времени гимназіи, принадлежатъ, кромѣ Морица фонъ-Бланкенбурга, Оскаръ фонъ-Арнимъ, который впослѣдствіи сдѣлался его шуриномъ, Вильгельмъ фонъ-Шенкъ, впослѣдствіи владѣлецъ замка Мансфельдъ и членъ палаты депутатовъ, и Гансъ фонъ-Девитцъ изъ Мекленбурга. Въ университетскій періодъ къ нимъ присоединились графъ Кейзерлингъ изъ Курляндіи, американецъ Вентворсъ Мотлей (Wentworth Motley), Ольдекопъ, впослѣдствіи кригсратъ въ Ганноверѣ, и Лауенштейнъ, впослѣдствіи пасторъ въ Альтенвердерѣ на Эльбѣ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть, что еще въ молодые года онъ съумѣлъ ставить себя въ надлежащія отношенія къ своимъ слугамъ, и почти всѣ они были ему душевно преданы, хотя, въ случаѣ надобности, онъ требовалъ отъ нихъ многаго. Когда впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ братомъ управлялъ померанскими помѣстьями, то однажды сталъ сильно выговаривать одному молодому управляющему за его небрежность въ хозяйствѣ; провинившійся старался оправдать себя тѣмъ, что онъ не имѣетъ никакой охоты къ сельскому хозяйству, что онъ за-

нялся имъ только вслѣдствіе крайней необходимости и т. д.

— Я долго боролся съ этимъ ремесломъ! заключилъ молодой человѣкъ.

— Далеко еще недолго! сухо возразилъ Бисмаркъ.

Эти слова заставили управляющаго образумиться; съ тѣхъ поръ онъ мало-по-малу сдѣлался отличнымъ сельскимъ хозяиномъ и до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаетъ Бисмарково: «далеко еще недолго!»

II.

Университетъ и первая служебная дѣятельность.

Отто фонъ-Бисмаркъ имѣлъ желаніе учиться въ Гейдельбергскомъ университетѣ, но его мать воспротивилась этому, потому что, неизвѣстно по какой причинѣ, думала, что именно въ этомъ университетѣ сынъ ея можетъ сдѣлать дурную привычку потреблять въ непомѣрномъ количествѣ пиво, и по совѣту одного родственника, тайнаго финанц-рата Керля, который въ ученыхъ вещахъ былъ для нея въ нѣкоторомъ родѣ авторитетомъ, выбрала Гёттингенскій университетъ, гдѣ этотъ кузенъ ея самъ нѣкогда учился. Бисмаркъ согласился на такую перемѣну и тотчасъ же предался кутежамъ, предвкушая академическую свободу, которая казалась ему тѣмъ драгоцѣннѣе, что до тѣхъ поръ онъ находился постоянно подъ строгимъ надзоромъ и не имѣлъ никакого понятія о студенческой жизни. Въ Берлинѣ студенческая жизнь не была такъ шумна, не выдавалась замѣтно въ обществѣ, и, кромѣ того, Бисмаркъ держался совершенно вдали отъ студенческихъ кружковъ. Понятно, что онъ отдался ей съ полной

беззавѣтностью сильной натуры, кипящей юными силами, не имѣя при томъ никакого руководителя, никакого совѣтника.

Еще до прибытія своего въ Гёттингенскій университетъ, онъ, въ качествѣ «mulus'a» имѣлъ первую дуэль въ Берлинѣ, съ однимъ храбрымъ юношей Моисеева закона, по имени Вольфомъ, незамедлившимъ при первыхъ ударахъ обратиться въ бѣгство. Впрочемъ, эта первая дуэль происходила, вѣроятно, не по правиламъ студенческихъ дуэлей, и даже безъ всякихъ опредѣленныхъ формальностей, потому что Бисмаркъ былъ раненъ въ ногу, а своему еврейскому противнику сшибъ съ носу очки.

Когда Бисмаркъ прибылъ въ Гёттингенъ, онъ, какъ мы уже сказали, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о студенческой жизни; обычаи, такъ называемый «comment» — все для него было совершенно чуждо и онъ научился этому не тотчасъ, потому что не нашелъ тамъ ни одного сколько нибудь короткаго знакомаго. Нѣкто фонъ-Дренкганъ, котораго онъ прежде мелькомъ видалъ, ввелъ его сперва въ кружокъ мекленбургцевъ, которые не принадлежали ни къ какой студенческой корпораціи, но вообще жили довольно весело. Онъ совершилъ съ ними путешествіе на Гарцъ и только по возвращеніи оттуда должны были предъ нимъ раскрыться прелести настоящей студенческой жизни. Именно, какъ бы въ увѣнчаніе путешествія, Бисмаркъ устроилъ въ честь своихъ спутниковъ завтракъ; не обошлось, конечно, безъ вина и въ минуту увлеченія Бисмаркъ выбросилъ одну бутылку въ окно. На слѣдующее утро Dominus de Bismark былъ потребованъ въ Concilien Haus. Онъ явился въ круглой

шляпѣ, пестромъ берлинскомъ шлафрокѣ и охотничьихъ сапогахъ, въ сопровожденіи своей огромной собаки; университетскій судья крайне изумился такому фантастическому костюму и не отважился подойти къ Бисмарку до тѣхъ поръ, пока онъ не позвалъ къ себѣ своего ворчавшаго пса. За эту противозаконную собаку обладатель ея былъ прежде всего приговоренъ къ дисциплинарному штрафу въ пять талеровъ, и затѣмъ начался мучительный допросъ на счетъ выброшенной изъ окна бутылки. Аккуратный судья не могъ удовольствоваться простымъ объясненіемъ Бисмарка, что бутылка была выброшена въ окно, что она вылетѣла; онъ хотѣлъ непремѣнно знать, какъ это случилось и удовлетворился только тогда, когда обвиняемый ему ясно показалъ, какъ онъ держалъ бутылку въ рукѣ и движеніемъ мускуловъ далъ ей надлежащій полетъ. Вѣроятно, допросъ этотъ сильно раздосадовалъ юнаго студента, потому что онъ разсердился, когда, на возвратномъ пути домой, встрѣтился съ четырьмя студентами изъ корпораціи ганноверцевъ, смѣявшимися надъ его костюмомъ, на который и нельзя было смотрѣть безъ смѣха.

— Вы смѣетесь надо мной? спросилъ Бисмаркъ одного изъ студентовъ и получилъ въ отвѣтъ:

— Конечно, развѣ вы не видите?

Въ своей неопытности Бисмаркъ не зналъ, какъ ему далѣе поступить; онъ чувствовалъ, что ему предстоитъ прекрасный случай устроить дуэль, но ему не доставало для этого необходимаго знанія формальностей, и онъ уже боялся обнаружить это, какъ вдругъ ему пришла въ голову спасительная мысль: онъ обозвалъ одного изъ студентовъ «дуракомъ», и былъ

крайне доволенъ, когда въ заключеніе они всѣ четверо вызвали его на дуэль. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ нужныя для того распоряженія и «сложилъ» оружіе у корпораціи брауншвейгцевъ. (*) Однако изъ четырехъ дуэлей не состоялась ни одна, потому что одинъ хитрый повѣренный ганноверцевъ, который жилъ въ одномъ домѣ съ Бисмаркомъ и узналъ, что померанскій юнкеръ сдѣланъ изъ такого дерева, изъ котораго дѣлаются настоящіе корпораціонные студенты, убѣдилъ своихъ четырехъ товарищей по корпораціи отказаться отъ драки или представить приличныя извиненія; послѣ того «фуксъ» Бисмаркъ заключилъ дружбу съ ганноверцами и сдѣлался членомъ ихъ корпораціи.

За этой первой дуэлью послѣдовали въ продолженіе трехъ семестровъ въ Гёттингенѣ до двадцати другихъ; всѣ онѣ сошли благополучно для Бисмарка и только въ одной онъ былъ раненъ отскочившимъ кускомъ клинка своего противника; рубецъ этотъ видѣнъ до сихъ поръ на щекѣ перваго министра.

При той бурной жизни, какую Бисмаркъ велъ въ Гёттингенѣ, онъ, весьма понятно, не находилъ времени на посѣщеніе лекцій и не смотря на то получалъ прекрасные аттестаты о своемъ прилежаніи; только старый Гуго замѣтилъ, что онъ никогда не видалъ г. фонъ-Бисмарка на своихъ лекціяхъ. Бисмаркъ понадѣялся, что лекціи знаменитаго юриста будутъ посѣщаться такъ усердно, что отсутствіе его пройдетъ незамѣченнымъ, но къ сожалѣнію ошибся въ своихъ

(*) Т. е. присоединился къ этому кружку.

расчетахъ, потому что у стараго профессора оказалось только три слушателя.

Во время пребыванія своего въ Геттингенѣ Бисмаркъ однажды во время вакацій пріѣзжалъ на родину, но своимъ студенческимъ костюмомъ и манерами не понравился своей матери, которая въ его наружности и пріемахъ нашла мало гармоніи съ фигурою дипломата, котораго она хотѣла видѣть въ своемъ сынѣ.

Точно также и въ Берлинѣ, куда Бисмаркъ возвратился осенью 1833 года, онъ нашелъ еще много для себя обаятельнаго въ разнузданности студенческой жизни, такъ что невольно увлекся ея водоворотомъ. Только тогда, когда, подобно грозящему призраку, сталъ приближаться экзаменъ, онъ рѣшился пойти въ первый разъ въ жизни на лекцію; онъ сходилъ туда и во второй и въ послѣдній разъ, и ему стало ясно, что, при короткомъ времени, которое ему оставалось, онъ даже у Савиньи не могъ настолько научиться праву, сколько требовалось ему для экзамена. Вслѣдствіе того, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ никогда болѣе не появлялся на лекціи. Однако экзаменъ сдалъ онъ благополучно, благодаря своему желѣзному прилежанію, своимъ блистательнымъ способностямъ и искусному пріему.

Во время своего студенчества въ Берлинѣ, Бисмаркъ жилъ сначала вмѣстѣ съ графомъ Кейзерлингомъ, изъ Курляндіи, (бывшимъ впослѣдствіи попечителемъ дерптскаго университета); отъ него получилъ онъ любовь къ музыкѣ и въ особенности любилъ слушать произведенія Бетховена. Послѣ Кейзерлинга товарищемъ Бисмарка былъ американецъ, Вентворсъ Мотлей, пріобрѣв-

шій себѣ почотную извѣстность своей «Исторіей освобожденія Нидерландовъ» и другими историческими трудами, и который въ послѣдствіи былъ долгое время посломъ Сѣверо-Американской республики въ Вѣнѣ.

Когда Бисмаркъ, сдавъ экзаменъ, былъ въ 1835 году принятъ въ должность аускультатора, то онъ снова поселился вмѣстѣ съ своимъ братомъ Бернгардомъ, который въ это время уже прослужилъ четыре года офицеромъ въ гвардейскихъ драгунахъ, промѣнялъ мечъ на перо, въ слѣдующемъ году сдалъ свой экзаменъ и поступилъ референдаріемъ при управленіи въ Потсдамѣ. Въ то время какъ Бисмаркъ работалъ въ качествѣ аускультатора при городскомъ судѣ, онъ не разъ проявлялъ свой веселый характеръ въ разнаго рода шуткахъ. Вотъ одна изъ нихъ, достовѣрность которой не подлежитъ сомнѣнію. Бисмакръ допрашивалъ однажды одного кореннаго берлинца, который наконецъ своимъ безстыдствомъ до такой степени его возмутилъ, что онъ внѣ себя вскочилъ и закричалъ ему: «Милостивый государь, удержите вашъ языкъ, или я васъ выброшу вонъ!» Присутствовавшій при этомъ совѣтникъ суда, желая успокоить разгорячившагося аускультатора, сказалъ ему, дружески хлопая его по плечу: «Г. аускультаторъ, выбросить вонъ—это уже *мое* дѣло!» Допросъ продолжается, но вскорѣ Бисмаркъ снова вскакиваетъ и кричитъ отвѣтчику громовымъ голосомъ: «М. г., берегитесь, или я попрошу г-на совѣтника суда, чтобы онъ васъ выбросилъ вонъ!» Можно себѣ вообразить, какую фигуру скорчилъ почтенный совѣтникъ суда!

Къ числу веселыхъ фарсовъ того времени нужно

отнести также и способъ, которымъ аускультаторъ научилъ одного сапожника акуратности; этотъ сапожникъ, не смотря на самыя убѣдительныя обѣщанія, не разъ своею неакуратностью ставилъ Бисмарка въ весьма непріятное положеніе; когда это вновь повторилось, то утромъ въ шесть часовъ явился къ сапожнику посланный, съ простымъ вопросомъ: «Готовы-ли сапоги г-на Бисмарка?» На отрицательный отвѣтъ мастера, посланный удалился, но черезъ десять минутъ раздается снова звонокъ; является другой посланный: «Готовы-ли сапоги г-на Бисмарка?» и такимъ образомъ вопросъ этотъ повторялся каждые десять минутъ въ продолженіи цѣлаго дня, пока, наконецъ къ вечеру, сапоги не были готовы; сапожникъ этотъ никогда болѣе не заставлялъ Бисмарка ждать сапоговъ.

Къ числу общественныхъ кружковъ, которые въ особенности посѣщали въ то время братья Бернгардъ и Отто Бисмарки, принадлежало прежде всего состоящее съ ними въ родствѣ, обильное дочерьми семейство генеральши фонъ-Кессель; она была сестрою Бисмарковой матери и жила въ Берлинѣ. Здѣсь постоянно находилъ онъ непринужденную и веселую привѣтливость и родственное участіе. Другой домъ, который онъ также часто посѣщалъ, былъ домъ его кузена, графа фонъ-Бисмарка-Болена, который также съ своимъ семействомъ проводилъ обыкновенно зиму въ Берлинѣ.

Зимою 1835 — 1836 года Бисмаркъ былъ введенъ и въ придворные кружки и принималъ живое участіе въ обычныхъ празднествахъ. На одномъ придворномъ балу онъ встрѣтился въ первый разъ съ принцемъ

Вильгельмомъ (нынѣшнимъ королемъ.) Бисмаркъ былъ представленъ принцу вмѣстѣ съ однимъ г. фонъ-Шенкомъ, который былъ также высокъ ростомъ, какъ и Бисмаркъ и также служилъ аускультаторомъ. Принцъ Вильгельмъ, взглянувъ на обоихъ рослыхъ юношей, сказалъ шутя: «Видно юстиція выбираетъ себѣ чиновниковъ по гвардейской мѣркѣ».

Это была первая встрѣча между будущимъ королемъ Вильгельмомъ и графомъ Бисмаркомъ; первый въ то время едва-ли думалъ сдѣлаться когда-нибудь королемъ, Бисмаркъ же навѣрно не полагалъ, что ему суждено сдѣлаться первымъ совѣтникомъ этого короля.

Въ 1836 году аускультаторъ фонъ-Бисмаркъ перешелъ изъ министерства юстиціи въ административное вѣдомство, потому что ему, какъ будущему дипломату, нужно было прослужить и въ администраціи, и поступилъ прежде всего въ королевское управленіе въ Ахенѣ. Президентомъ управленія былъ тамъ графъ Арнимъ-Бойтценбургъ, который уже въ то время былъ въ такой славѣ, что Бисмаркъ разсчитывалъ примкнуть къ этому восходящему свѣтилу и слѣдовать по его путямъ. Онъ былъ принятъ въ домѣ Арнима весьма любезно и принялся усердно работать, но вскорѣ попалъ въ вихрь свѣтской жизни, который во время сезона господствовалъ съ особенной силой на знаменитыхъ водахъ этого имперскаго города. Онъ завязалъ короткое знакомство съ англичанами, бельгійцами, французами, предпринимая съ ними неоднократныя поѣздки въ Бельгію, Францію и въ прирейнскую страну; особенно ласкали его англичане, которымъ было пріятно встрѣтить молодаго джентльмена, владѣвшаго въ совершенствѣ

ихъ языкомъ. Но наконецъ обстоятельства его такъ запутались, что онъ едва могъ вырваться, и то при помощи друга, изъ этого водоворота, губившаго его матеріально и морально, и долженъ былъ оставить Ахенъ.

Осенью 1837 года онъ перемѣстился въ королевское управленіе въ Потсдамъ. Въ 1838 году, чтобы отбыть свою военную службу, онъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ. Однако веселая жизнь съ офицерами продолжалась тамъ недолго, потому что еще въ томъ же году онъ просилъ о своемъ перемѣщеніи во второй егерскій батальонъ, въ Грейфсвальдъ, потому что надѣялся там, помимо своихъ служебныхъ обязанностей, слушать лекціи въ сельско-хозяйственной академіи въ Эльденѣ.

Къ этому принуждало его то печальное обстоятельство, что отцовскія помѣстья въ Помераніи готовы были, по причинамъ, которыя мы выше объяснили, придти въ совершенное раззореніе. Въ то время сыновья предложили отцу уступить имъ тогда же померанскія имѣнія, въ счетъ ихъ будущаго наслѣдства. Это было единственное средство спасти имѣнія. Родители согласились на это предложеніе и намѣревались удалиться въ Шёнгаузенъ, чтобы спокойно провести тамъ остатокъ дней своихъ. Отецъ, дѣйствительно, прожилъ тамъ до 1845 года, между тѣмъ какъ уже давно хворавшая мать искала себѣ лучшей медицинской помощи въ Берлинѣ, гдѣ и скончалась 1 ноября 1839 года.

Сначала старшій братъ, Бернгардъ фонъ-Бисмаркъ, принялъ одинъ въ свои руки управленіе имѣніями, между тѣмъ, какъ Отто оставался въ Грейфсвальдѣ до окончанія срока своей службы, до осени 1839 года;

хотя онъ и убѣдился вскорѣ въ невозможности соединить военную службу съ сельско-хозяйственными лекціями, но такъ какъ ничего инаго тамъ не оставалось дѣлать, то онъ снова повелъ разгульную студенческую жизнь.

Лѣтомъ 1839 года Отто Бисмаркъ вступилъ въ управленіе померанскими помѣстьями и занимался ими, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, до лѣта 1841 года; около этого времени старшій братъ былъ выбранъ ландратомъ наугардскаго округа, женился и поселился въ своемъ уѣздномъ городѣ. Вслѣдствіе этого братья вынуждены были раздѣлить между собою имѣнія: старшій братъ получилъ Кюльцъ, а младшій Книпгофъ и Ярхелинъ.

Младшій братъ еще прежде хотѣлъ раздѣлить имѣнія, потому что при своемъ образѣ жизни онъ тратилъ больше, чѣмъ старшій братъ, и вслѣдствіе того послѣднему, при общемъ хозяйствѣ, часто не доставало денегъ; но онъ, до самой женитьбы, ни за что на это не соглашался и вообще отношенія между обоими оставались всегда самыми искренними.

Бисмаркъ занялъ мѣсто своего брата въ качествѣ уѣзднаго депутата, управлялъ нѣсколько разъ въ слѣдующіе годы, вмѣсто ландрата, наугардскимъ уѣздомъ и былъ также выбранъ дворянскимъ депутатомъ въ померанскій провинціальный ландтагъ, но, соскучась незначительными занятіями, которыя ему были поручены, сложилъ съ себя полномочіе тотчасъ же послѣ первой сессіи; его замѣнилъ снова старшій братъ, предоставившій ему это мѣсто только изъ братской дружбы.

Когда Бисмаркъ, 23 лѣтъ отъ роду, среди самыхъ

стѣсненныхъ обстоятельствъ, безъ кредита, безъ оборотнаго капитала, принялъ въ свои руки управленіе раззоренными имѣніями, онъ выказалъ достаточно осмотрительности и дѣятельности и пока суровая нужда тяготѣла надъ нимъ, сельско-хозяйственная дѣятельность вполнѣ его удовлетворяла, но чѣмъ болѣе, благодаря его стараніямъ, имѣнія снова приходили въ цвѣтущее положеніе, чѣмъ болѣе онъ могъ положиться на способныхъ людей, тѣмъ менѣе удовлетворяло его хозяйство. Кругъ дѣятельности былъ слишкомъ тѣсенъ для него. Онъ создалъ себѣ, въ своей юношеской фантазіи, родъ идеала сельскаго юнкера и, сообразно тому, не держалъ экипажа, дѣлалъ всѣ поѣздки верхомъ и изумлялъ сосѣдей, совершая 40—60 верстъ пѣшкомъ, чтобы прибыть на званый вечеръ въ Польцинъ. Но, не смотря на подобный образъ жизни, мучительное чувство одиночества все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало имъ, и тотъ самый Бисмаркъ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ беззаботно бражничалъ въ кругу офицеровъ какого-нибудь ближайшаго гарнизона, пріѣхавъ домой, предавался въ тиши уединенія самымъ мрачнымъ мыслямъ и самымъ томительнымъ чувствамъ. Чѣмъ менѣе находилъ онъ дѣйствительной радости въ безпутной жизни, тѣмъ болѣе совершалъ онъ безумствъ и пріобрѣлъ себѣ страшную репутацію у пожилыхъ мужчинъ и дамъ, которые пророчили «сумасбродному Бисмарку» неминуемую моральную гибель и банкротство.

Молодой владѣлецъ Книпгофа, терзаемый какой-то смутной потребностью дѣятельности, не зная отдыха, душевнаго покоя, тратя время безъ всякой цѣли, то одиноко бродилъ по полямъ, то собиралъ вокругъ себя

веселыхъ товарищей-бражниковъ. Странные слухи ходили въ народѣ на счетъ ночныхъ попоекъ, на которыхъ никто не могъ столько выпить, какъ «сумасбродный Бисмаркъ» изъ большаго, наполненнаго на половину портеромъ и шампанскимъ, бокала. Неслыханныя вещи разсказывались, особенно въ дамскихъ кружкахъ, о томъ, что совершается въ простомъ помѣщичьемъ домѣ въ Книпгофѣ, который для нихъ превратился въ таинственный замокъ, населенный привидѣніями. Но привидѣнія эти должны были обладать сильными нервами; по крайней мѣрѣ гости, которые тамъ крѣпко храпѣли, убаюканные портеромъ и шампанскимъ, были нерѣдко пробуждаемы пистолетными выстрѣлами, такъ что пули ударялись надъ ними въ крышу и куски извести падали на ихъ измятыя лица. Многіе гости стрѣляли изъ пистолетовъ безъ всякаго разбора.

Но однако иногда, по разсказамъ гостей того времени, они по цѣлымъ вечерамъ тамъ страшно скучали, потому что Бисмаркъ часто до глубокой ночи велъ политическія разсужденія съ своими ближайшими друзьями — фонъ-Девицомъ изъ Мезова и фонъ-Бюловымъ изъ Гоффельда, — людьми, которые такъ рѣзко отличались отъ него характерами и которые однако были постоянно съ нимъ вмѣстѣ. Тогдашняя молодежь еще не интересовалась политическими разговорами, какъ нынѣшняя, а о группировкѣ на политическія партіи тогда почти еще и не думали. Нужно однако замѣтить, что Отто фонъ-Бисмаркъ, не смотря на свою разгульную жизнь, пользовался большимъ уваженіемъ своего кружка, который охотно внималъ его рѣчамъ, хотя онѣ и возбуждали въ немъ скуку.—«Онъ внушалъ всѣмъ

намъ невольное уваженіе и, какъ кажется, онъ былъ тогда довольно либераленъ!» разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ тогдашнихъ его друзей. Впрочемъ, о Бисмаркѣ отзывались многіе люди серьезные и солидные, что изъ этой шумно-бродящей массы выйдетъ со временемъ крѣпкое вино. Въ одно время его хотѣли выбрать въ ландраты, но Бисмаркъ рѣшительно отклонилъ это.

Но вскорѣ, вдругъ дикая, буйная жизнь въ Книпгофѣ совершенно стихла, такъ что всѣ изумились и шептали другъ другу: «Вѣрно молодая барыня пріѣдетъ въ Книпгофъ!» Но жители обманулись, молодая барыня не пріѣхала, а скоро разнеслись слухи, что Бисмаркъ ѣдетъ въ Индію. Однако въ Индію онъ не поѣхалъ, хотя можетъ быть нѣкоторое время дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе.

Впрочемъ должно сказать, что Бисмаркъ по рыцарски оборонялся отъ демоновъ, которые его обступали. Онъ очень много читалъ и получалъ постоянно книги отъ своего книгопродавца, преимущественно историческія сочиненія, а также богословскія и философскія; между прочимъ, онъ основательно изучилъ Спинозу. Онъ всячески старался избавиться отъ мрачнаго настроенія мыслей, которое въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ воспоминаній, оставленныхъ нѣкоторыми связями на Рейнѣ, въ Ахенѣ, и предался путешествіямъ; онъ посѣтилъ въ эти годы Францію и Англію; послѣ того, онъ поступилъ снова на службу, референдаріемъ при Потсдамскомъ управленіи, и работалъ усердно, потому что друзья его, какъ, напримѣръ, баронъ Зенфтъ-фонъ-Пильзахъ, бывшій впослѣдствіи оберъ-президентомъ Помераніи, въ особенности же братъ его, считали его

преимущественно способнымъ къ государственной службѣ, хотя онъ и тогда уже обнаруживалъ большую строптивость передъ своимъ начальствомъ. Въ это время онъ въ одномъ обществѣ далъ самымъ любезнымъ образомъ понять своему президенту, который попробовалъ было трактовать его, какъ референдарія, весьма высокомѣрно, что онъ, г. фонъ-Бисмаркъ, въ обществѣ значитъ совершенно столько же, сколько и онъ, г. фонъ-Х..., что, конечно, не очень понравилось г. президенту. Другой начальникъ однажды показалъ видъ, будто совершенно забылъ о присутствіи Бисмарка, подошелъ къ окну и сталъ преспокойно барабанить пальцемъ по стеклу; Бисмаркъ тотчасъ также подошелъ къ окну и весело забарабанилъ дессаускій маршъ. То же начальствующее лицо заставило однажды Бисмарка прождать въ своей пріемной цѣлый часъ и затѣмъ на свой краткій вопросъ: «что вамъ угодно?» получило въ отвѣтъ: «Я пришелъ сюда, чтобы просить объ отпускѣ, теперь же я прошу объ отставкѣ!»

Къ этому же времени относится и представленное Бисмаркомъ мнѣніе по крестьянскому дѣлу — мнѣніе, которое произвело столь сильное впечатлѣніе между юнкерской партіей, что Бисмарка охотно сдѣлали бы ландратомъ въ Познани или Пруссіи, если бы онъ захотѣлъ туда отправиться. Друзья его приводятъ до сихъ поръ изъ этого мнѣнія классическую фразу: «Вы ничѣмъ не можете мнѣ заплатить, если паркъ моего отца превратите въ прудъ съ карпами, или могилу моей покойной — тетки въ болото для разведенія угрей!»

Наконецъ онъ возъимѣлъ планъ поселиться въ Шёнгаузенѣ и сдѣлаться ландратомъ въ древнемъ по-

мѣстьѣ своей фамиліи. Отецъ былъ готовъ отдать ему тотчасъ же Шёнгаузенъ; однако и этотъ планъ не удался. Осенью 1844 года, по возвращеніи изъ продолжительнаго путешествія, онъ имѣлъ радость присутствовать при бракосочетаніи своей единственной сестры Мальвины, находившейся съ нимъ съ самаго дѣтства въ самой нѣжной дружбѣ, съ товарищемъ его юности, ангермюндскимъ ландратомъ Оскаромъ фонъ-Арнимомъ.

Только по смерти отца, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1845 г., сыновья раздѣлили между собою наслѣдство такимъ образомъ, что старшій братъ удержалъ за собою Кюльцъ и къ этому получилъ Ярхелинъ, между тѣмъ какъ младшій сохранилъ Книпгофъ и получилъ, кромѣ того, родовое помѣстье Шёнгаузенъ въ Альтмаркѣ.

Съ этихъ поръ Бисмаркъ основался въ Шёнгаузенѣ, сдѣлался тамъ членомъ земства, завѣдывающимъ плотинами и гатями, и позже депутатомъ отъ дворянства іериховскаго уѣзда въ саксонскомъ провинціальномъ ландтагѣ въ Мерзебургѣ. Въ качествѣ таковаго, онъ участвовалъ въ 1847 году въ первомъ соединенномъ ландтагѣ, гдѣ онъ впервые обратилъ на себя вниманіе и въ болѣе отдаленныхъ кружкахъ.

Въ теченіи этихъ лѣтъ Бисмаркъ пріобрѣлъ и первый орденъ, который долгое время одинъ красовался на его груди, но который онъ носитъ и до сихъ поръ рядомъ съ звѣздами высшихъ орденовъ христіанскаго міра. Лѣтомъ 1842 года, будучи кавалерійскимъ офицеромъ ландвера, онъ стоялъ съ старгардскимъ уланскимъ эскадрономъ ландвера, для ученій, близъ Липпене въ Неймаркѣ и однажды послѣ обѣда разговаривалъ съ другими офицерами на тамошнемъ мосту, пере-

кинутомъ черезъ озеро; въ это время конюхъ его Гильдебрандъ поѣхалъ въ озеро купать и поить его лошадь. Вдругъ лошадь поплыла и когда оробѣвшій всадникъ крѣпко ухватился за поводья, то она опрокинулась и Гильдебрандъ исчезъ въ водѣ. Раздался громкій крикъ ужаса; Бисмаркъ тотчасъ сбросилъ съ себя саблю, быстро снялъ мундиръ и кинулся головой внизъ въ озеро, чтобы спасти своего слугу. Онъ успѣлъ настичь его, но утопавшій, въ смертельномъ испугѣ, такъ крѣпко обхватилъ его, что Бисмаркъ долженъ былъ сначала пойти вмѣстѣ съ нимъ ко дну, чтобы отъ него отбиться. Съ ужасомъ смотрѣла сбѣжавшаяся на берегу толпа на эту сцену; господина и слугу считали погибшими, пузырьки стали показываться со дна, но сильному пловцу удалось вырваться изъ гибельныхъ объятій; онъ вынырнулъ, таща за собою слугу, котораго и доставилъ благополучно на берегъ, конечно бездыханнаго; однако послѣ первыхъ попытокъ къ оживленію, Гильдебрандъ пришелъ въ себя и на слѣдующій день былъ здоровъ. Небольшой городокъ, бывшій частію свидѣтелемъ этого мужественнаго поступка, пришелъ въ сильное волненіе и выразилъ свои признательныя чувства тѣмъ, что суперъ-интендантъ, облачившись во всѣ регаліи, вышелъ на встрѣчу Бисмарку и поздравилъ его съ этимъ счастливымъ случаемъ, принесшимъ Бисмарку простую медаль, за спасеніе погибавшаго, которую можно замѣтить на груди перваго министра рядомъ со многими сіяющими звѣздами. Бисмаркъ гордится этимъ знакомъ отличія и когда однажды одинъ знатный дипломатъ, можетъ быть не безъ оттѣнка ироніи, спросилъ его о значеніи этого скромнаго ордена, который въ то время

былъ у него единственнымъ, онъ отвѣтилъ быстро: «Я имѣю привычку иногда спасти человѣку жизнь!» Дипломатъ потупилъ глаза передъ строгимъ взглядомъ, которымъ Бисмаркъ сопровождалъ свои шутливыя слова.

Весною 1843 года поручикъ фонъ-Бисмаркъ испросилъ и получилъ отъ старгардскаго батальона ландвера позволеніе отбыть нѣсколько мѣсяцевъ службы въ 4-мъ уланскомъ полку, стоявшемъ въ то время гарнизономъ въ Трептовѣ и Грейфенбергѣ. Существенной цѣлью Бисмарка при этомъ было хорошенько ознакомиться съ офицерской службою въ дѣйствительной арміи, хотя онъ не высказывалъ этого открыто и увѣрялъ уланскихъ офицеровъ, что только ихъ любезное общество побудило его перейти къ нимъ. Правда, онъ жилъ съ ними на правахъ самаго короткаго товарищества и часто, почти каждую субботу, принималъ ихъ у себя въ Книпгофѣ, гдѣ они и прежде довольно часто бывали его гостями, а впослѣдствіи еще чаще. Полковымъ командиромъ былъ въ то время подполковникъ фонъ-Плеве, который впослѣдствіи, уже будучи генераломъ, палъ на дуэли,—личность во многихъ отношеніяхъ весьма почтенная и пользовавшаяся большой извѣстностью. Плеве былъ однимъ изъ немногихъ выдающихся людей, которые нисколько не подозрѣвали того, что̀ скрывается подъ шероховатой фигурой поручика ландвера, поступившаго такимъ необыкновеннымъ способомъ въ его полкъ; онъ никакъ не могъ стать въ правильныя отношенія къ Бисмарку. На половинѣ пути между Трептовомъ и Грейфенбергомъ, гдѣ стоялъ Бисмаркъ, находится перепутье, носящее названіе «Золотой Мопсъ»; туда обы-

кновенно строгій полковой командиръ вызывалъ офицеровъ изъ Грейфенберга, когда хотѣлъ сдѣлать кому нибудь изъ нихъ выговоръ, и какъ часто Бисмаркъ ѣздилъ къ «Золотому Мопсу»! Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ Бисмаркъ говоритъ своимъ бывшимъ товарищамъ 4-го уланскаго полка: «Съ вами провелъ я самую пріятную пору моей жизни».

III.

Сватовство и женитьба Бисмарка.

Въ домѣ своего друга и сосѣда по имѣнію, Морица фонъ-Бланкенбурга, Бисмаркъ нерѣдко встрѣчалъ одну подругу хозяйки дома, съ которою не разъ вступалъ въ оживленные разговоры; однако ближе познакомился онъ съ дѣвицей Іоганной фонъ-Путкаммеръ только во время одной поѣздки, которую оба они предприняли вмѣстѣ съ Бланкенбургами. Можетъ быть Бисмаркъ скоро созналъ въ себѣ любовь къ молодой дѣвушкѣ, но, понятно, гораздо труднѣе было ему узнать, платитъ ли она за его любовь взаимностью. Это долго поддерживало въ немъ крайне тревожное состояніе; впрочемъ, еслибы онъ и былъ увѣренъ во взаимности предмета своей страсти, то ему оставалось преодолѣть еще не мало затрудненій.

Мы уже упоминали о репутаціи, которою пользовался «сумасбродный Бисмаркъ» у почтенныхъ господъ и дамъ въ Помераніи. Поэтому можно себѣ вообразить, какое смущеніе, какой ужасъ распространился въ тихомъ, благочестивомъ домѣ г. фонъ-Путкаммеръ, въ

Рейнфельдѣ, когда туда пришло письмо, въ которомъ Бисмаркъ прямо просилъ руки дочери. Но ужасъ этотъ еще болѣе усилился, когда сама дочь застѣнчиво, но съ твердостью призналась въ своей любви къ Бисмарку. «Меня будто хватили обухомъ по головѣ!» въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ описывалъ впослѣдствіи старикъ Путкаммеръ свои тогдашнія впечатлѣнія. Однако онъ вовсе не желалъ разыгрывать изъ себя отца-тирана, и, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе на этотъ бракъ, въ чемъ впослѣдствіи никогда не имѣлъ повода раскаяваться; мать же, женщина горячая и впечатлительная, энергически возставала противъ такого брака, пока самъ Бисмаркъ не прибылъ въ Рейнфельдъ и не прижалъ, на ея глазахъ, невѣсту къ своему сердцу.

Въ промежутокъ времени между обрученіемъ и свадьбою начинается дѣятельность Бисмарка на первомъ соединенномъ ландтагѣ.

28 іюня 1847 года Отто фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ сочетался бракомъ съ Іоганной-Фридерикой-Шарлоттой-Доротеей-Элеонорой фонъ-Путкаммеръ, родившейся 11 апрѣля 1824 года, единственной дочерью Генриха-Эрнста-Якоба фонъ-Путкаммеръ и г-жи Луитгарды урожденной фонъ-Глазенапъ.

Во время путешествія, которое Бисмаркъ совершилъ послѣ свадьбы, съ своей молодой женой по Швейцаріи и Италіи, онъ совершенно случайно встрѣтился въ Венеціи съ своимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Онъ былъ тотчасъ же приглашенъ къ королевскому столу и король долго и весьма обстоятельно бесѣдовалъ съ нимъ, преимущественно о германскихъ дѣлахъ. Вѣроятно бесѣда эта имѣла нѣкоторое влія-

ніе на столь неожиданное назначеніе Бисмарка впослѣдствіи посломъ при союзномъ сеймѣ, и во всякомъ случаѣ послужила началомъ тому особенному расположенію, которое король Фридрихъ-Вильгельмъ IV всегда питалъ къ Бисмарку.

Бисмаркъ былъ такъ мало приготовленъ, чтобы быть гостемъ своего короля, что даже не запасся въ дорогу соотвѣтственнымъ для такого случая костюмомъ, и явился предъ его величествомъ въ занятомъ у кого-то платьѣ, которое, при высокомъ ростѣ Бисмарка, сидѣло на немъ весьма некрасиво.

Бисмаркъ основалъ свой домашній очагъ въ старинной резиденціи своихъ предковъ въ Шёнгаузенѣ, и хотя онъ прожилъ тамъ немного лѣтъ, однако Шёнгаузенъ оставался его номинальнымъ жилищемъ до самого того времени, покуда онъ не сдѣлался первымъ министромъ. Если онъ въ настоящее время, въ дни отдыха предпочитаетъ пребываніе въ своихъ померанскихъ помѣстьяхъ пребыванію въ Альтмаркѣ, то это происходитъ не отъ недостатка любви къ своей родинѣ, но изъ вниманія къ престарѣлому, почти восьмидесятилѣтнему, но все еще бодрому и умственно свѣжему г. фонъ-Путкаммеру, отцу своей жены, живущему вблизи Варцина, а во вторыхъ и потому, что онъ въ своемъ померанскомъ имѣніи находитъ три вещи, недостатокъ которыхъ въ Шёнгаузенѣ былъ бы для него большимъ лишеніемъ. Въ Шёнгаузенѣ, не такъ какъ въ Варцинѣ, лѣсъ не окружаетъ со всѣхъ сторонъ домъ, но отстоитъ отъ него на часъ ходьбы, а онъ любитъ лѣсъ, какъ стараго друга; во-вторыхъ, дичь, которою нѣкогда славился Шёнгаузенъ, почти совершенно вывелась, и наконецъ тяжелая, удобная

для пшеницы, почва тамъ хотя гладка, но жестка или же кочковата и слѣдственно неудобна для ѣзды,— Бисмаркъ же по прежнему, какъ и въ дни своей юности, страстный ѣздокъ и охотникъ.

Отъ брака своего съ Іоганною Путкаммеръ Бисмаркъ имѣетъ троихъ дѣтей: дочь Марію-Елизавету-Іоганну, родившуюся 21 августа 1848 года въ Шёнгаузенѣ; сына Николая-Генриха-Фердинанда-Герберта, родившагося 28 декабря 1849 г. въ Берлинѣ, и Вильгельма-Отто-Альбрехта, родившагося 1 августа 1852 года во Франкфуртѣ на Майнѣ.

II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ БИСМАРКА.

I.

1847 г.

Первое появленіе Бисмарка въ парламентъ. — Его первыя рѣчи. — Значеніе ихъ.

Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ въ 1847 году свой февральскій патентъ и созвалъ соединенный парламентъ съ двумя палатами — палатою господъ и трехсословною,—онъ хотѣлъ, чтобы народъ принялъ это какъ доказательство любви его и довѣрія къ народу; но вслѣдъ за радостью, которою былъ встрѣченъ февральскій патентъ, короля ожидало самое горькое разочарованіе.

Прежде всего, съ недовѣріемъ взирали на новую конституцію старые роялисты Пруссіи, выросшіе и состарѣвшіеся въ чисто-кровномъ прусскомъ абсолютизмѣ Фридриха-Вильгельма III; они никакъ не могли понять, почему самъ ихъ король добровольно счелъ за нужное созвать парламентъ, на подобіе англійскаго, и, покачивая въ раздумьи посѣдѣвшими головами, выводили отсюда всякаго рода печальныя послѣдствія.

Рядомъ съ этими людьми, число которыхъ въ то время было еще весьма значительно и которые пользовались большимъ вліяніемъ, стояли тѣ, которые конечно предчувствовали, что злоупотребленія бюрократизма нельзя болѣе лечить только патріархальнымъ абсолютизмомъ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ были убѣждены, что король, своимъ патентомъ, далъ въ этомъ отношеніи все, что только могъ дать, и видѣли въ патентѣ послѣдній оплотъ королевской власти, который слѣдовало изъ всѣхъ силъ отстаивать противъ либерализма. Въ отпоръ этимъ роялистамъ развернула свое пестрое знамя армія либераловъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ разныхъ колоннъ, но которыя всѣ смотрѣли на февральскій патентъ какъ на исходный пунктъ для дальнѣйшаго движенія, — партія, которая, опираясь на патентъ, желала превратить абсолютное управленіе государствомъ въ современную конституціонную монархію.

Мы не намѣрены здѣсь подвергать подробной критикѣ стремленія этихъ разныхъ партій, но несомнѣнно то, что ни одна изъ нихъ не приняла февральскій патентъ въ томъ смыслѣ, который желалъ придать ему король; это сдѣлали только тѣ, которые поняли, что король, исходя отъ существовавшаго провинціальнаго и сословнаго устройства государства, желалъ этими имперски-сословными учрежденіями образовать особую прусскую сословную монархію. Они видѣли въ февральскомъ патентѣ не законченное дѣло, но начало сословной монархіи, которая конечно могла развиться только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ теченіемъ времени.

Къ этимъ людямъ, которые, хотя и считали вмѣстѣ

съ либералами патентъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія, но хотѣли привести это развитіе не къ современному конституціонализму, а, вмѣстѣ съ королемъ къ своеобразной, спеціально-прусской, сословной монархіи, принадлежалъ и графъ Бисмаркъ.

Саксонскій провинціальный сеймъ въ Мерзебургѣ выбралъ Бисмарка членомъ земства, завѣдывающимъ плотинами и гатями (Deichhauptmann) и поручика фонъ-Браухича, изъ Шартейка въ іериховскомъ уѣздѣ, депутатомъ въ соединенный ландтагъ, кандидатомъ же къ нему выбралъ дейхгауптмана фонъ-Бисмарка изъ Шёнгаузена. Такъ какъ Браухичъ тяжко заболѣлъ, то на мѣсто его призвали кандидата.

Бисмаркъ явился въ бѣлой залѣ королевскаго дворца въ Кельнѣ (Coelln) на Шпрее, въ которой трехсословная курія имѣла свои засѣданія, какъ представитель іериховскаго дворянства, какъ рыцарь и вассалъ короля; но въ то время онъ былъ почти такъ же либераленъ, какъ и большая часть другихъ; либерализмъ былъ въ то время въ атмосферѣ, его вдыхали вмѣстѣ съ воздухомъ, его нельзя было избѣгнуть; при многихъ своихъ слабыхъ сторонахъ, онъ имѣлъ и основательное право на существованіе, что придавало ему такую силу.

Консервативной партіи, въ нынѣшнемъ смыслѣ, еще не существовало и вслѣдствіе не вполнѣ выяснившихся принциповъ партіи еще не успѣли рѣзко обозначиться. Конечно, графъ Бисмаркъ встрѣтилъ въ бѣломъ залѣ довольно людей, убѣжденія которыхъ были ему извѣстны, въ томъ числѣ своего брата, ландрата, своихъ кузеновъ — графа Бисмарка-Болена и фонъ-Бисмарка-Бриста, своего будущаго тестя фонъ-

Путкаммера, фонъ-Таддена, фонъ-Веделя и многихъ другихъ; но къ несчастью большая часть этихъ господъ — какъ фонъ-Тадденъ весьма наивно отозвался о себѣ самомъ — были не только дурными ораторами, но и вовсе не умѣли говорить. Точно также и оба барона Мантейфели не могли помѣриться, какъ ораторы, съ блестящими риторами либераловъ, баронами фонъ-Финке, Кампгаузеномъ, Мевиссеномъ, Бекератомъ и т. п.

Въ настоящее время немного найдется людей, которые бы могли прочесть нѣкогда столь знаменитыя рѣчи перваго соединеннаго ландтага безъ грустной или насмѣшливой улыбки; это была цвѣтущая эпоха *либеральной фразы*, которая дѣйствовала опьяняющимъ образомъ на умы.

И на Бисмарка она подѣйствовала такимъ же образомъ; но онъ весьма скоро охладилъ свой пылъ, увидѣвъ, что эти великіе ораторы, говорившіе только въ силу февральскаго патента, стремились къ цѣли вовсе несогласной со смысломъ этого патента. Ему казалось дѣломъ несообразнымъ, стоя на юридической почвѣ февральскаго патента, ратовать противъ его смысла и духа въ пользу новѣйшаго конституціонализма.

Отъ либеральной фразы вѣяло ему чѣмъ-то непріятнымъ, и чѣмъ изящнѣе были ея формы, тѣмъ болѣе она не нравилась ему, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пустота ея была для него очевидна. Онъ скоро убѣдился, что люди, вообще весьма почтенные, совершали подъ вліяніемъ господства либеральной фразы, совершенно ложныя вещи — и глубокое недовѣріе овладѣло имъ. Онъ началъ понимать, сколь опасной мо-

жетъ сдѣлаться для королевской власти такая неуловимая сила.

Въ засѣданіи трехсословной куріи 17 мая, депутатъ фонъ-Заукенъ произнесъ одну изъ тѣхъ пышныхъ, пламенныхъ рѣчей, которымъ въ то время такъ удивлялись, и въ которой онъ утверждалъ, что прусскій народъ возсталъ въ 1813 году собственно только для того, чтобы добиться конституціи. Тоже самое прежде неоднократно высказывали Бекератъ и другіе.

Послѣ того как либеральный ораторъ удалился среди рукоплесканій собранія, на трибуну въ первый разъ взошелъ депутатъ Бисмаркъ; это была высокая плотная фигура, съ густыми, коротко остриженными волосами, съ здоровымъ слегка румянымъ лицомъ, окаймленнымъ густою свѣтлою бородою, съ блестящими, нѣсколько на выкатѣ, глазами, á fleur de tête, какъ говорятъ французы. Онъ окинулъ взоромъ собраніе и заговорилъ просто, порою останавливаясь, съ рѣзкимъ, непріятнымъ звукомъ въ голосѣ: «Мнѣ трудно будетъ, послѣ рѣчи, внушенной такимъ благороднымъ одушевленіемъ, сказать свое слово, чтобы представить небольшую поправку.» Затѣмъ онъ сталъ подробно разсматривать одно изъ предшествовавшихъ рѣшеній палаты и продолжалъ: «Разбирать остальныя части рѣчи я сочту нужнымъ только тогда, когда рѣчь будетъ идти о политическихъ вопросахъ; теперь же я только считаю необходимымъ опровергнуть то, что уже не разъ говорилось во всеуслышаніе не только съ этой трибуны, но и внѣ стѣнъ этой залы, когда дѣло заходило о притязаніяхъ на конституцію, а именно, будто бы народное движеніе 1813 года слѣдуетъ приписать другимъ причинамъ и будто бы оно нужда-

лось въ иномъ побужденіи, а не въ позорѣ, что иноземецъ повелѣвалъ нашей страной.....»

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ такими громкими криками неодобренія, ропотомъ и восклицаніями, что нельзя было болѣе разслышать его словъ. Спокойно вынулъ онъ изъ кармана газету—это была Шпенерева Газета — и удобно облокотясь, сталъ читать ее, пока президентъ не возстановилъ спокойствія; затѣмъ, среди непрерывнаго ропота, заключилъ свою рѣчь словами: «По моему мнѣнію, значило бы оказывать національной чести дурную услугу, если допускать, что притѣсненія и угнетенія, которыя пруссаки терпѣли отъ чужеземнаго властелина, были недостаточны, чтобы взволновать кровь въ ихъ жилахъ и ненавистью къ пришельцу заглушить всѣ прочія чувства!»

Среди сильнаго шума оставилъ Бисмаркъ трибуну; десять или двѣнадцать голосовъ стали наперерывъ перебивать слова.

Въ настоящее время трудно понять, какимъ образомъ мимолетное изложеніе простаго мнѣнія, которое, даже если бы оно было ошибочно, никого не оскорбляло, могло возбудить такую бурю. Бисмаркъ, дѣйствительно, никого лично не оскорбилъ, но онъ выступилъ въ бой съ либеральной фразой, и тотчасъ же представители ея набросились на члена дворянства саксонской провинціи. Особенно неловко было положеніе стариковъ, которые въ 1813 году добровольно выступили въ походъ, а теперь приписывали уже всему народу побужденія, которыя они будто бы въ то время имѣли.

Они кончили тѣмъ, что просто на просто отказывали члену саксонскаго дворянства въ правѣ разсуж-

дать объ этомъ предметѣ, на томъ основаніи, что его еще не было въ живыхъ въ ту великую эпоху. Когда они среди бурныхъ криковъ: «браво!» успѣли излить все свое негодованіе на Бисмарка, послѣдній снова взошелъ на ораторскую трибуну; но непріязнь либераловъ къ нему была уже такъ сильна, что предсѣдатель долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы удержать за нимъ право слова.

Теперь Бисмаркъ заговорилъ плавно и уже совершенно съ той манерой, которая сохранилась у него до сихъ поръ, холодно и рѣзко: «Я, конечно, не могу оспаривать, что я въ то время не жилъ на свѣтѣ, и я всегда искренно сожалѣлъ, что мнѣ не суждено было участвовать въ означенномъ возстаніи; сожалѣніе мое о томъ, конечно, уменьшится вслѣдствіе разъясненія, которое я сейчасъ получилъ. Я всегда полагалъ, что главная и единственная причина неволи, противъ которой боролись, находилась за границей, сейчасъ же меня вразумили, что она находилась въ самой странѣ; я вовсе не благодаренъ за это разъясненіе!»

На ропотъ либераловъ возвысились теперь нѣсколько голосовъ: «браво!»

Съ этой минуты вся ненависть печати обратилась на Бисмарка; она безъ исключенія находилась въ рукахъ либераловъ, она безгранично господствовала надъ общественнымъ мнѣніемъ и дѣйствовала относительно Бисмарка еще враждебнѣе, чѣмъ относительно фонъ-Таддена и Мантейфеля. Такимъ образомъ эта первая рѣчь Бисмарка способствовала сложившемуся общему убѣжденію о его обскурантизмѣ и его крайнихъ юнкерскихъ стремленіяхъ. Либеральной печати удалось создать изъ Бисмарка фигуру, на половину страшную, на

половину смѣшную, и ею-то она старалась до послѣдняго времени пугать либеральную партію.

Мы распространились объ этомъ пунктѣ, потому что отсюда объясняется упорное недовѣріе, которое еще много лѣтъ спустя, часть народа выказывала къ Бисмарку. Но начавшій свое поприще политикъ на насмѣшки своихъ противниковъ часто отвѣчалъ не менѣе рѣзкими насмѣшками.

Такимъ образомъ вскорѣ онъ очутился въ открытой войнѣ съ либерализмомъ и первыя же рѣчи Бисмарка показали, что онъ горячо принималъ дѣло къ сердцу. Онъ откровенно и прямо высказывалъ свои мнѣнія и убѣжденія; это его отличительная черта; онъ всегда облекалъ свои мысли въ форму рѣзкаго нападенія, которое по большей части усиливалъ оттѣнкомъ презрѣнія и горькой насмѣшки. Такъ началась парламентская борьба Бисмарка съ его противниками.

Въ засѣданіи трехсословной куріи 1-го іюня, по поводу такъ называемыхъ преній о періодичности парламентскихъ собраній, Бисмаркъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Вчера была проведена паралель между способомъ, которымъ англійскій народъ въ 1688 году, по изгнаніи Якова II, умѣлъ защитить свои права, и тѣмъ, какъ прусскій народъ можетъ въ настоящее время добиться признанія своихъ правъ. Паралели съ иностранными государствами бываютъ всегда болѣе или менѣе неудачны; намъ уже ставили здѣсь въ примѣръ Россію, какъ образецъ религіозной терпимости, рекомендовали французскіе и датскіе финансы, какъ прототипъ благоустроеннаго управленія. Возвращаясь къ 1688 году въ

Англіи, я долженъ просить высокое собраніе, и особенно одного почтеннаго силезскаго депутата, о снисходительности, если я здѣсь снова поведу рѣчь о фактѣ, котораго я самъ не былъ свидѣтелемъ. Въ то время англійскій народъ находился въ иномъ положеніи, чѣмъ нынѣ прусскій; послѣ вѣка революцій и междоусобныхъ войнъ онъ получилъ возможность отдать корону на извѣстныхъ, имъ самимъ опредѣленныхъ, условіяхъ, которыя Вильгельмъ Оранскій принялъ. Напротивъ, прусскіе монархи обладали не по милости народа, но по Божіей милости, короной фактически неограниченной, и добровольно дали часть ея правъ народу— примѣръ, рѣдко встрѣчаемый въ исторіи. Я оставлю вопросъ о правѣ и коснусь другаго вопроса — полезно ли и слѣдуетъ ли желать или предлагать измѣненія въ нынѣшнемъ законодательствѣ? Я самъ раздѣляю убѣжденіе, предполагаемое мною у большинства собранія, что періодичность необходима для истинной жизненности этого собранія; но другой вопросъ — хотимъ ли мы добиваться этого уже теперь путемъ петиціи? Послѣ того, какъ были изданы патенты 3-го февраля, я не думаю, чтобы королю это было пріятно, и чтобы положеніе наше обязывало насъ уже теперь выступить съ петиціей объ измѣненіи этихъ патентовъ. Пусть, по крайней мѣрѣ, они обростутъ травой нынѣшняго лѣта. Король не разъ говорилъ, что онъ не желаетъ, чтобы его понуждали и погоняли; но, спрашиваю у собранія, развѣ мы его не понуждаемъ и не гонимъ, если теперь уже подходимъ къ трону съ просьбою объ измѣненіи законодательства? Но, кромѣ того, я прошу высокое собраніе принять во вниманіе слѣдующее: Извѣстно, сколько мрачныхъ предсказаній

4*

противники нашей конституціи основывали на томъ, что наши сословія непремѣнно поставятъ правительство въ болѣе ограниченное положеніе, котораго оно добровольно не сочло бы нужнымъ принять. Но, хотя я и не допускаю, чтобы правительство дозволило себя стѣснить, однако думаю, что интересъ его требуетъ избѣгать въ своихъ уступкахъ малѣйшаго вида принужденія, и что нашъ общій интересъ — не доставлять врагамъ Пруссіи радости видѣть, какъ мы, подавая петицію, въ качествѣ представителей 16 милліоновъ подданныхъ, набрасываемъ видъ принужденности на такую уступку. Нѣкоторые говорили, что самъ е. в. король и коммиссаръ ландтага указали на этотъ путь; я это понялъ такъ, что король и коммиссаръ ландтага указали намъ этотъ путь, какъ путь законный, на который мы можемъ вступить, когда будемъ чувствовать себя оскорбленными; но чтобы е. в. королю и правительству было желательно, чтобы мы воспользовались этимъ правомъ, — этого я не могу допустить. Если же, не смотря на то, мы это въ настоящее время сдѣлаемъ, то можно подумать, что мы имѣемъ на то настоятельныя причины, что всякое промедленіе съ нашей стороны грозило бы опасностью. Этого однако я не нахожу. Слѣдующее созваніе ландтага обезпечено, и корона имѣетъ такимъ образомъ удобство, что она въ продолженіе четырехъ лѣтъ или даже болѣе краткаго срока имѣетъ возможность совершенно добровольно и безъ всякихъ петицій принять инициативу въ томъ, чего нынѣ желаетъ страна. Спрашиваю, не болѣе ли крѣпкимъ покажется зданіе нашей конституціи иностранцамъ, и не будутъ ли болѣе удовлетворены всѣ партіи страны, если эта конституція будетъ продол-

жать созидаться инициативой короля, а не нашими требованіями? Если король не заблагоразсудитъ принять инициативу, то время не потеряно; третій ландтагъ не послѣдуетъ такъ скоро за вторымъ, чтобы король не имѣлъ времени отвѣтить на петицію, которая бы ему была подана на второмъ ландтагѣ. Вчера одинъ депутатъ изъ Пруссіи, если не ошибаюсь, изъ нейштадтскаго округа, выразилъ мысль, которую я могъ понять только такъ, будто бы интересъ нашъ требуетъ вырвать и выбросить цвѣтокъ довѣрія, какъ негодную траву, которая мѣшаетъ намъ видѣть во всей наготѣ голую почву права. Говорю съ гордостью, что я не могу раздѣлять такого мнѣнія. Если оглянусь назадъ и сравню то, что было говорено и писано въ 1837 году, десять лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что здѣсь нынѣ провозглашается всему народу со ступеней трона, то я нахожу, что мы имѣемъ много причинъ довѣрять намѣреніямъ его величества. Въ этомъ довѣріи, я позволю себѣ рекомендовать высокому собранію принять поправку депутата отъ Вестфаліи».

Рѣчь эта принята была какъ прусско-роялистское profession de foi въ отношеніи къ конституціонной доктринѣ, и вслѣдствіе того была встрѣчена съ одной стороны криками «браво!» съ другой ропотомъ и наконецъ цѣлымъ потокомъ перерывовъ.

Въ этой рѣчи достаточно выяснена политическая сторона роли Бисмарка; укажемъ на другую ея сторону, приведя слѣдующія выдержки изъ рѣчи, произнесенной имъ 15 іюня во время преній объ эмансипаціи евреевъ:

«Я долженъ публично признаться, что принадлежу къ направленію, которое одинъ почтенный депутатъ

назвалъ вчера мрачнымъ и средневѣковымъ, къ тому направленію, которое еще отваживается возставать противъ болѣе свободнаго развитія христіанства, какъ его понимаетъ означенный депутатъ. Далѣе, я не могу отрицать, что принадлежу къ той многочисленной группѣ, которая, какъ замѣтилъ почтенный депутатъ изъ Познани, относится враждебно къ болѣе интеллигентной части націи; принадлежу къ той великой группѣ, которая еще придерживается предразсудковъ, всосанныхъ ею вмѣстѣ съ молокомъ матери; къ группѣ, для которой христіанство, стоящее надъ государствомъ, слишкомъ высоко. Если я безропотно сношу такіе рѣзкіе упреки, то, съ своей стороны, считаю себя вправѣ требовать у палаты снисхожденія, если съ такою же откровенностью, которая характеризовала заявленіе моихъ противниковъ, признаюсь, что вчера, въ минуты разсѣянности, я не вполнѣ сознавалъ, что нахожусь въ собраніи, для избранія въ члены котораго законъ постановляетъ непремѣннымъ условіемъ принадлежность къ одной изъ христіанскихъ церквей. Но перехожу къ самому дѣлу. Большинство ораторовъ говорили не столько о предлежащемъ законѣ, сколько объ эмансипаціи вообще. Послѣдую и я этому пути. Я вовсе не врагъ евреевъ, и если они мои враги, то я имъ прощаю. Я даже люблю ихъ въ извѣстной степени. Я охотно предоставляю имъ всѣ права, но только не право занимать правительственныя должности въ христіанскомъ государствѣ. На счетъ понятія о христіанскомъ государствѣ, мы слышали отъ г. министра финансовъ и отъ другаго господина, сидѣвшаго на министерской скамьѣ, слова, которымъ я вполнѣ сочувствую; напротивъ, мы слышали также

вчера, что христіанское государство есть праздная фикція, изобрѣтеніе новѣйшихъ государственныхъ философовъ. Я того мнѣнія, что понятіе «христіанское государство» такъ же старо, какъ бывшая священная римская имперія, также старо, какъ всѣ европейскія государства; что оно есть почва, на которой эти государства пустили корни и что каждое государство, если оно желаетъ видѣть свою будущность упроченною, если оно хочетъ доказать свое право на существованіе, должно находиться на религіозномъ основаніи. Для меня слова: «Божіею милостію», которыя христіанскіе государи присоединяютъ къ своему имени, не есть пустой звукъ, но я вижу въ этомъ сознаніе, что они намѣрены пользоваться властью, дарованною имъ отъ Бога, согласно волѣ Божіей. Божіею же волею я могу признать только то, что намъ открыто въ христіанскомъ евангеліи, и полагаю, что буду правъ, если назову христіанскимъ государствомъ такое, которое поставило себѣ задачею реализировать, осуществлять христіанское ученіе. Что это не во всѣхъ отношеніяхъ удается нашему государству, это доказалъ вчера почтенный депутатъ изъ графства Маркъ, въ болѣе остроумной, чѣмъ удовлетворившей мое религіозное чувство паралели между истинами евангелія и параграфами государственнаго права. Если однако разрѣшеніе задачи не всегда удается, то все же я думаю, что реализированіе христіанскаго ученія есть цѣль государства; но что мы съ помощью евреевъ болѣе приблизимся къ этой цѣли, чѣмъ до сихъ поръ— этому я не могу повѣрить. Если вообще признать у государства религіозное основаніе, то я думаю, что этимъ основаніемъ у насъ можетъ быть только хри-

стіанство. Если мы отнимемъ у государства это религіозное основаніе, то государство превратится лишь въ случайный аггрегатъ правъ, въ родѣ оплота противъ войны всѣхъ съ каждымъ, воздвигнутаго древней философіей. Законодательство его уже не будетъ болѣе возрождаться изъ первобытнаго источника вѣчной истины, но изъ неопредѣленныхъ и измѣнчивыхъ понятій о гуманности, въ томъ видѣ, какъ эти понятія сложатся въ умахъ людей, стоящихъ во главѣ управленія. Какимъ образомъ въ такихъ государствахъ можно будетъ оспаривать право господства у ученій, напримѣръ, коммунистовъ на счетъ безнравственности владѣнія собственностью, на счетъ высокаго нравственнаго достоинства воровства, какъ попытки возстановить прирожденныя права людей, — я этого не понимаю, такъ какъ и эти идеи будутъ считаться адептами ихъ идеями гуманными, и мало того—истиннымъ цвѣтомъ гуманности. Поэтому, мм. гг., не будемъ ронять христіанства въ глазахъ народа, показывая ему, что оно не нужно для его законодателей; не будемъ отнимать у него вѣры, что наше законодательство черпаетъ изъ источника христіанства, и что государство стремится къ реализированію христіанства, хотя и не всегда достигаетъ этой цѣли. . . . .

. . . .

«Далѣе, многіе ораторы указывали, какъ и почти во всѣхъ вопросахъ, на достойный подражанія примѣръ Англіи и Франціи. Этотъ вопросъ не имѣетъ такой важности въ тѣхъ странахъ, потому что евреевъ тамъ не такъ много, какъ здѣсь. Но я желалъ бы рекомендовать господамъ, которые такъ охотно ищутъ себѣ идеаловъ по ту сторону вогез-

скихъ горъ, одно правило дѣйствій, отличающее англичанъ и французовъ, а именно — гордое сознаніе національной чести, которое не такъ легко и не такъ часто рѣшается искать за границей достойныхъ подражанія и удивительныхъ образцовъ, какъ мы».

Рѣчь эта, естественно, подверглась сильнымъ нападкамъ со стороны либеральной партіи, которая вообще не щадила колкостей для того, чтобы поражать своего противника.

Одинъ изъ біографовъ Бисмарка приводитъ обѣ эти рѣчи его какъ profession de foi, какъ выраженіе основныхъ его воззрѣній на государство и на прусскую конституцію; но мы находимъ, что эти рѣчи лишь опредѣлили положеніе Бисмарка въ парламентѣ, его отношеніе къ партіи либеральнаго дворянства, усвоившаго себѣ, какъ моду, либеральную фразу, столь презираемую Бисмаркомъ; что же касается его политическихъ убѣжденій и стремленій, то послѣдствія его дѣятельности показываютъ, что онъ также мало принадлежитъ и къ консервативной партіи и что его идеалы гораздо шире, чѣмъ идеалы какой бы то ни было партіи.

Положеніе, принятое Бисмаркомъ въ парламентѣ, открыло передъ нимъ ту широкую дорогу, на которой онъ до сихъ поръ дѣйствуетъ, и дало ему возможность одержать верхъ не только надъ всѣми партіями, но даже и надъ самимъ королемъ, ревностнымъ защитникомъ правъ котораго передъ огромнымъ большинствомъ депутатовъ Бисмаркъ себя заявилъ.

Первыя столкновенія съ либералами вызвали въ Бис-

маркѣ тѣ нравственныя и умственныя силы, съ которыми онъ являлся потомъ постояннымъ побѣдителемъ. Столкновенія эти были предисловіемъ его послѣдующей дѣятельности, постоянно развивавшейся сначала на поприщѣ внутренней политики, а потомъ на широкомъ дипломатическомъ поприщѣ.

II.

1848 г.

Либеральное движеніе въ Пруссіи. — Возникновеніе консервативной партіи. — Обращеніе Бисмарка къ королю.

Когда Бисмаркъ возвратился изъ своего путешествія по Италіи и поселился съ своей молодой женой въ Шёнгаузенѣ, начали получаться извѣстія о тревожномъ положеніи дѣлъ во Франціи и наконецъ разразилось извѣстіе о февральскомъ переворотѣ.

Бисмаркъ не сомнѣвался, что революція въ Парижѣ сдѣлается сигналомъ, по которому начнется и въ Пруссіи борьба съ королевской властью, что революціонная волна перейдетъ черезъ Рейнъ и разольется по Германіи. Онъ рѣшился выступить противъ этого напора и сохранить нетронутымъ установившійся въ Пруссіи порядокъ.

Берлинскіе мартовскіе дни произвели на Бисмарка сильное впечатлѣніе; они были отголоскомъ парижской революціи: повсюду развѣвались знамена, но не прусскія; караулы занимали не солдаты, а гражданская милиція; либеральныя фразы звенѣли въ воздухѣ; либе-

ральныя доктрины и политическія теоріи овладѣли умами большинства.

Бисмаркъ явился, 2-го апрѣля 1848 г., въ первое засѣданіе парламента разстроеннымъ, блѣднымъ.

Когда зашла рѣчь о немедленномъ составленіи отвѣтнаго адреса королю на его предложеніе о созваніи новаго парламента для изготовленія новой конституціи и составленія новаго министерства, Бисмаркъ потребовалъ обсужденія этого адреса въ коммиссіи; но его протестъ остался безъ успѣха; адресъ былъ тотчасъ же составленъ, обсужденъ и принятъ. Бисмаркъ произнесъ при этомъ слѣдующую рѣчь:

«Я одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые подали голосъ противъ адреса и только потому просилъ слова, чтобы мотивировать эту подачу голоса и объявить вамъ, что я принимаю адресъ, на сколько онъ составляетъ програму будущаго, но по той единственной причинѣ, что я не вижу другаго средства помочь бѣдѣ. (*Смѣхъ*).

«Я дѣлаю это недобровольно, но подъ гнетомъ обстоятельствъ, ибо я не измѣнилъ своихъ мнѣній въ эти полгода; я готовъ вѣрить, что это министерство есть единственное, которое можетъ насъ изъ нынѣшняго положенія привести къ правильному и законному порядку вещей, и по этой причинѣ я буду оказывать ему свою посильную поддержку вездѣ, гдѣ можно. Но что меня побуждаетъ подать голосъ противъ адреса, это — чувство радости и благодарности за то, что случилось въ послѣдніе дни; прошлое погребено и я сильнѣе многихъ изъ васъ сожалѣю о томъ, что никакая человѣческая сила не въ состояніи вновь пробудить его, послѣ того, какъ сама корона бросила горсть

земли на его гробъ. Но если я, вынужденный обстоятельствами, примиряюсь съ этимъ, то не могу оставить свою дѣятельность на соединенномъ ландтагѣ съ ложнымъ убѣжденіемъ, будто я благодаренъ за это и радуюсь тому, что̀ я, по меньшей мѣрѣ, считаю ложнымъ путемъ. Если дѣйствительно удастся достигнуть на новомъ, нынѣ избранномъ пути, единаго нѣмецкаго отечества, счастливаго или, по крайней мѣрѣ, правильнаго, основаннаго на законномъ порядкѣ вещей, тогда я выскажу виновнику новаго положенія дѣлъ свою благодарность, теперь же для меня это невозможно».

Слова Бисмарка произвели нѣкоторое впечатлѣніе; никто не смѣялся, когда онъ умолкъ. Онъ мирился съ положеніемъ дѣлъ, потому что не видѣлъ иныхъ средствъ; онъ зналъ, что прошлаго нельзя воскресить, послѣ того, какъ сама корона отъ него отказывалась; но онъ вооружался для будущаго, въ пользу королевской власти.

Прежде всего онъ предпринялъ планъ овладѣть революціей, которая пріобрѣтала все болѣе и болѣе силы. Совѣщанія съ друзьями и людьми одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, соглашенія съ представителями разныхъ партій, всякаго рода приготовительныя мѣры,—такова была его дѣятельность, которая въ началѣ казалась совершенно безнадежной, которая цѣлыя недѣли не приводила ни къ какимъ явнымъ результатамъ, но наконецъ принесла свои плоды.

Королевской или консервативной партіи не было, но элементы для нея находились въ изобиліи; ихъ-то и соединилъ Бисмаркъ, привелъ въ связь, организовалъ и наконецъ дисциплинировалъ.

Нужно было дѣйствовать противъ революціи посред-

ствомъ обществъ (vereine) и печати, которыя стояли теперь противъ королевской власти и Бисмарка; онъ съ увѣренностью принялся за это дѣло. Подъ его вліяніемъ возникли «Общества пруссаковъ» и «Патріотическія Общества» и многія другія; была основана «Neue Preussische Zeitung» (Крестовая Газета), множество мелкихъ газетъ, позже — воскресная газета «Neue Preussische Sonntagsblatt», которая, будучи распространяема въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ въ маленькихъ городкахъ и селахъ, долгое время служила сильнымъ оружіемъ въ рукахъ консервативной партіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ зорко слѣдилъ за совѣщаніями учредительнаго собранія въ Берлинѣ и франкфуртскаго парламента и повидимому не ожидалъ отъ нихъ ничего прочнаго.

Послѣ мартовскихъ дней, Бисмаркъ, подъ вліяніемъ волновавшихъ его чувствъ, написалъ письмо къ королю — не политическое письмо, наполненное совѣтами и планами, но простое изліяніе впечатлѣній и чувствъ преданности. Послѣ этого Бисмаркъ былъ часто вызываемъ въ Санъ-Суси и король выслушивалъ его мнѣнія по многимъ важнымъ предметамъ. Министерство Мантейфеля также составлено было подъ значительной долей вліянія Бисмарка.

III.

1849—1851 г.

Бисмаркъ какъ предводитель консервативной партіи.

Послѣ изданія декабрьской конституціи 1848 года, Бисмаркъ былъ въ декабрѣ этого года выбранъ въ Бранденбургѣ въ члены второй палаты, какъ представитель провинціи, лежащей къ западу отъ Гавеля.

26-го февраля 1849 года произошло открытіе парламента; въ числѣ первыхъ членовъ, собравшихся на этотъ день въ бѣлой залѣ, былъ и Бисмаркъ. Бисмаркъ помѣстился почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда засѣдалъ въ соединенномъ ландтагѣ въ качествѣ представителя іерихoвскаго дворянства, и здѣсь около него, какъ представителя древняго и главнаго города курфиршества Бранденбурга, собрались не только его бывшіе единомышленники, какъ напр. графъ Арнимъ-Бойценбургъ, министръ Мантейфель и многіе другіе, но и его противники, какъ бывшіе, такъ и тѣ, которымъ было суждено впослѣдствіи сдѣлаться его противниками, напр. Ауэрсвальдъ, Финке, Грабовъ; въ то время, въ трудную минуту, они всѣ стояли возлѣ Бисмарка, на правой сторонѣ; онъ принялъ ихъ всѣхъ

съ апломбомъ важнаго лица и съ свойственной ему изысканной вѣжливостью.

Бисмаркъ не старался обмануть себя на счетъ затруднительности положенія, хотя роялисты и громко торжествовали на счетъ результата выборовъ, именно: партіи численностью своею были почти равны, если къ роялистамъ отнести всѣхъ тѣхъ, которые не были отъявленными демократами. Но разсчитывать такъ было бы невѣрно, и, не смотря на то, подобный результатъ, послѣ событій прошлаго года, былъ уже великимъ успѣхомъ, которымъ партія была обязана усиліямъ Бисмарка и его ближайшихъ друзей.

— Мы побѣдили! сказалъ одинъ консервативный депутатъ изъ Помераніи представителю Бранденбурга.

— Нѣтъ, мы не побѣдили, спокойно возразилъ Бисмаркъ, но мы аттаковали, а это главное; побѣда еще будетъ, она навѣрно случится!

Эти слова совершенно ясно и правильно рисуютъ тогдашее положеніе; вообще Бисмаркъ обладаетъ искусствомъ въ немногихъ словахъ наглядно изображать положенія дѣлъ.

Въ засѣданіяхъ второй палаты, послѣдовавшихъ за открытіемъ парламента, Бисмаркъ увидѣлъ себя въ необходимости защищать конституцію, мало соотвѣтствовавшую его желаніямъ и убѣжденіямъ, отъ напора демократическихъ идей. Онъ принялъ конституціонализмъ, только потому что иначе не могъ поступить; теперь онъ долженъ былъ защищать королевскую власть на этой почвѣ. Онъ дѣлалъ это съ ловкостью и открыто и часто поражалъ своихъ противниковъ.

«Въ послѣднее время, сказалъ онъ однажды, ни однимъ выраженіемъ такъ не злоупотребляли, какъ

словомъ *народъ*. Каждый разумѣлъ подъ нимъ то, что находилъ нужнымъ, и обыкновенно толпу людей, которыхъ онъ могъ склонить въ пользу своихъ мнѣній».

Для того, чтобы бросить подобную фразу въ лицо тогдашней демократіи, требовалось болѣе мужества, чѣмъ нынѣ кажется.

Бисмаркъ рѣшительно возсталъ противъ новой амнистіи, сказавъ, что хотя король 18 марта 1848 года помиловалъ мятежниковъ, но что подобный актъ не слѣдуетъ повторять, потому что черезъ это въ народѣ распространяется убѣжденіе, будто все государственное право основывается на волѣ населенія, будто каждый, кому не нравится какой-нибудь законъ, можетъ его ниспровергнуть, если онъ съумѣетъ собрать извѣстное число вооруженныхъ или невооруженныхъ лицъ, чтобы напугать слабое правительство. «Споръ изъ-за принциповъ, потрясшій Европу въ ея основаніяхъ, нельзя уладить никакими компромиссами; принципы основываются на противоположныхъ основаніяхъ, необходимо исключающихъ другъ друга. Одинъ принципъ производитъ свое право повидимому изъ народной воли, на самомъ же дѣлѣ изъ права баррикадъ; другой опирается на поставленную Богомъ власть, на власть Божіею милостію, и ищетъ своего развитія въ органической связи съ государственнымъ порядкомъ, существующимъ въ силу конституціи. Для одного изъ этихъ принциповъ всякаго рода нарушители общественнаго спокойствія суть геройскіе бойцы за истину, свободу и право, для другаго они — мятежники. Споръ объ этихъ принципахъ нельзя рѣшить путемъ парламентскихъ преній: рано или поздно богъ, управляющій бранями, броситъ желѣзный жребій рѣшенія».

Вторая палата рѣшила принять франкфуртскую имперскую конституцію большинствомъ 179 голосовъ противъ 159; Бисмаркъ энергически возсталъ противъ нея, на томъ основаніи, что она предоставляла слишкомъ обширную власть народу, какъ это было видно изъ того, что она сохраняла за императоромъ только суспенсивное veto. Радикалы, сказалъ онъ, подойдутъ съ имперскимъ гербомъ къ новому императору и спросятъ его: «не думаешь ли ты, что этотъ орелъ тебѣ подаренъ?»

«Франкфуртская корона, сказалъ онъ въ другой разъ, можетъ быть очень блестящей, но чтобы ея золото имѣло истинный блескъ, нужно сперва въ нее вплавить прусскую корону, а я не надѣюсь, чтобы при этой формѣ конституціи переплавка удалась».

Ходъ преній во второй палатѣ все болѣе и болѣе показывалъ, что сила демократовъ увеличивается и что они намѣреваются сдѣлать королевское правительство невозможнымъ; они настаивали на снятіи осаднаго положенія съ Берлина, которое ихъ сильно стѣсняло, и когда наконецъ имъ удалось провести это рѣшеніе, то правительство рѣшилось на крайнюю мѣру, распустить вторую палату и отложить засѣданія первой. Одну минуту казалось, что это распущеніе подастъ сигналъ къ новому возстанію, но приверженцы демократіи оробѣли, когда увидѣли, что правительство намѣрено дѣйствовать самымъ серьезнымъ образомъ.

30 мая былъ обнародованъ новый избирательный законъ для второй палаты и королевское повелѣніе, которымъ обѣ палаты созывались на 7 августа. Эта новая палата, въ которой положеніе партій уже болѣе выяснилось, занималась преимущественно пересмотромъ

новой конституціи и германской политикой Пруссіи, т. е. объединительными планами г. фонъ-Радовица.

Бисмаркъ, который теперь болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ роль одного изъ вождей консервативной партіи, возсталъ противъ этихъ объединительныхъ стремленій и противъ союза трехъ королей, находя, что планы эти клонились къ ущербу собственно прусскаго элемента и могли привести его къ ослабленію. 6 сентября 1849 г., Бисмаркъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Я держусь того мнѣнія, что руководящіе принципы 1848 года имѣли болѣе соціальный, чѣмъ національный характеръ; національное движеніе ограничилось бы немногими, выдающимися въ тѣсныхъ кружкахъ личностями, если бы подъ нимъ не была поколеблена почва тѣмъ, что къ этому движенію присоединился соціальный элементъ, что̀ помощью ложныхъ обѣщаній возбуждало алчность неимущаго къ чужому добру, зависть недостаточнаго гражданина къ богачу, и эти страсти тѣмъ легче водворялись въ обществѣ, что вслѣдствіе продолжительнаго, поощрявшагося сверху свободомыслія нравственные элементы сопротивленія были уничтожены въ сердцахъ людей. Я не думаю, чтобы это зло можно было устранить демократическими уступками или проэктами о германскомъ единствѣ: болѣзнь коренится глубже; но я положительно оспариваю, чтобы въ прусскомъ народѣ когда-нибудь существовала потребность къ національному возрожденію по образцу франкфуртскихъ теорій. Здѣсь нѣсколько разъ упоминали о политикѣ Фридриха Великаго и даже отождествляли ее съ проэктомъ объединенія Германіи. Я, напротивъ, думаю, что Фридрихъ II обратился бы къ наиболѣе выдающимся особенно-

стямъ прусской національности, къ ея воинственному элементу, и не безъ успѣха. Онъ понялъ бы, что и понынѣ, какъ во времена нашихъ отцовъ, звукъ трубы, призывающей къ знаменамъ монарха, не потерялъ своей прелести для прусскаго уха, когда бываетъ надобно защищать наши границы или дѣйствовать для славы и величія Пруссіи. Ему предстояло бы на выборъ, послѣ разрыва съ Франкфуртомъ, или присоединиться къ старому ратному товарищу, къ Австріи, принять тамъ на себя блестящую роль, которую разыгралъ императоръ всероссійскій—уничтожить въ союзѣ съ Австріей общаго врага, революцію; или же онъ былъ бы воленъ, по такому же праву, по какому онъ завоевалъ Силезію, относительно франкфуртской императорской короны предписать нѣмцамъ свою конституцію, угрожая въ противномъ случаѣ бросить на вѣсы свой мечъ. Это было бы національной прусской политикой! Она дала бы Пруссіи, въ союзѣ съ Австріей, или одной, надлежащее положеніе, которое ей подобаетъ въ Европѣ, между тѣмъ, какъ проэктъ объединенія Германіи уничтожаетъ спеціально-прусскій элементъ».

Характеристично возраженіе Бисмарка на слова г. фонъ-Радовица, сказавшаго, что франкфуртское собраніе все же отстранило отъ Пруссіи не одну опасность.

«Я ничего подобнаго не знаю», сказалъ Бисмаркъ; «я знаю только, что прусскій 38-й полкъ отвратилъ отъ насъ 18 сентября 1848 года ту опасность, которую собрали надъ нами франкфуртскій парламентъ вмѣстѣ съ предварительнымъ парламентомъ. Насъ поддержалъ противъ революціи остатокъ выродившагося старинно-прусскаго элемента, прусская армія,

прусская казна, плоды долголѣтняго разумнаго управленія и живое взаимодѣйствіе, существующее въ Пруссіи между королемъ и народомъ. Насъ поддержала приверженность прусскаго населенія къ своей исконной династіи; старинныя прусскія добродѣтели—честь, вѣрность, повиновеніе и храбрость, проникающія армію, начиная съ ея костяка — корпуса офицеровъ—и до самаго молодаго рекрута. Армія не имѣетъ никакихъ племенныхъ симпатій къ трехцвѣтному знамени, въ ней столь же мало можно найти, какъ и въ остальномъ прусскомъ народѣ, потребности къ національному возрожденію. Она довольна тѣмъ, что носитъ имя Пруссіи. Эти толпы слѣдуютъ за черно-бѣлымъ знаменемъ, а не за трехцвѣтнымъ; подъ черно-бѣлымъ знаменемъ умираютъ они съ радостью за свое отечество. 18-е марта показало имъ, что трехцвѣтное знамя есть воинскій знакъ ихъ враговъ, звуки прусской пѣсни, дессаускаго и гогенфридберскаго маршей хорошо имъ извѣстны и любимы ими; но я еще никогда не слыхалъ, чтобы прусскій солдатъ пѣлъ: «Was ist des Deutschen Vaterland? (Гдѣ отечество нѣмца?) Народъ, изъ котораго вышла эта армія, самымъ истиннымъ представителемъ котораго есть армія, не чувствуетъ, по прекрасному и вѣрному выраженію президента первой палаты (Рудольфа фонъ-Ауерсвальда) потребности, чтобы его прусское королевство расплылось въ гниломъ броженіи южно-германской распущенности. Мы пруссаки и хотимъ остаться пруссаками; я знаю, что я въ этихъ словахъ передаю чувства прусской арміи, чувства большинства моихъ соотечественниковъ, и надѣюсь на Бога, что мы еще долго останемся пруссаками».

Это восхваленіе прусской арміи составляетъ основу политическихъ убѣжденій Бисмарка: онъ призналъ въ арміи истинныхъ представителей прусскаго народа, основный столпъ государства, подобно тому, какъ Фридрихъ II сказалъ, что небо не такъ надежно покоится на плечахъ Атласа, какъ прусское государство на плечахъ арміи.

Что касается пересмотра конституціи, то Бисмаркъ и его единомышленники старались устроить такъ, чтобы королю вообще можно было управлять при помощи ея. Съ особенной живостью возсталъ онъ противъ правъ парламента разрѣшать налоги. «Центръ тяжести власти, даже вся государственная власть, переходитъ отъ короны къ палатамъ или къ большинству ихъ, и затѣмъ, говорилъ Бисмаркъ, коронѣ ничего болѣе не остается, какъ усердно исполнять рѣшенія большинства.... Конечно, правительство можетъ распустить палату и приказать произвести новые выборы, но новая палата можетъ избрать тотъ же путь, какъ и распущенная, и такимъ образомъ столкновеніе можетъ сдѣлаться неразрѣшимымъ и не имѣть никакого исхода». Бисмаркъ видѣлъ въ этомъ ниспроверженіе прусскаго государственнаго права, которое, какъ онъ сказалъ, можетъ имѣть болѣе продолжительное существованіе, чѣмъ такъ называемая мартовская революція.

Бисмаркъ вынужденъ былъ принять конституціонализмъ, но онъ принялъ его не безъ оговорокъ; онъ желалъ, чтобы это былъ, по крайней мѣрѣ, прусскій конституціонализмъ, т. е. принаровленный къ прусскому образцу, конституціонализмъ, который бы не былъ враждебенъ королевской власти.

«Пруссія, сказалъ онъ, должна отличаться отъ другихъ народовъ. Разстройство нѣмецкихъ государствъ усиливается довольно равномѣрно вмѣстѣ съ уступчивостью ихъ правительствъ передъ своими народами. Ссылка на Англію составляетъ наше несчастіе. Дайте намъ все англійское, дайте намъ англійскій страхъ Божій и англійское уваженіе къ законамъ, всю англійскую конституцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ условія англійскаго землевладѣнія, англійское богатство и англійскій духъ общественности, — тогда можно будетъ управлять такъ же, какъ и тамъ. Прусская корона не должна допускать, чтобы ее поставили въ безсильное положеніе англійской, которая является скорѣе щегольскимъ куполомъ государственнаго зданія, между тѣмъ какъ въ нашей коронѣ я узнаю основной столпъ, его поддерживающій.

«Англія, прибавилъ онъ, дала себѣ основныя положенія своей конституціи 1688 года уже послѣ того, какъ она болѣе ста лѣтъ находилась подъ опекой всемогущей, состоявшей изъ немногихъ фамилій, аристократіи. Правда, парламентская реформа сокрушила теперь могущество аристократіи, но еще слѣдуетъ подождать, какіе она принесетъ плоды. Намъ недостаетъ цѣлаго сословія, которое въ Англіи занимается политикой, — сословія зажиточныхъ и потому консервативныхъ, независящихъ отъ матеріальныхъ интересовъ, джентльменовъ, все воспитаніе которыхъ направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ государственныхъ людей».

Зимою 1849—1850 года жизнь Бисмарка была почти совершенно поглощена политикой. Засѣданія палатъ, коммиссій, фракцій, дѣла ферейновъ, всякаго рода со-

вѣщанія, занимали его непрерывно; даже ни о чемъ другомъ, какъ о политикѣ не было рѣчи и вечеромъ, когда онъ заходилъ въ пивную лавку Шварца выпить стаканъ гринтальскаго пива. Эта пивная служила въ то время главнымъ сборнымъ пунктомъ консерваторовъ; смѣялись, что даже маленькій шпицъ хозяина этой пивной былъ такъ консервативенъ, что лаялъ на каждаго демократа.

Однажды не у Шварца, но въ другой пивной, куда однажды случайно зашелъ Бисмаркъ, съ нимъ случилось слѣдующее приключеніе. Онъ только-что успѣлъ сѣсть, какъ кто-то за сосѣднимъ столомъ произнесъ весьма грубое оскорбленіе противъ одного изъ членовъ королевской фамиліи. Тотчасъ Бисмаркъ поднялся во всю свою вышину, обратился къ незнакомцу и закричалъ ему громовымъ голосомъ: «Вонъ! — если вы не уйдете отсюда, пока я выпью этотъ стаканъ, то я разобью его объ вашу голову!» Поднялся страшный шумъ, послышались со всѣхъ сторонъ угрожающіе крики; нисколько не тревожась этимъ, Бисмаркъ выпилъ свой стаканъ и такъ сильно пустилъ имъ въ голову оскорбителя, что стекло, звеня, разлетѣлось въ дребезги, и несчастный упалъ. Настала глубокая тишина, во время которой Бисмаркъ спокойнымъ голосомъ, какъ будто бы ничего не случилось, спросилъ кельнера: «что стоитъ разбитый стаканъ?» Тогда только поднялись громкіе крики, но не противъ Бисмарка; говорили: «Такъ и слѣдовало сдѣлать!» Публика выразила уваженіе къ Бисмарку, и онъ, никѣмъ не потревоженный, спокойно пошелъ домой.

Вообще въ его рѣзкомъ выраженіи лица, обрамленнаго густой бородой, въ холодномъ взорѣ его глазъ,

во всей его фигурѣ есть нѣчто внушающее страхъ. Это испыталъ однажды нѣкто Нельке. Бисмаркъ какъ-то возвращался въ Берлинъ изъ Потсдама, вмѣстѣ съ однимъ старымъ подполковникомъ. Дорогою въ омнибусѣ какой-то прикащикъ съ величайшей развязностью и безцеремонностью повелъ рѣчь о политикѣ и наконецъ началъ издѣваться надъ сѣдымъ подполковникомъ. Бисмаркъ раза два посмотрѣлъ пристально въ глаза этому человѣку, на тотъ продолжалъ свою болтовню, пока наконецъ дилижансъ не остановился на станціи въ Берлинѣ. Выйдя изъ экипажа, Бисмаркъ вдругъ, выпрямившись во весь ростъ, подошелъ съ такимъ грознымъ взглядомъ къ нескромному говоруну, что тотъ, испугавшись, отступилъ шагъ назадъ. Молча, Бисмаркъ сдѣлалъ къ нему еще шагъ и оттѣснилъ такимъ образомъ несчастнаго до самой стѣны, послѣ чего спросилъ его:

— Какъ ваша фамилія?

— Нельке, меня зовутъ Нельке! робко пробормоталъ поблѣднѣвшій прикащикъ.

— Берегитесь вы, Нельке (Nelke — гвоздика), или я васъ сорву!

Затѣмъ Бисмаркъ отвернулся и оставилъ несчастнаго Нельке у стѣны перепуганнымъ.

Очень часто, какъ и многіе члены консервативной партіи, Бисмаркъ посѣщалъ въ то время редакцію «Крестовой Газеты», чтобы узнавать и приносить новости, а иногда разсказать какую-нибудь забавную исторію, приправленную иногда злымъ сарказмомъ.

Но онъ отнюдь не былъ только разсказчикомъ въ редакціи «Крестовой Газеты»; онъ поддерживалъ основанную при его содѣйствіи газету и собственными статьями; часто сиживалъ онъ за большимъ круглымъ

столомъ и писалъ статьи. Иногда также онъ поспѣшно входилъ въ комнату, раскланивался наскоро, становился, съ шляпой и перчатками въ лѣвой рукѣ, къ пюпитру и быстро набрасывалъ нѣсколько строкъ. «Обдѣлайте это какъ слѣдуетъ!» говорилъ онъ редактору и, поклонившись, торопливо уходилъ.

Послѣ закрытія сессіи, въ февралѣ 1850 г., онъ былъ на короткое время въ Шёнгаузенѣ, а уже въ слѣдующемъ апрѣлѣ мы находимъ его снова въ Эрфуртѣ, въ союзномъ сеймѣ. Онъ, какъ извѣстно, высказался съ самаго начала противъ стремленій къ объединенію; они, по его твердому убѣжденію, не могли привести ни къ какой, благопріятной для Пруссіи, цѣли. Онъ выразилъ свою патріотическую скорбь по поводу эрфуртскаго проэкта въ одной изъ слѣдующихъ своихъ рѣчей:

«Мнѣ было больно видѣть здѣсь пруссаковъ — и не только пруссаковъ по имени — приверженныхъ къ этой конституціи, которые горячо отстаивали эту конституцію; мнѣ — а вмѣстѣ со мною и тысячамъ моихъ соотечественниковъ—было унизительно видѣть, что представители государей, которыхъ я почитаю въ сферѣ ихъ правъ, но которые не суть мои законные государи, облечены относительно меня начальственной властью,— чувство, горечь котораго при открытіи этого собранія не уменьшилась отъ того, что я увидѣлъ скамьи, на которыхъ мы засѣдаемъ, украшенными цвѣтами, которые никогда не были цвѣтами германской имперіи, но которые въ послѣдніе два года представляютъ собою цвѣта мятежа и баррикадъ, — цвѣта, которые въ моемъ отечествѣ рядомъ съ демократомъ носитъ въ печальной покорности только солдатъ. Мм. гг.! Если вы не сдѣлаете прусскому, старому прусскому духу бо-

лѣе уступокъ, чѣмъ вы дѣлаете этой конституціей, то я не вѣрю въ возможность ея осуществленія; если же вы будете стараться насильно навязать эту конституцію прусскому духу, то вы найдете въ немъ Буцефала, который привычнаго всадника и господина носитъ съ мужественной радостью, но непризваннаго всадника, сѣвшаго на него для прогулки, сбрасываетъ, вмѣстѣ съ его черно-красно-золотой уздою, на песокъ. Одно утѣшеніе противъ этихъ случайностей я нахожу, однако, въ твердой вѣрѣ, что въ скоромъ времени партіи очутятся относительно этой конституціи въ такомъ же положеніи, какъ въ одной Лафонтеновской баснѣ два врача относительно своего паціента, трупъ котораго они покидаютъ. — Одинъ говоритъ: «Онъ умеръ, я это сейчасъ же сказалъ»; а другой: — «Если бы онъ послѣдовалъ моему совѣту, онъ остался бы живъ».

Дальнѣйшее время, до поздней осени 1850 года, было для Бисмарка, какъ политика, крайне поучительно; онъ слѣдилъ съ научной любознательностью за усиліями, которыя дѣлалъ Радовицъ, чтобы спасти единство Германіи; онъ удивлялся ловкости этого государственнаго человѣка, но утверждалъ, что вся его ловкость ни къ чему не поведетъ, вслѣдствіе недостатка дѣйствительнаго давленія. Бисмаркъ находилъ, что создать германское единство, точно такъ же, какъ и всякую другую государственную организацію, нельзя, если не имѣешь мужества или силы оказывать достаточное давленіе на то, что сопротивляется.

Союзъ трехъ королей не состоялся, войны нельзя было вести при тогдашнихъ политическихъ компликаціяхъ, идея единства была оставлена, фонъ-Радовицъ вышелъ изъ министерства, а Мантейфель, замѣнившій

его въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, поѣхалъ въ Ольмюцъ.

Пруссія была уязвлена, но, какъ бы то ни было, изъ Эрфурта необходимо было отправиться въ Ольмюцъ; такъ Пруссія не рѣшалась еще сокрушить сопротивленіе Австріи посредствомъ войны. 3-го декабря 1850 года Бисмаркъ, въ пространной рѣчи, защищалъ политику министерства касательно ольмюцкихъ пунктовъ; онъ въ особенности указывалъ на общность интересовъ Пруссіи и Австріи, относительно революціи, на общее дѣйствіе этихъ государствъ въ дѣлахъ Германіи. Онъ отвергалъ войну, въ которой Пруссія, при грозномъ положеніи иностранныхъ государствъ, рисковала бы своимъ существованіемъ и притомъ не для своихъ выгодъ, но для выгодъ демократіи (*).

Ольмюцкіе пункты, прямо противные интересамъ Пруссіи, ставили Бисмарку въ вину до 1866 г., когда наконецъ вопросъ о германской политикѣ Пруссіи разрѣшенъ былъ войной съ Австріей.

Здѣсь мы разстаемся съ дѣятельностью Бисмарка, какъ консервативнаго предводителя партіи во второй палатѣ; онъ снова вступилъ на эту почву уже одинадцать лѣтъ спустя, какъ министръ, хотя въ продолженія зимы 1851—1852 года не разъ пріѣзжали изъ Франкфурта въ Берлинъ и появлялся въ палатѣ.

(*) Объ ольмюцкомъ договорѣ объяснено подробнѣе ниже.

IV.

1851—1859 г.

Бисмаркъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Во время своей поѣздки по Помераніи, въ первые дни весны 1851 года, Бисмаркъ слышалъ отъ многихъ лицъ, что онъ назначенъ посланникомъ на сеймъ во Франкфуртъ на Майнѣ; что онъ не былъ назначенъ — онъ это зналъ, но что, можетъ быть, ему хотятъ ввѣрить этотъ постъ—онъ считалъ это дѣломъ возможнымъ. Мысль эта была для него совершенно нова; между тѣмъ парламентская борьба перестала быть для него привлекательной; поэтому возвратившись въ Берлинъ, онъ рѣшился принять постъ посланника на сеймѣ, въ случаѣ, если бы ему его предложили.

Неизвѣстно, у кого перваго возникла мысль ввѣрить Бисмарку этотъ постъ — у самаго-ли Фридриха Вильгельма IV или у министра Мантейфеля; во всякомъ случаѣ къ ней прибѣгли въ томъ предположеніи, что именно Бисмаркъ будетъ для Австріи persona grata, потому что тогдашняя задача Пруссіи заключалась въ томъ, чтобы вести германскія дѣла въ самомъ

дружескомъ согласіи съ Австріей. Фридрихъ Вильгельмъ обыкновенно съ особенной заботливостью выбиралъ своихъ пословъ на сеймъ, теперь же весьма щекотливыя обстоятельства предписывали еще большую осторожность. И не смотря на то выборъ палъ на человѣка, который до того времени не былъ вовсе употребляемъ въ дипломатическихъ дѣлахъ!

Бисмаркъ сдѣлалъ визитъ министру Мантейфелю; послѣдній сказалъ ему прежде всего, что король желаетъ съ нимъ говорить и потомъ, безъ всякихъ околичностей, спросилъ его, что онъ думаетъ о постѣ посланника на сеймѣ? Осторожный министръ не мало изумился, когда Бисмаркъ въ немногихъ словахъ изъявилъ готовность принять этотъ постъ. Его очевидно поразило быстрое рѣшеніе консервативнаго депутата; однако онъ предложилъ ему тотчасъ же отправиться къ королю.

Въ Санъ-Суси Бисмаркъ былъ принятъ королемъ по обыкновенію весьма благосклонно, но король былъ озадаченъ почти еще болѣе своего перваго министра, когда Бисмаркъ тотчасъ же совершенно открыто и прямо объявилъ: «Если вашему величеству угодно будетъ испытать, то я готовъ».

Можетъ быть Фридрихъ Вильгельмъ IV нашелъ нѣкоторое легкомысліе въ быстромъ рѣшеніи Бисмарка; онъ обратилъ его вниманіе на важность и трудность положенія дѣлъ.

— Ваше величество можете испытать меня,—возразилъ Бисмаркъ; если дѣло не пойдетъ, то черезъ полгода, или даже ранѣе, меня можно отозвать.

Не смотря на всѣ сомнѣнія и опасенія, которыя можетъ быть возникали въ умѣ короля, онъ остался

при своемъ рѣшеніи и въ маѣ 1851 года Бисмаркъ былъ назначенъ первымъ секретаремъ посольства при сеймѣ, съ титуломъ тайнаго совѣтника посольства.

Онъ тотчасъ же уѣхалъ къ своему посту. Тамъ очутился онъ на новой, еще совершенно ему чуждой почвѣ и вообще задача его была отнюдь не легка. Генералъ-лейтенантъ Теодоръ Рохусъ-фонъ-Роховъ, который долженъ былъ ознакомить его съ его новымъ положеніемъ, подъ вліяніемъ извѣстной и понятной ревности, которую большая часть людей питаетъ къ своимъ преемникамъ, держалъ его, собственно говоря, вдали отъ настоящихъ дѣлъ. Г. фонъ-Грунеръ былъ либералъ и политическій противникъ Бисмарка, остальные германскіе посланники при сеймѣ, хотя и не безъ исключенія, чувствовали родъ ужаса къ прославившемуся своими реакціонными тенденціями *юнкеру*. Можетъ быть одному только графу фонъ-Тунъ-Гогенштейну, предсѣдательствовавшему посланнику, видѣвшему въ Бисмаркѣ рѣшительнаго приверженца Австріи, было пріятно прибытіе новаго секретаря посольства, но и тотъ тотчасъ же постарался дать ему замѣтить перевѣсъ Австріи; — это былъ съ его стороны дипломатическій промахъ, потому что Бисмаркъ умѣлъ тотчасъ же занять и удержать за собою соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ положеніе.

Въ то время ходилъ интересный анекдотъ, хорошо обрисовывающій Бисмарка. Бисмаркъ сдѣлалъ визитъ предсѣдательствовавшему посланнику; графъ Тунъ принялъ его съ замѣтной фамильярностью, продолжая спокойно курить сигару и даже не пригласилъ Бисмарка сѣсть. Послѣдній, нисколько не сконфузясь, досталъ изъ кармана портъ-сигаръ, вынулъ отуда

сигару и сказалъ спокойно: «позвольте мнѣ огня, ваше п—во»! Графъ, сильно сконфуженный, подалъ огня. Бисмаркъ закурилъ сигару и затѣмъ, нисколько не стѣсняясь, помѣстился на креслѣ, хладнокровно начиная разговоръ, какъ будто бы ничего не случилось.

Въ августѣ того же года Бисмаркъ былъ уже назначенъ дѣйствительнымъ посланникомъ при сеймѣ. Генералъ фонъ-Роховъ продолжалъ до конца свое мелочное преслѣдованіе; въ день своего отъѣзда онъ прислалъ Бисмарку будто-бы текущія дѣла въ зеленомъ портфелѣ, однако зеленый портфель оказался пустымъ. Бисмаркъ тотчасъ же отправился на станцію желѣзной дороги, чего Роховъ не ожидалъ и что его сильно смутило. Бисмаркъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ его за все оказанное ему расположеніе и прибавилъ, что онъ приписываетъ его единственно дружбѣ, въ которой Роховъ состоялъ съ его покойнымъ отцомъ.

Въ первое время своего пребыванія во Франкфуртѣ Бисмаркъ могъ мало работать по офиціальнымъ дѣламъ Союза, и генералъ Роховъ иногда зло смѣялся надъ позднимъ вставаніемъ Бисмарка. А между тѣмъ Бисмаркъ былъ дѣятельнѣе, чѣмъ казалось, потому что онъ велъ весьма оживленную переписку съ политическими друзьями въ Берлинѣ, особенно съ барономъ Мантейфелемъ. Передъ обѣдомъ онъ обыкновенно совершалъ прогулку верхомъ; посѣщалъ также, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ умовъ, сосѣдніе дворы, дармштадтскій, бибрихскій и карлсруэскій, гдѣ его старинный другъ Савиньи былъ въ то время прусскимъ посланникомъ.

Во Франкфуртѣ Бисмаркъ, по желанію или по крайней мѣрѣ съ согласія Рохова, избралъ себѣ дѣятельностью влiять непосредственно на печать. Написанныя имъ лично или по его указанію статьи возбуждали общее вниманіе; онѣ были составлены убѣдительно и часто совершенно уничтожали доводы противника. Это была его настоящая дѣятельность въ то время; вообще же онъ, какъ homo novus in diplomaticis, присутствовалъ при докладахъ у фонъ-Рохова, чтобы изучить формальный ходъ дѣлъ и внѣшніе турнюры дипломатіи.

11 іюля 1851 г. прибылъ во Франкфуртъ тогдашній принцъ прусскій, нынѣшній король Вильгельмъ, и былъ встрѣченъ на станціи всѣми членами посольства при сеймѣ и штабъ-офицерами. Принцъ былъ очень благосклоненъ съ Бисмаркомъ, но на пути въ свою квартиру выразилъ генералу фонъ-Рохову опасеніе на счетъ того, что этого поручика ландвера (Бисмаркъ представился принцу въ военномъ мундирѣ) хотятъ сдѣлать посломъ при сеймѣ. Но генералъ Роховъ, который, не смотря на свое малое расположеніе къ Бисмарку, былъ достаточно безпристрастенъ, чтобы оцѣнить своего преемника, возразилъ: «Выборъ сдѣланъ хорошо; онъ свѣжъ, крѣпокъ, онъ навѣрно удовлетворитъ всѣмъ намѣреніямъ вашего королевскаго высочества!»

Принцъ не нашелся ничего отвѣчать; вообще же онъ имѣлъ весьма выгодное мнѣніе о показавшемся ему слишкомъ молодымъ бойцѣ за интересы Пруссіи. Все это весьма характеристично для отношеній, въ которыя впослѣдствіи королю Вильгельму суждено было стать къ Бисмарку.

Принцъ прусскій принималъ у себя Бисмарка весьма ласково, имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, вы-

ѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ на прогулку, въ театръ и т. д. Принцъ прусскій уже тогда выказывалъ къ Бисмарку большое расположеніе, и когда у послѣдняго въ слѣдующемъ году родился сынъ, Вильгельмъ вызвался быть его воспріемникомъ. Генералъ Роховъ, отправляясь на свой постъ въ Петербургъ, выражалъ открыто, что отъ дарованій и твердости характера его преемника во Франкфуртѣ слѣдуетъ ожидать многаго.

Когда Бисмаркъ 18 августа 1851 года былъ назначенъ посломъ при сеймѣ, онъ нанялъ виллу младшаго Ротшильда, находящуюся въ четверти часа ѣзды отъ заставы, на бокенгеймскомъ шоссе, возлѣ самой гессенской границы — ту самую, гдѣ еще незадолго передъ тѣмъ жилъ эрцгерцогъ Іоганнъ, въ качествѣ принца-регента. Въ саду и на лѣстницѣ красовались великолѣпные цвѣты; говорятъ, однихъ камелій было до 1,000 штукъ. Домъ Бисмарка, послѣ того, какъ прибыла его жена съ дѣтьми, былъ въ то время самымъ гостепріимнымъ во Франкфуртѣ.

Въ обществѣ онъ вскорѣ сошелся какъ нельзя лучше съ австрійскимъ посланникомъ. Графъ Тунъ былъ утонченный аристократъ и его жена, урожденная графиня Ламбергъ, придавала своему дому особую прелесть. Точно также и съ преемникомъ графа Туна, извѣстнымъ барономъ Прокешъ-фонъ-Остеномъ, ненависть котораго къ Пруссіи была до такой степени всѣмъ извѣстна, что назначеніе его предсѣдательствовавшимъ посланникомъ считали демонстраціей, направленной противъ Пруссіи, Бисмаркъ умѣлъ стать въ наилучшія отношенія, безъ ущерба для интересовъ Пруссіи, что при извѣстномъ характерѣ этого, вполнѣ знакомаго съ дѣлами востока, дипломата было не легко. Гораздо дру-

жественнѣе были, конечно, общественныя отношенія Бисмарка къ графу Рехбергу, замѣнившему впослѣдствіи Прокеша.

Изъ прочихъ сеймовыхъ посланниковъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ находились: фонъ-Шереръ, представлявшій короля нидерландскаго въ качествѣ великаго герцога люксембургскаго, фонъ-Фритчъ (великаго герцога саксонскаго), фонъ-Бюловъ (короля датскаго, въ качествѣ герцога голштинскаго и лауенбургскаго), фонъ-Эртценъ (Мекленбургъ) и фонъ-Эйзендехеръ (Ольденбургъ). Съ англійскимъ посломъ, сэромъ Александромъ Мэлетъ (Malet) Бисмаркъ арендовалъ вмѣстѣ землю для охоты.

Кромѣ дипломатовъ, Бисмаркъ часто и охотно посѣщалъ общества прусскихъ офицеровъ и высшихъ военныхъ лицъ другихъ государствъ; но на свои обѣды, вечера и балы онъ приглашалъ также артистовъ, литераторовъ и художниковъ, что до того времени рѣдко встрѣчалось въ кругу высшей франкфуртской дипломатіи и вызывало нѣкоторые толки. Съ этимъ артистическимъ міромъ познакомилъ его весьма высоко цѣнимый имъ живописецъ, профессоръ Беккеръ, принадлежавшій вмѣстѣ съ своей женой и своими дочерьми, къ интимному кружку Бисмаркова дома.

Самымъ блестящимъ празднествомъ въ году въ домѣ Бисмарка бывало 15-е октября, день рожденія короля. Утромъ происходила церковная служба, на которую Бисмаркъ, вмѣстѣ со всѣмъ персоналомъ посольства, являлся въ парадной формѣ. Затѣмъ слѣдовалъ блестящій обѣдъ, а вечеромъ онъ обыкновенно посѣщалъ, въ мундирѣ поручика ландвера, праздникъ прусскихъ солдатъ, занимавшихъ гарнизонъ во Франкфуртѣ, ко-

торые обыкновенно называли Бисмарка: «его превосходительство, г. поручикъ фонъ-Бисмаркъ».

Когда Бисмаркъ освоился съ дѣлами, онъ началъ работать самостоятельно и много. Послѣ вечерняго чая, въ десять часовъ, онъ часто диктовалъ три или четыре часа сряду и при томъ такъ, что большею частью не приходилось послѣ измѣнять ни одного слова и депеши могли въ половинѣ шестаго утра отсылаться въ Берлинъ. Свое отдохновеніе отъ трудовъ онъ посвящалъ охотѣ и далекимъ прогулкамъ верхомъ. Онъ часто приказывалъ сѣдлать лошадь въ четыре часа утра и углублялся въ страну на цѣлыя мили.

Чѣмъ значительнѣе было общественное положеніе, которое себѣ создалъ Бисмаркъ, тѣмъ труднѣе становилось политическое. Онъ сразу понялъ, что Австрія совершенно не признавала равноправности Пруссіи въ управленіи германскими дѣлами, что̀ поставлялъ онъ первымъ условіемъ; что Австрія, напротивъ, увеличивала затрудненія Пруссіи. Благодаря своему личному преобладанію, Бисмаркъ добился нѣкоторыхъ выгодъ для Пруссіи и дѣйствовалъ рѣшительно путемъ печати, которой онъ постоянно посвящалъ не только свое вниманіе, но и часто свою непосредственную дѣятельность. Между прочимъ, по дѣламъ Таможеннаго Союза ему пришлось сильно бороться противъ махинаціи австрійской политики. Ганноверская газета печатала даже въ то время весьма запальчивыя статьи противъ ратификаціи только-что заключеннаго съ Пруссіей трактата 7-го сентября 1851 года. Только личному воздѣйствію Бисмарка на ганноверскаго посланника при сеймѣ, фонъ-Шеле, удалось преодолѣть оппозицію противъ утвержденія этого трактата.

На самомъ сеймѣ Бисмаркъ провелъ свой проэктъ о распредѣленіи занятій, которымъ онъ имѣлъ въ виду положить предѣлъ произволу президентской власти, и установилъ правильный ходъ дѣлъ сейма; онъ вскорѣ занялъ преобладающее положеніе на сеймѣ и съ этого времени начинается его открытая дѣятельность, направленная къ тому, чтобы доставить Пруссіи преобладаніе.

Между тѣмъ положеніе Пруссіи было таково, что союзная организація могла держаться только при политикѣ князя Меттерниха; эта политика, которая состояла въ возможномъ отстраненіи Австріи отъ германскихъ дѣлъ и предоставляла Пруссіи свободное поле дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ ея сѣверо-германскомъ районѣ, держалась всегда возможно дружественныхъ формъ. Когда же князь Шварценбергъ обратился къ совершенно противоположной политикѣ,—политикѣ, которая вполнѣ ясно и опредѣлительно начала клониться къ тому, чтобы унизить и ослабить Пруссію, тогда столкновеніе сдѣлалось только вопросомъ времени.

Такимъ образомъ, политика Шварценберга, которой слѣдовалъ и преемникъ его, графъ Буоль-Шауенштейнъ, сдѣлали Бисмарка открытымъ противникомъ Австріи, и сопротивленіе враждебной Пруссіи политикѣ вѣнскаго кабинета стало лозунгомъ его политической дѣятельности. При этомъ онъ едва могъ разсчитывать на поддержку со стороны своего короля и перваго министра Мантейфеля, такъ какъ они оба, упавъ духомъ, вслѣдствіе неудавшихся плановъ объединенія Германіи, все еще надѣялись, что Австрія возвратится къ прежней, болѣе дружелюбной относительно Пруссіи политикѣ князя Меттерниха. Какъ бы то ни было, Бисмаркъ рѣ-

шился посвятить свою дѣятельность на то, чтобы завоевать Пруссіи первенствующее мѣсто въ Германіи, хотя бы путемъ отчаянной борьбы съ Австріей.

Само собою разумѣется, что Бисмаркъ зорко и внимательно слѣдилъ не только за дѣйствіями Австріи въ Германіи, но и за политикой ея вообще, и вскорѣ изслѣдовалъ принципы, на которыхъ основывалась политика Австріи. Опираясь на кажущееся свое могущество, которое доставили Австріи отважные шахматные ходы князя Шварценберга и побѣды Радецкаго надъ Сардиніей, она стремилась пріобрѣсти силу и значеніе въ Европѣ одной только дипломатической игрой. При помощи дружбы съ Франціей, она хотѣла сдерживать Италію, дружбою съ Англіей вовлекать въ свои предпріятія Турцію, при помощи же союза обѣихъ этихъ державъ, а также давленія своего на Пруссію и другія нѣмецкія государства, смирить и обезсилить Россію, въ которой она видѣла единственнаго противника своей завѣтной цѣли. Но планъ этотъ, которымъ объясняется поведеніе Австріи во время крымской войны, естественно, не могъ удаться, потому что временный союзъ Англіи съ Франціей могъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, только временно поколебать силу Россіи; онъ не могъ удаться также и потому, что Франція, конечно, изъ чистой дружбы къ Австріи, не оставалась спокойной на западѣ, послѣ того, какъ она помѣрялась на востокѣ съ Россіей, потому что Англія, добившись своихъ цѣлей на востокѣ, едва-ли сочла бы нужнымъ сдѣлать что-нибудь для Австріи, и наконецъ, потому, что Австрія, въ какомъ-то ослѣпленіи, не хотѣла признать дѣйствительной силы Пруссіи. Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Австрія потерпитъ неудачу и, по

его мнѣнію, Пруссія должна была воспользоваться наступившимъ вслѣдъ затѣмъ кризисомъ, чтобы освободиться отъ Австріи и первенствовать въ Германіи. Вслѣдствіе того онъ не переставалъ настаивать въ Берлинѣ на возможномъ усиленіи прусскихъ военныхъ силъ. Убѣжденія его не остались тщетны, но они, какъ извѣстно, восторжествовали только впослѣдствіи, съ помощію крайнихъ усилій и послѣ упорной внутренней борьбы, которую онъ велъ; обстоятельства въ то время сложились такимъ образомъ, что когда кризисъ дѣйствительно наступилъ, Пруссія не могла имъ воспользоваться, и какъ скоро война вспыхнула въ Италіи, а Пруссія не выступила противъ Австріи, то министерство сочло невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Бисмарка во Франкфуртѣ и отозвало его.

Пребываніе Бисмарка во Франкфуртѣ представляло ему выгоду, немаловажную для государственнаго человѣка. Франкфуртъ лежитъ, подобно большой гостинницѣ, на пути, по которому лѣтомъ европейское общество проѣзжаетъ во всѣхъ направленіяхъ. Представитель Пруссіи принималъ тамъ не только многихъ государей, которые находились въ родственныхъ или дружескихъ связяхъ съ прусскимъ королевскимъ домомъ, но съ теченіемъ времени лично познакомился и съ большей частью министровъ и дипломатовъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ числѣ важнѣйшихъ особъ, которыхъ онъ принималъ во Франкфуртѣ, была и великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса виртембергская, пользующаяся большимъ вліяніемъ въ европейской дипломатіи.

Между государственными людьми, съ которыми Бисмаркъ познакомился на Рейнѣ, прежде всего должно

упомянуть о старомъ князѣ Меттернихѣ, котораго онъ посѣтилъ еще лѣтомъ 1851 года, вскорѣ послѣ своего прибытія во Франкфуртъ, въ замкѣ Іоганисбергъ. Онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ человѣкомъ, который так долго управлялъ судьбами Австріи. Іоганисбергъ былъ нейтральной почвой, на которой встрѣтился послѣдній остатокъ оказываемаго Австріей благоволенія къ Пруссіи съ послѣдними слѣдами уваженія къ Австріи, которое выказалъ тогда будущій ея побѣдитель.

Во время своего пребыванія во Франкфуртѣ Бисмаркъ былъ весьма часто вызываемъ въ Берлинъ: король желалъ знать его мнѣнія, и уже тогда Бисмаркъ едва не былъ сдѣланъ министромъ; этому помѣшали не столько сильныя вліянія двухъ противоположныхъ партій, сколько его собственное нежеланіе сдѣлаться въ то время министромъ. Онъ сказалъ тогда одному знакомому, что онъ желалъ бы быть сначала десять лѣтъ посланникомъ, а потомъ десять лѣтъ министромъ, затѣмъ спокойно окончить свою жизнь въ своемъ родномъ помѣстьѣ.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который считалъ совершенно необходимымъ «для политическаго образованія» Бисмарка послать его въ Вѣну, далъ ему въ маѣ 1852 года важное порученіе туда и кромѣ того поручилъ ему войти въ переговоры о возстановленіи полнаго согласія между Пруссіей и Австріей. Эта командировка въ Вѣну, конечно, была необходима и въ томъ отношеніи, что Бисмаркъ могъ все высмотрѣть лично, ознакомиться непосредственно съ матеріальными и нравственными силами своего врага, котораго задумалъ уничтожить, убѣдиться, въ какой степени Ав-

стрія была готова отразить готовившійся ей ударъ и вообще, каковы умственныя силы тѣхъ людей, съ которыми приходилось встрѣтиться и на дипломатическомъ и на военномъ поприщѣ. Человѣкъ съ такимъ тонкимъ чутьемъ какъ Бисмаркъ, человѣкъ, который пойдетъ и въ биръ-галле, сойдется и съ армейскими офицерами и побываетъ въ солдатскихъ казармахъ, побесѣдуетъ съ журналистами и вождями политическихъ партій, справится относительно артиллеріи и укрѣпленій, однимъ словомъ человѣкъ, который не ограничится изслѣдованіемъ предмета лишь изъ своего посольскаго отеля, могъ оказать Пруссіи большую услугу для того, чтобы вызвать Австрію на борьбу и нанести ей сокрушительный ударъ. Прусскіе біографы прибавляютъ на счетъ порученія возстановить согласіе съ Австріей, что задача эта не удалась Бисмарку «вслѣдствіе шварценберговской политики Австріи». Но объ этомъ также можно сказать, что задача эта не могла удаться вслѣдствіе бисмарковской политики Пруссіи.

Лѣтомъ 1855 года Бисмаркъ посѣтилъ промышленную выставку въ Парижѣ, жилъ у прусскаго посла, графа Гатцфельда и былъ представленъ императору французовъ. Весною 1857 года мы встрѣчаемъ Бисмарка снова въ Парижѣ, гдѣ въ то время онъ имѣлъ впервые политическія бесѣды съ Наполеономъ. Во время своей дѣятельности во Франкфуртѣ Бисмаркъ не разъ предпринималъ дальнія путешествія; онъ объѣхалъ большую часть Европы, посѣтилъ Данію, Швецію, Голландію, большую часть Италіи, — вѣроятно также для личнаго наблюденія надъ положеніемъ дѣлъ.

За тѣмъ Бисмаркъ получилъ назначеніе въ Петербургъ.

V.

1859—1861 г.

Бисмаркъ въ Петербургѣ.

Разставаясь въ 1858 году съ своею дѣятельностью во Франкфуртѣ, Бисмаркъ высказалъ лично принцу регенту сожалѣніе свое по поводу перемѣщенія его на другой постъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ освоился уже во Франкфуртѣ съ людьми и обстоятельствами. Но принцъ регентъ сказалъ ему, что постъ посла въ С.-Петербургѣ считается первымъ въ прусской дипломатіи и что онъ долженъ считать свое назначеніе туда за особое отличіе. Бисмаркъ на этомъ новомъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, могъ, какъ бы съ сторожевой башни наблюдать ходъ политическихъ событій, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, и выяснить свои воззрѣнія, дать созрѣть своимъ планамъ. Онъ умѣлъ сохранить во все время своего пребыванія благосклонность Государя Императора и особенно покойной вдовствующей Императрицы Александры Ѳедоровны, и въ то же время снискалъ уваженіе русскихъ государственныхъ людей. Въ мартѣ отправился онъ въ Петербургъ, и 1 апрѣля 1859 года вступилъ

въ свою новую должность; въ маѣ онъ совершилъ поѣздку въ Москву, по возвращеніи же оттуда сильно заболѣлъ ревматизмомъ. Болѣзнь заставила его прибѣгнуть къ медицинской помощи, но безуспѣшно, и онъ отправился въ отпускъ въ Берлинъ, гдѣ также леченіе шло медленно. На возвратномъ пути въ Петербургъ, въ ноябрѣ 1859 года, Бисмаркъ снова заболѣлъ, и весьма опасно, и только въ мартѣ 1860 года отправился въ Берлинъ, гдѣ участвовалъ въ засѣданіяхъ палаты господъ; въ маѣ возвратился въ Гогендорфъ, откуда взялъ свою семью и привезъ ее 5 іюня въ С.-Петербургъ.

Бисмаркъ нанималъ домъ графини Штейнбокъ на англійской набережной. Живя въ Петербургѣ, Бисмаркъ учился по русски съ помощію учителя и часто посѣщалъ дворецъ в. к. Елены Павловны.

Въ охотничьихъ партіяхъ, само собою разумѣется, не было недостатка; онъ охотился за лосемъ, медвѣдемъ, волкомъ; въ Варцинѣ, точно также какъ и въ Берлинѣ, можно до сихъ поръ видѣть много сѣверныхъ охотничьихъ трофеевъ Бисмарка. Любя животныхъ, Бисмаркъ держалъ у себя въ домѣ медвѣжатъ, которыхъ онъ отсылалъ, когда они выростали, въ зоологическіе сады во Франкфуртѣ и Кельнѣ. Иногда *Мишка* появлялся внезапно, къ великой забавѣ общества, за столомъ, прогуливался весьма благопристойно по скатерти между тарелками и стаканами, или хваталъ прислуживавшаго лакея за ногу, и скатывался съ устроеннаго въ столовой катка.

Изъ лицъ, преимущественно посѣщавшихъ въ то время домъ Бисмарка, были тогдашній прусскій военный уполномоченный баронъ фонъ-Лоэна, капитанъ фонъ-

Эркертъ, совѣтникъ посольства фонъ-Шлецеръ, принцъ-де-Кроа и также берлинскій товарищъ его юности графъ Кейзерлингъ, баронъ Нольде и графъ Икскуль. Въ высшемъ русскомъ обществѣ Бисмаркъ пользовался почетомъ. Канцлеръ князь Горчаковъ обнаруживалъ къ нему постоянно особенное вниманіе, какъ по крайней мѣрѣ говорятъ нѣмецкіе біографы Бисмарка.

Въ слѣдующемъ 1861 году Бисмаркъ провелъ лѣто частью въ Помераніи, частью въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ былъ и король Вильгельмъ; въ октябрѣ онъ присутствовалъ при коронованіи короля въ Кенигсбергѣ, откуда возвратился къ своему посту въ С.-Петербургъ.

Тогдашній Бисмаркъ въ отношеніи наружности уже значительно измѣнился противъ прежняго; онъ былъ въ то время почти уже такимъ, каковъ теперь. Волоса, бывшіе нѣкогда густыми, значительно порѣдѣли и обнажили высокій, выпуклый лобъ; курчавая окладистая борода исчезла еще во Франкфуртѣ; черты лица стали крайне рѣзкими, но около губъ до сихъ поръ еще играетъ ироническая улыбка, глаза сохранили прежній огонь и твердая осанка еще не надломилась. Въ его письмахъ все еще нѣтъ недостатка въ веселости, но порою замѣчается легкая черта грусти, свидѣтельствующая, что тяжелыя политическія и житейскія битвы не обошлись для него безъ сильнаго вліянія.

VI.

1862 г.

Бисмаркъ въ Парижѣ.

Дипломатическая дѣятельность Бисмарка въ Парижѣ занимаетъ всего промежутокъ времени въ нѣсколько недѣль, но она имѣла весьма важныя послѣдствія. Именно, въ это время онъ успѣлъ ближе узнать многихъ правительственныхъ лицъ во Франціи и точнѣе ознакомиться съ положеніемъ французскихъ дѣлъ, которое онъ еще болѣе уяснилъ себѣ при своихъ позднѣйшихъ многократныхъ поѣздкахъ въ Біарицъ.

Когда Бисмаркъ былъ еще въ Петербургѣ, король намѣревался уже назначить его первымъ министромъ и такимъ образомъ поставить его въ главѣ правительства. Между нимъ и королемъ уже давно существовали самыя интимныя отношенія. По всей вѣроятности король Вильгельмъ намѣревался назначить Бисмарка немедленно, весною 1862 года, первымъ министромъ, но неизвѣстно, что помѣшало этому намѣренію; во всякомъ случаѣ, событія доказали впослѣдствіи, что пребываніе Бисмарка въ Парижѣ прежде чѣмъ онъ принялъ въ свои руки управленіе дѣлами въ Прус-

сіи, было во многихъ отношеніяхъ полезно его странѣ

Конечно, Бисмаркъ нисколько не колебался принять на себя этотъ постъ; онъ видѣлъ, что либеральная оппозиція препятствуетъ преобразованію арміи, на которой онъ основывалъ всю свою надежду обезпечить Пруссіи, въ удобную минуту, ея первенствующее положеніе въ Германіи и Европѣ. Конечно, онъ зналъ, что ему предстоитъ выдержать тяжкія битвы, но онъ зналъ также, что онѣ необходимы для того, чтобы освободиться отъ давленія парламента.

23-го мая 1862 года Бисмаркъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и уѣхалъ туда. Но передъ этимъ онъ пробылъ нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, не разъ возбуждался вопросъ о предоставленіи ему должности перваго министра.

17-го мая происходило открытіе статуи графа Бранденбурга на лейпцигской площади въ Берлинѣ, въ присутствіи короля Вильгельма.

На этомъ торжествѣ были, между прочимъ, Бисмаркъ и Мантейфель, который, обратившись къ одному изъ членовъ своего министерства, сказалъ:

— Привѣтствуйте будущаго министра-президента, и при этомъ указалъ на Бисмарка.

VII.

1862 г.

Парламентская борьба.

Удалившееся либеральное министерство оставило въ наслѣдство консервативному, занявшему его мѣсто, столкновеніе съ палатой депутатовъ.

Король Вильгельмъ не рѣшался прибѣгнуть къ государственному перевороту, а старался достигнуть соглашенія, опираясь въ этихъ трудныхъ усиліяхъ какъ на консервативныхъ, такъ и нѣкоторыхъ либеральныхъ людей, особенно же на военнаго министра, генерала фонъ-Роона; но всѣ старанія короля оставались тщетны.

Наконецъ оказалось необходимымъ найти руководствующаго министра, который, будучи преданнымъ королю, имѣлъ бы достаточно энергіи, смѣлости и осмотрительности, чтобы вести дѣла, не смотря на столкновеніе, пока съ теченіемъ времени самыя событія не примирятъ враждебныхъ принциповъ.

Выборъ короля палъ на его тогдашняго посла въ Парижѣ, на Бисмарка, и изъ Пиренеевъ телеграфъ призвалъ его въ Берлинъ.

Король Вильгельмъ очень хорошо понималъ, что вы-

боръ этотъ еще болѣе ожесточитъ столкновеніе, по крайней мѣрѣ временно, потому что для большинства своихъ противниковъ, Бисмаркъ еще долго оставался не болѣе какъ главою юнкерской партіи, пламеннымъ и энергическимъ вождемъ консервативной партіи; только не многіе знали его какъ государственнаго человѣка, сформировавшагося послѣ его пребыванія во Франкфуртѣ, гдѣ онъ подробно узналъ все противодѣйствіе Пруссіи со стороны мелкихъ германскихъ государствъ, и въ С.-Петербургѣ, гдѣ примѣромъ для него служилъ такой искусный политикъ, какъ князь Горчаковъ, и наконецъ на зыбкой почвѣ Парижа. «Бисмаркъ, это—государственный переворотъ», восклицалъ въ то время одинъ демократическій органъ, и втихомолку повторяли тоже и многіе консерваторы, которые видѣли спасеніе только въ государственномъ переворотѣ.

Призывъ Бисмарка при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ для короля вдвойнѣ труденъ, потому что хотя онъ и зналъ Бисмарка, но масса народа его не знала, и вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, во всѣхъ видахъ, поднялось сопротивленіе съ оглушающими криками.

Когда же призывъ былъ дѣйствительно сдѣланъ, тогда въ средѣ самыхъ консерваторовъ появились опасенія:—какія условія предложитъ Бисмаркъ? Съ какой программой онъ захочетъ вступить въ министерство?

Бисмаркъ однако не постановилъ никакихъ условій, не предъявилъ никакой программы. Ослабить или даже уничтожить въ Пруссіи парламентаризмъ, дать сильную организацію арміи, въ которой онъ видѣлъ всю будущность Пруссіи и Германіи — вотъ задача, которую задалъ себѣ Бисмаркъ.

Когда онъ въ половинѣ сентября 1862 года при-

былъ въ Берлинѣ, въ числѣ своихъ противниковъ онъ нашелъ партію прогрессистовъ почти торжествующею и рядомъ съ нею партію либераловъ, которая послѣ своего пораженія, хотя и была сильно ослаблена, но тѣмъ не менѣе питала почти еще большую непріязнь къ Бисмарку, чѣмъ прогрессисты, что́ объясняется тѣмъ, что именно съ нею, со времени перваго соединеннаго парламента, боролся Бисмаркъ.

На своей сторонѣ Бисмаркъ имѣлъ только консервативную партію; но она въ продолженіе новой эры была доведена въ палатѣ почти до безконечно малой величины; она проявляла свое вліяніе только при помощи палаты господъ, «Крестовой Газеты» и отчасти провинціальной печати и только теперь стала мало-по-малу собирать свои силы.

Поддержка, которую въ то время могла оказать Бисмарку консервативная партія, была, такъ сказать, поддержка разбитой арміи, но и эту армію должно было сперва переформировать, прежде чѣмъ вести ее противъ непріятеля. Впрочемъ, поддержка эта была предложена охотно и съ полной преданностью, даже тою фракціей консервативной партіи, которая дулась на Бисмарка за то, что онъ во Франкфуртѣ сталъ враждебно дѣйствовать противъ Австріи, въ то время, какъ онъ старался установить болѣе дружественныя отношенія съ Франціей, ссылаясь на политику общихъ интересовъ, и объявилъ себя въ пользу Италіи. Представители консервативнаго идеализма, твердые столпы политики священнаго союза, идеалисты — защитники всякой законности, изъ рядовъ которыхъ вышелъ нѣкогда самъ Бисмаркъ, сдѣлались частію его противниками; но въ рѣшительную минуту, когда онъ сталъ въ главѣ прави-

тельства, они не отказали ему въ своей помощи и поддерживали его въ трудной борьбѣ.

Какого рода была эта борьба, можно убѣдиться изъ того, что многіе изъ сподвижниковъ Бисмарка бились уже не изъ-за побѣды, но, такъ сказать, изъ-за того, чтобы умереть съ честью. Всюду слышалось тогда отъ консерваторовъ, что они сопротивляются еще только потому, что это предписываетъ имъ ихъ долгъ, что побѣда прогресса и парламентаризма надъ старой прусской королевской властью есть только вопросъ времени, но что они должны умереть не уступая. Послѣдніе бойцы за прусскую королевскую власть хотѣли, по крайней мѣрѣ, вынудить у своихъ противниковъ уваженіе къ себѣ.

Что касается Бисмарка, то онъ не терялъ надежды и вѣрилъ въ будущность Пруссіи и Германіи, но въ то же время сознавалъ, что ему предстоитъ борьба на жизнь и смерть. Намеки, которые въ разное время вырывались у него по этому поводу, не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія. Не разъ говаривалъ онъ: «Смерть на эшафотѣ бываетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ столь же почетна, какъ и смерть на полѣ битвы!» Или: «Я могу вообразить себѣ болѣе ужасный родъ смерти, чѣмъ смертная казнь!»

Впрочемъ Бисмаркъ вступилъ въ свою должность съ сильною надеждою разрѣшить столкновеніе. Всѣ, которые его видѣли или говорили съ нимъ въ то время, вспоминаютъ его самонадѣянность и увѣренность, съ которыми онъ приступилъ къ дѣлу. «Онъ кажется на видъ тощимъ, здоровымъ и загорѣлымъ, какъ человѣкъ, который совершилъ переѣздъ черезъ степь на верблюдѣ!», такъ описывалъ его въ то время одинъ изъ его друзей. Ему, казалось, сначала вещью не не-

возможной склонить на свою сторону вождей противныхъ партій и онъ вступилъ съ ними въ переговоры; онъ взывалъ къ ихъ патріотическому чувству, убѣждалъ ихъ, что хотя они и идутъ по другому пути, но все же должны имѣть въ виду общую съ нимъ цѣль— славу и величіе родины. Если же они желаютъ спасенія Пруссіи и Германіи, то они должны желать и средства къ тому — реорганизованной арміи. Но, не смотря на всѣ свои усилія, Бисмаркъ успѣлъ убѣдить только не многихъ. У однихъ доктрина партіи не допускала никакого соглашенія, другіе относились съ крайнимъ недовѣріемъ ко всякой примирительной попыткѣ министра; многіе, наконецъ, понимали намеки Бисмарка; но болѣе этого Бисмаркъ на первое время рѣшительно ничего не могъ дать.

Между тѣмъ дѣла не могли оставаться въ такомъ положеніи; самонадѣянность партіи прогрессистовъ, проявлявшаяся въ болѣе и болѣе рѣзкихъ формахъ, иногда оскорбительныхъ для личности Бисмарка, должна была внушить ему убѣжденіе, что и ему не удастся уладить столкновеніе. Онъ долженъ былъ рѣшиться, согласно волѣ короля, предоставить это рѣшеніе времени, но, не смотря на то, управлять дѣлами на основаніи предписаній конституціи. Онъ твердо пошелъ по этому трудному пути и умѣлъ внушить свою увѣренность и другимъ. Король былъ ободренъ твердостью своего министра и однажды, указывая на Бисмарка, сказалъ одной русской княгинѣ, которая поздравляла его съ бодрымъ, здоровымъ видомъ: «Вотъ мой докторъ!»

Примирительныя попытки Бисмарка характеризуются между прочимъ слѣдующимъ случаемъ. Однажды, въ

засѣданіи коммиссіи, Бисмаркъ вынулъ изъ бумажника вѣтку, показалъ ее сидѣвшимъ возлѣ него депутатамъ противной партіи и, добродушно болтая, разсказалъ имъ, что онъ сорвалъ эту масличную вѣтку въ Авиньонѣ, чтобы предложить ее партіи прогресса въ знакъ мира; но при этомъ онъ убѣдился, что время къ тому еще не пришло.

29-го сентября 1862 года онъ возвѣстилъ палатѣ, что правительство беретъ обратно свой проэктъ бюджета на 1863 годъ, потому что считаетъ долгомъ не увеличивать еще болѣе препятствій къ соглашенію съ палатой. Онъ высказалъ въ то время свои намѣренія и свои цѣли довольно откровенно.

«Палата и печать, сказалъ онъ, понимаютъ столкновеніе въ слишкомъ трагическомъ смыслѣ; правительство же не ищетъ борьбы. Если нынѣшній кризисъ можно устранить съ честью, то правительство охотно протянетъ свою руку. Вслѣдствіе большой самостоятельности индивидуума въ Пруссіи трудно управлять при помощи конституціи. Кризисъ изъ-за конституціи не есть позоръ, но честь. Мы, можетъ быть, слишкомъ образованны, чтобы сносить конституцію; мы относимся ко всему слишкомъ критически. Общественное мнѣніе мѣняется; печать не есть общественное мнѣніе; извѣстно, какимъ образомъ она дѣйствуетъ и кѣмъ руководится. Задача депутатовъ — руководить настроеніемъ умовъ, господствовать надъ нимъ. Не на либерализмъ Пруссіи взираетъ Германія, но на ея силу. Баварія, Виртембергъ и Баденъ могутъ поблажать либерализму; но за то никто не припишетъ имъ роли Пруссіи. Пруссія должна собрать свою силу для удобной минуты, которая уже нѣсколько разъ была упущена; границы Прус-

сіи неудобны для здороваго государственнаго организма. Не рѣчами и не постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы времени — въ этомъ заключалась ошибка 1848 и 1849 годовъ — но желѣзомъ и кровью».

Противная партія въ то время такъ мало поняла эту весьма откровенную рѣчь, что только смѣялась надъ «политикой крови и желѣза», и остротамъ на этотъ счетъ не было конца.

Когда палата на эти примирительныя попытки отвѣчала постановленіемъ 7-го октября, которымъ всѣ расходы, отвергнутые народными представителями, объявлены противными конституціи, Бисмаркъ сдѣлалъ слѣдующую рѣзкую декларацію:

«Послѣ этой резолюціи королевское правительство не можетъ въ настоящее время разсчитывать на успѣхъ своихъ попытокъ къ соглашенію, а, напротивъ, возобновивъ переговоры, оно только усилило бы разногласія во имя принциповъ, — разногласія, которыя еще болѣе затруднили бы соглашеніе на будущее время».

На слѣдующій день (8-го октября 1862 г.) Бисмаркъ, котораго 23-го сентября король назначилъ государственнымъ министромъ и временно предсѣдательствующимъ въ государственномъ министерствѣ, былъ утвержденъ президентомъ государственнаго министерства и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

13-го октября парламентъ былъ закрытъ и Бисмаркъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова высказаться на счетъ своего положенія.

«Правительство — сказалъ онъ — вполнѣ сознаетъ отвѣтственность, проистекающую для него изъ этого грустнаго положенія дѣлъ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ па-

мятуетъ объ обязанностяхъ своихъ передъ страною и вслѣдствіе того считаетъ себя уполномоченнымъ, впредь до законнаго утвержденія бюджета, дѣлать расходы, необходимые для поддержанія государственныхъ учрежденій и развитія благосостоянія страны, будучи увѣрено, что они въ свое время будутъ одобрены парламентомъ».

Таково было начало безбюджетнаго управленія страною, на которое въ то время сильно нападали. Затѣмъ настала упорная, нескончаемая борьба, безконечный утомительный споръ; но надо отдать честь правительству — оно никогда не прибѣгало къ силѣ, это была война мнѣній и убѣжденій, война духовнымъ оружіемъ, политическая война, почти не бывалая еще въ конституціонныхъ государствахъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября Бисмаркъ еще разъ отправился въ Парижъ, чтобы офиціально проститься съ тюйльрійскимъ дворомъ. 1-го ноября онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у императора Наполеона въ Сентъ-Клу. Разговоръ, естественно, коснулся и великой задачи, которую Бисмаркъ взялся разрѣшить. Наполеонъ тогда мало вѣрилъ въ успѣхъ ея и указалъ ему на участь князя Полиньяка, но Бисмаркъ находилъ разницу между положеніемъ дѣлъ во Франціи въ 1830 году и въ Пруссіи въ 1862 году.

Тотчасъ послѣ аудіенціи онъ уѣхалъ въ Берлинъ.

VIII.

Вступленіе Бисмарка въ должность перваго министра.

Тотчасъ по принятіи управленія министерствомъ, еще въ декабрѣ 1862 года, Бисмаркъ поручилъ сдѣлать Австріи предложенія въ томъ смыслѣ, что если Австрія откажется отъ политики Шварценберга, враждебной Пруссіи, и согласится предоставить Пруссіи руководящее положеніе въ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самую Германію, тогда Бисмаркъ изъявлялъ готовность вступить съ Австріей въ тѣсную связь и слѣдовать вмѣстѣ общей политикѣ; если же Австрія не согласится на это, то Пруссія одна нанесетъ смертельный ударъ дряхлому, неясному порядку вещей, который, подобно домовому, давитъ нѣмецкую жизнь, положитъ конецъ неестественной неопредѣленности отношеній и создастъ изъ Германіи новое, здоровое тѣло.

Бисмаркъ, какъ видно, высказался передъ Австріей весьма откровенно, прямо указалъ на свою цѣль и на средства, которыми думалъ ее достигнуть. Предупреждать о своихъ намѣреніяхъ — это отличительная черта дипломатіи Бисмарка. Австрія въ то время занята была вопросомъ о такъ называемыхъ делегаціяхъ при Союзѣ.

Въ циркулярной депешѣ, отъ 24-го января 1863 г., Бисмаркъ писалъ:

«Для установленія болѣе тѣснаго согласія между обоими дворами, я принялъ инпціативу въ формѣ переговоровъ съ графомъ Кароли, въ которыхъ я поставилъ императорскому послу на видъ слѣдующее. По моему убѣжденію, наши отношенія къ Австріи должны неизбѣжно *или улучшиться, или ухудшиться.* Королевское правительство отъ души желаетъ первой альтернативы; если же императорскій кабинетъ будетъ упорно отказываться отъ всякаго соглашенія съ нами, то *мы должны обратить вниманіе на другую альтернативу и къ ней приготовиться.*

«Я напомнилъ графу Кароли, что въ продолженіе десятилѣтій, предшествовавшихъ событіямъ 1848 г., между обѣими великими державами господствовало безмолвное соглашеніе, въ силу котораго Австрія была увѣрена въ поддержкѣ со стороны Пруссіи въ европейскихъ вопросахъ и предоставляла намъ за это въ Германіи вліяніе, не ослаблявшееся оппозиціей Австріи, и которое выразилось въ образованіи Таможеннаго Союза. При такихъ обстоятельствахъ Германскій Союзъ пользовался тою степенью единства внутри и уваженія извнѣ, которыхъ онъ съ тѣхъ поръ не достигалъ. Я не счелъ нужнымъ разсматривать, по чьей винѣ подобныя же отношенія не установились снова послѣ преобразованія сейма, потому что не желалъ обвинять Австрію въ прошлыхъ ея дѣйствіяхъ, но имѣлъ въ виду только нынѣшній порядокъ вещей. Напротивъ, нынѣ мы находимъ именно въ тѣхъ государствахъ, дружественными отношеніями съ которыми Пруссія, по своему географическому положенію, должна особенно до-

рожить, преобладающее вліяніе императорскаго кабинета, возбуждающее къ оппозиціи противъ насъ. Я далъ понять графу Кароли, что Австрія этимъ путемъ можетъ быть и пріобрѣтетъ симпатію означенныхъ государствъ, въ ущербъ общимъ дѣламъ Союза, но отчуждаетъ отъ себя Пруссію. Императорскій посолъ утѣшился на этотъ счетъ увѣренностью, что, въ случаѣ опасной для Австріи войны, обѣ великія державы, не смотря ни на какія обстоятельства, все же очутятся союзниками между собою.

«*Въ этомъ предположеніи* заключается, по моему мнѣнію, *опасное заблужденіе*, которое можетъ быть роковымъ образомъ выяснится для обоихъ кабинетовъ только въ рѣшительную минуту, и поэтому я *настоятельно* просилъ графа Кароли стараться, по мѣрѣ силъ, *разсѣять* его въ Вѣнѣ. Я указывалъ на то, что уже въ послѣднюю итальянскую войну союзъ Пруссіи не принесъ Австріи той пользы, какую бы могъ принести, если бы обѣ эти державы въ предшествовавшіе восемь лѣтъ не боролись между собою по вопросамъ германской политики единственно къ выгодѣ третьей державы, и если бы онѣ не схоронили взаимнаго довѣрія. Тѣмъ не менѣе въ томъ обстоятельствѣ, что Пруссія не воспользовалась затрудненіями Австріи въ 1859 году для собственныхъ выгодъ, а, напротивъ, вооружилась на помощь Австріи, должно несомнѣнно признать дѣйствія *прежнихъ, болѣе близкихъ* отношеній. Если же послѣднія нынѣ вновь не возобновятся и не оживутъ, то *при подобныхъ обстоятельствахъ будетъ столь же возможенъ союзъ Пруссіи съ противникомъ Австріи*, какъ, въ противоположномъ случаѣ, вѣрное и прочное соединеніе обѣихъ германскихъ великихъ дер-

жавъ противъ общаго врага. *Я, по крайней мѣрѣ,* — чего я не скрылъ отъ графа Кароли — *при подобныхъ обстоятельствахъ никогда бы не могъ рѣшиться* совѣтовать моему всемилостивѣйшему государю *нейтралитетъ*; Австріи предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или продолжать нынѣшнюю анти-прусскую политику, опираясь на коалицію среднихъ государствъ, или же искать честнаго союза съ Пруссіей. Послѣднее составляетъ мое самое искреннее желаніе; но союза этого можно достигнуть только тогда, если Австрія откажется отъ враждебной намъ дѣятельности при германскихъ дворахъ.

«Графъ Кароли возразилъ мнѣ, что императорскій домъ не можетъ отказаться отъ своего традиціоннаго вліянія на германскія правительства. Я оспаривалъ существованіе такой традиціи, указывая на то, что *Ганноверъ* и *Гессенъ* въ продолженіе ста лѣтъ, съ начала семилѣтней войны, подчинялись преимущественно прусскому вліянію и что въ эпоху князя Меттерниха названнымъ государствамъ убѣдительно внушали изъ Вѣны держаться, въ интересахъ согласія между Пруссіей и Австріей, этого направленія; что, слѣдовательно, мнимая традиція австрійскаго императорскаго дома *начинается съ князя Шварценберга*, и система, къ которой она принадлежитъ, до сихъ поръ нисколько не способствовала упроченію Германскаго Союза. Я замѣтилъ ему, что, по прибытіи во Франкфуртъ въ 1851 году, я, послѣ подробныхъ переговоровъ съ жившимъ въ то время въ Іоганнисбергѣ княземъ Меттернихомъ, возъимѣлъ надежду, что Австрія сама признаетъ задачей мудрой политики доставить намъ въ Германскомъ Союзѣ такое положеніе, при кото-

ромъ Пруссіи стоило бы труда употребить всю свою силу для общегерманскихъ цѣлей. Вмѣсто того Австрія стремилась сдѣлать для насъ противнымъ и тягостнымъ наше положеніе въ Германскомъ Союзѣ и указать намъ, что мы должны искать союзовъ другихъ государствъ. Повидимому, весь образъ дѣйствій вѣнскаго кабинета основывается на томъ предположеніи, что мы болѣе всякаго другаго государства подвержены *нападеніямъ иноземцевъ,* противъ которыхъ мы нуждаемся въ *чужой помощи,* и что поэтому мы вынуждены сносить самое безцеремонное обращеніе со стороны государствъ, отъ которыхъ можемъ ожидать такой помощи. Вслѣдствіе сего задачей прусскаго правительства, дорожащаго интересами королевскаго дома и собственной страны, будетъ доказать *на дѣлѣ ошибочность* такого предположенія, если на его слова и желанія не будутъ обращать никакого вниманія.

«Наше недовольство положеніемъ дѣлъ въ Германскомъ Союзѣ усилилось въ послѣдніе мѣсяцы вслѣдствіе рѣшимости, съ которой наиболѣе связанныя съ Австріей германскія правительства *напали на Пруссію* по вопросу о делегатахъ. До 1848 года было дѣломъ неслыханнымъ, чтобы на обсужденіе Союза вносили сколько-нибудь важные вопросы, не убѣдившись предварительно въ согласіи обѣихъ великихъ державъ. Даже въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ встрѣчали сопротивленіе не столь могущественныхъ государствъ, какъ напримѣръ по дѣлу о южно-германскихъ союзныхъ крѣпостяхъ, предпочитали оставлять много лѣтъ неисполненными столь важныя и нетерпящія отлагательства цѣли, чѣмъ дѣйствовать противъ сопротивляющихся попыткой *маіоризированія.* Въ настоящее

время, напротивъ, на *протестъ Пруссіи* не только противъ предложенія, но и противъ *законности* его, смотрятъ какъ на *недостойный вниманія случай*, ради котораго не слѣдуетъ оставлять избраннаго разъ пути. Я просилъ графа Кароли довести до свѣдѣнія графа Рехберга съ возможной точностью, хотя и конфиденціальнымъ путемъ, о содержаніи вышеизложеннаго разговора, при чемъ выразилъ убѣжденіе, что излечить болѣзнь нашихъ взаимныхъ отношеній можно только *прямодушной откровенностью*.

«Второе совѣщаніе происходило 13-го декабря прошлаго года, нѣсколько дней спустя послѣ перваго, по поводу одной депеши королевскаго посланника при сеймѣ. Я обратилъ вниманіе графа Кароли на *важность положенія дѣлъ Союза* и не скрылъ отъ него, что дальнѣйщее слѣдованіе большинства по пути, признанному нами *противнымъ конституціи*, ставитъ насъ въ *невыносимое* положеніе, что мы, въ числѣ послѣдствій его, предвидимъ *расторженіе Союза*, что г. фонъ-Узедомъ не оставилъ на счетъ такого нашего мнѣнія никакихъ сомнѣній барону Кюбеку и барону фонъ-деръ-Пфордтену, но получилъ отъ нихъ отвѣты, изъ которыхъ можно было заключить, что они не имѣютъ никакого желанія къ соглашенію, такъ какъ баронъ фонъ-деръ-Пфордтенъ настаиваетъ, чтобы мы поспѣшили подать нашъ голосъ меньшинства.

«Я замѣтилъ на это, что при такихъ обстоятельствахъ чувство собственнаго достоинства не дозволяетъ намъ *уклоняться* долѣе отъ столкновенія, устроеннаго противной стороной, и что я поэтому уполномочилъ по телеграфу королевскаго посланника при сеймѣ подать свой голосъ меньшинства. Я поставилъ на видъ,

что мы смотримъ на *превышеніе компетентности посредствомъ рѣшеній большинства*, какъ на *нарушеніе союзныхъ трактатовъ* и *будемъ поступать сообразно съ этимъ*, такъ какъ королевскій посолъ при сеймѣ будетъ *отозванъ* и не замѣненъ никѣмъ другимъ. Я указалъ на *практическія* послѣдствія, которыя должны проистечь изъ такого положенія въ сравнительно *непродолжительномъ* времени, такъ какъ мы, весьма естественно, не можемъ долѣе признавать *силу рѣшеній собранія*, въ которомъ мы, по законнымъ причинамъ, болѣе не участвуемъ. . . . .

«Нѣсколько дней послѣ этого, я получилъ конфиденціальное сообщеніе, что императорско-австрійскій посолъ въ С.-Петербургѣ (графъ Тунъ) возвратится къ своему посту чрезъ Берлинъ и что онъ обсудитъ со мной спорный вопросъ. Когда онъ прибылъ сюда, я, пренебрегши вышеупомянутыми прискорбными опытами, принялъ самымъ предупредительнымъ образомъ сдѣланныя имъ мнѣ предложенія, имѣвшія цѣлью установить соглашенія между обѣими великими державами. Вслѣдствіе ихъ, я изъявилъ готовность согласиться на разные, условленные между нами, способы уладить франкфуртскія затрудненія. Затѣмъ графъ Тунъ предложилъ мнѣ устроить свиданіе между графомъ Рехбергомъ и мною, для дальнѣйшаго обсужденія вопроса. Я изъявилъ готовность на это, однако въ слѣдующіе дни получилъ черезъ графа Кароли конфиденціальное сообщеніе, согласно которому графъ Рехбергъ, прежде нашего свиданія, ожидалъ отъ меня согласія на проэкты преобразованія Союза, для котораго, по моему мнѣнію, потребны бы были продолжительные и болѣе подробные переговоры. Такъ какъ назначенный

для этого срокъ — до 22-го декабря — былъ слишкомъ коротокъ, то я счелъ нужнымъ согласиться на предложенное свиданіе только въ томъ случаѣ, если австрійскій министръ откажется отъ предварительныхъ, обязательныхъ условій. Такъ какъ графъ Рехбергъ объявилъ затѣмъ, что Австрія не можетъ отказаться отъ своего предложенія касательно собранія делегатовъ, не получивъ надлежащаго вознагражденія, то свиданіе до сихъ поръ не состоялось».

Точно такъ же, какъ здѣсь изложено, и при всѣхъ переговорахъ, Бисмаркъ постоянно заявлялъ, что Пруссія всегда старалась идти вмѣстѣ съ Австріей, но что Австрія уклонялась отъ этого; что она хотѣла и хочетъ въ германскихъ дѣлахъ идти напротивъ одна своимъ путемъ — путемъ Шварценберга, который долженъ былъ лишить Германію всякаго значенія и привести къ униженію и подавленію Пруссію; и что поэтому Пруссіи ничего болѣе не осталось, какъ преслѣдовать свои цѣли собственнымъ путемъ.

Лѣтомъ 1863 года Бисмаркъ сопровождалъ своего короля въ Карлсбадъ, а оттуда въ Гастейнъ, гдѣ Австрія выступила съ своими новыми проэктами реорганизаціи, въ которыхъ, кромѣ того, она старалась дать господство федеративному принципу для противодѣйствія унитарнымъ стремленіямъ Пруссіи. Король Вильгельмъ получилъ въ Гастейнѣ приглашеніе на съѣздъ государей во Франкфуртѣ, и императоръ Францъ-Іосифъ лично вручилъ ему подробную докладную записку объ этихъ проэктахъ реформъ, которыя, конечно, не могли нравиться Пруссіи.

Король Вильгельмъ, который съ своимъ первымъ министромъ отправился изъ Гастейна, черезъ Мюнхенъ

и Штутгартъ, въ Баденъ-Баденъ, отклонилъ отъ себя предложеніе прибыть на франкфуртскій съѣздъ государей, который и совершился со всевозможной торжественностью и пышностью, но, какъ извѣстно, не имѣлъ результата, хотя собравшіеся государи и одобрили основныя положенія австрійскаго проэкта. Такимъ образомъ этотъ конгрессъ государей, благодаря неучастію въ немъ Пруссіи, исчезъ безслѣдно.

Затѣмъ сдѣлалось ясно, что соперничество Пруссіи съ Австріей должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, прежде чѣмъ начнется пересозданіе Германіи. Австрія отвергла всѣ предложенія Пруссіи, клонившіяся, въ сущности, къ изгнанію Австріи изъ Германскаго Союза, или къ новой организаціи Союза подъ руководствомъ Пруссіи и Австріи, и отвѣтила на нихъ актомъ о реформахъ, въ силу котораго Пруссія утрачивала свою гегемонію въ Союзѣ. Австрія и соединенныя съ нею средне-германскія государства предложили Пруссіи на выборъ или безусловно покориться, потерять свою гегемонію, или же исключить себя изъ новаго Союза.

Пруссія исполнила этотъ актъ самоисключенія, но однако это не помогло Австріи, — вѣнскій актъ о реформахъ не осуществился.

Въ своемъ донесеніи королю 15 сентября 1863 года и въ королевскомъ отвѣтѣ участникамъ конгреса государей 22 числа того же мѣсяца, Бисмаркъ изложилъ рядъ «предварительныхъ условій», на которыхъ Пруссія соглашалась участвовать въ дальнѣйшихъ переговорахъ.

Онъ требовалъ: 1) veto для Пруссіи и Австріи, по крайней мѣрѣ, противъ всякой союзной войны, которая будетъ предприниматься не для того, чтобы отразить

нападеніе на союзныя владѣнія; 2) полной равноправности Пруссіи и Австріи касательно предсѣдательствованія и управленія дѣлами Союза; и 3) народнаго представительства, которое исходило бы не изъ делегацій, но изъ *прямыхъ выборовъ*, соразмѣрно съ населеніемъ отдѣльныхъ государствъ, и которому слѣдовало бы предоставить болѣе широкія полномочія, чѣмъ въ проэктѣ франкфуртскихъ реформъ.

Какъ понималъ Бисмаркъ конечныя, настоящія цѣли политики Австріи въ союзѣ съ средне-германскими государствами, онъ выразилъ это въ слѣдующемъ мѣстѣ доклада королю:

«Судя по всему странному способу дѣйствій, которому Австрія слѣдовала въ этомъ дѣлѣ, нельзя отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, что австрійскій кабинетъ имѣлъ настоящею цѣлью не участіе Пруссіи въ общемъ дѣлѣ, но осуществленіе *отдѣльнаго союза*, который предполагался еще въ сообщеніи отъ 3 августа, на тотъ случай, если Пруссія не пристанетъ къ предложеніямъ Австріи».

Въ лагерѣ Австріи и ея союзниковъ предчувствовали въ то время войну, можетъ быть даже и разсчитывали на нее, и дѣйствительно война явилась, но не война между Пруссіей и Австріей, а, къ несказанному удивленію міра, Пруссія и Австрія выступили рука объ руку, какъ союзники, въ войнѣ противъ Даніи.

Какимъ образомъ однако Бисмарку удалось повести Австрію на эту войну, какимъ образомъ онъ могъ побудить стариннаго соперника Пруссіи, въ противность всей его прежней политики, обнажить мечъ за ея интересы? Справедливо, конечно, мнѣніе, что энергиче-

ская инпціатива Бисмарка увлекла Австрію; но это еще не разъясняетъ дѣла. Вѣроятно также и увѣреніе австрійской дипломатіи, будто она была вынуждена дѣйствовать вмѣстѣ съ Пруссіей, чтобы наблюдать за послѣдней и обуздывать ее; но правъ былъ и житель Вѣны, восклицавшій: «этотъ Бисмаркъ ведетъ насъ куда захочетъ!» когда Австрія пошла вмѣстѣ съ Пруссіей въ Голштинію, Шлезвигъ и Ютландію—въ интересахъ своей соперницы и Германіи. Сильно способствовало этому политическому чуду, безспорно, пламенное желаніе Австріи стяжать императорской арміи новую военную славу послѣ несчастной кампаніи 1859 года, привѣсить свѣжій лавровый вѣнокъ къ старому черно-желтому знамени. Можетъ быть способствовало и то обстоятельство, что императоръ австрійскій питалъ всегда благоволеніе къ личности Бисмарка, что консервативная политика Бисмарка должна тѣмъ или инымъ образомъ благопріятно дѣйствовать и въ Австріи. Разсказываютъ, что императоръ Францъ-Іосифъ, когда однажды въ его присутствіи злословили Бисмарка, совершенно непринужденно воскликнулъ: «О, еслибы онъ былъ у меня на службѣ!»

Но если Бисмаркъ велъ Австрію, въ качествѣ союзницы Пруссіи, на сѣверъ и черезъ это отстранилъ вмѣшательство другихъ германскихъ государствъ, то этимъ онъ создавалъ себѣ весьма важныя затрудненія на будущее время. Онъ зналъ, что послѣ побѣды надъ Даніей, старинные раздоры съ Австріей снова должны возгорѣться и отъ его проницательности не могло ускользнуть, что война, побѣдоносно веденная въ сообществѣ съ Австріей, значительно

усилитъ симпатіи, которыми Австрія пользовалась въ арміи и въ консервативной Пруссіи. Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ войны глубокое нерасположеніе къ разрыву съ Австріей, противъ котораго Бисмарку приходилось бороться въ его собственномъ лагерѣ, стало обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе и дѣлало его положеніе болѣе и болѣе затруднительнымъ. Всѣ традиціи о славномъ союзничествѣ въ великіе дни войны за освобожденіе снова ожили, начиная отъ хижины и до дворца, и сильно дѣйствовали на умы, потому что должно признать безспорной истиной, что Австрія иногда бывала лучшимъ союзникомъ Пруссіи.

Однако по окончаніи датскаго похода начало пробуждаться сознаніе нѣмцевъ; они начали инстинктивно сознавать политику Бисмарка. Громъ пушекъ пробудилъ прусскій патріотизмъ и внушилъ довѣріе къ министру, политика котораго привела къ этой войнѣ.

Когда, въ апрѣлѣ 1864 года, послѣ побѣды надъ Даніей, король Вильгельмъ поѣхалъ самъ на сѣверъ къ своему войску, Бисмаркъ сопровождалъ его въ этой тріумфаторской поѣздкѣ и при этомъ случаѣ могъ лично убѣдиться, что онъ уже далеко не прежній ненавистный министръ-президентъ, но что эта побѣда значительно увеличила толпу его почитателей.

Лѣтомъ того же года онъ сопровождалъ своего короля въ Карлсбадъ, и въ это-то время ему пришлось подвергнуть новое товарищество Австріи тяжелому испытанію. Саксонскія и ганноверскія войска занимали, именемъ Германскаго Союза, голштинское герцогство. Бисмаркъ почелъ нужнымъ удалить саксонцевъ и ганноверцевъ изъ герцогствъ, которыя Пруссія и Австрія завоевали мечемъ и которыя, по вѣнскому миру, были

уступлены Даніей Пруссіи и Австріи. Но, съ удаленіемъ средне-германскихъ войскъ, положеніе вопроса рѣшительно упростилось и онъ сдѣлалъ новый шагъ къ своему разрѣшенію. Можно было предвидѣть, что на Австрію, при ея тайныхъ связяхъ съ средне-германскими государствами, эта мѣра произведетъ дурное впечатлѣніе, однако Бисмаркъ привелъ ее въ исполненіе и Австрія этому не воспротивилась, хотя печать ея сильно возставала противъ Бисмарка, въ чемъ послѣдній могъ убѣдиться уже во время своей поѣздки, которую онъ предпринялъ изъ Карлсбада черезъ Прагу въ Вѣну и затѣмъ въ Гастейнъ.

Изъ Гастейна Бисмаркъ возвратился въ свитѣ короля, по приглашенію императора австрійскаго, въ Вѣну, гдѣ онъ участвовалъ въ большихъ охотахъ обоихъ монарховъ въ Вильдпаркѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ оказалъ ему, при этомъ посѣщеніи, большое отличіе, пожаловавъ его высшимъ венгерскимъ орденомъ св. Стефана.

Изъ Вѣны онъ сопровождалъ короля въ Баденъ и затѣмъ отправился въ свой Рейнфельдъ, въ Померанію, но снова возвратился въ Баденъ, прежде чѣмъ отправиться въ Біарицъ, гдѣ онъ оставался до ноября, подъ предлогомъ, что принималъ морскія ванны; послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ онъ возвратился въ Берлинъ.

Здѣсь вступилъ онъ въ старую борьбу съ партіей прогрессистовъ, оппозиція которыхъ а министра противъ президента увеличивалась по мѣрѣ того, какъ росло его вліяніе и сила.

Послѣ столь «элегантно» веденной войны, которая

вмѣстѣ съ тѣмъ доставила случай испытать реорганизованную армію и игольчатыя ружья, которая снова пробудила въ Пруссіи патріотически-воинственный духъ, король пожаловалъ своему министру-президенту высшій знакъ отличія въ Пруссіи, орденъ Чернаго Орла. Въ числѣ лицъ, спѣшившихъ поздравить письменно Бисмарка съ этой королевской наградой, находился и его бывшій учитель, директоръ д-ръ Боннель. Однажды вечеромъ Бисмаркъ пріѣхалъ къ нему, чтобы лично поблагодарить его; беззаботно болтая, сидѣлъ онъ съ семействомъ Боннеля за чайнымъ столомъ, разсказывалъ много о Біаррицѣ, гдѣ ему очень понравилось, коснулся мимоходомъ множества получаемыхъ имъ писемъ, въ которыхъ ему грозятъ убійствомъ, но которыя онъ презираетъ, потому что еще никогда ни одна партія не извлекала пользы изъ политическаго убійства, и затѣмъ разсказалъ объ одномъ снѣ, который онъ видѣлъ въ Біаррицѣ. Ему грезилось, будто онъ взбирается на вершину горы по тропинкѣ, которая становилась все уже и уже, пока наконецъ не очутился передъ высокой стѣной и увидѣлъ подлѣ себя глубокую пропасть. Минуту раздумывалъ онъ, не вернуться ли ему назадъ, но затѣмъ рѣшился и ударилъ хлыстомъ по стѣнѣ; тотчасъ стѣна исчезла и путь сдѣлался свободнымъ.

Сонъ этотъ, какъ кажется, уже не одинъ разъ сбылся.

Наступилъ слѣдующій 1865 годъ; въ силу вѣнскаго мира 30 октября 1864 года герцогства Голштинія и Шлезвигъ были уступлены Пруссіи и Австріи. Но это было единственно дѣломъ столь же смѣлой, какъ и искусной политики Бисмарка, ибо такое пріобрѣтеніе

совершенно противорѣчило намѣреніямъ и волѣ Австріи.

Какъ скоро пришло время распорядиться этимъ пріобрѣтеніемъ, тотчасъ же обнаружилось, что Австрія намѣрена была дѣйствовать противъ политики Бисмарка, конечной цѣлью которой было организованіе Германскаго Союза подъ гегемоніей Пруссіи, со включеніемъ новаго шлезвигъ-голштинскаго государства. Австрія всячески противодѣйствовала этой цѣли, а также и средне-германскіе дворы не поддерживали политику Бисмарка, потому что въ случаѣ ея побѣды, имъ пришлось бы, конечно, пожертвовать частью своихъ правъ. Эти государи не могли рѣшиться возвратиться къ такому же положенію, которое они нѣкогда занимали, какъ германскіе князья; они хотѣли удержать за собою свою полудержавную власть, хотя въ случаѣ побѣды Австріи, они также сдѣлались бы ея вассалами. Какъ ни старался Бисмаркъ распространять и поддерживать свои идеи въ средѣ Союза и при германскихъ дворахъ, но онъ не имѣлъ успѣха; между тѣмъ дѣятельность Австріи въ завоеванныхъ герцогствахъ не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что вѣнская политика, поддерживаемая своими приверженцами въ Германіи, рѣшилась принудить Пруссію къ подчиненію, заставить ее отказаться отъ своей политики объединенія и гегемоніи и принять планъ австрійской федераціи. При этомъ Австрія разсчитывала и на внутреннюю борьбу въ Пруссіи, которую старалась раздуть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе предводители прогрессистской партіи видѣли, что масса народа все болѣе и болѣе склоняется на сторону Бисмарка.

При такомъ положеніи рѣшено было начать борьбу

съ Австріей. Но прежде чѣмъ началась борьба, послѣдовалъ весьма любопытный эпизодъ — гастейнскій трактатъ.

Бисмаркъ лѣтомъ 1865 года отправился съ королемъ въ Карлсбадъ, оттуда въ Гастейнъ и Зальцбургъ, затѣмъ въ Ишль къ императору австрійскому.

До сихъ поръ неизвѣстны въ точности подробности этихъ переговоровъ. Историкъ А. Шмидтъ (Preussens deutsche Politik, стр. 273) увѣряетъ, что еще 15 іюля Бисмаркъ выразилъ въ Карлсбадѣ передъ французскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ, герцогомъ Грамономъ, что онъ считаетъ войну между Пруссіей и Австріей неизбѣжной, — мало того—что она стала необходимостью; но Шмидтъ не подтверждаетъ этого извѣстія положительными данными, точно также какъ и другаго своего извѣстія, будто Бисмаркъ сказалъ 23 іюля первому министру короля баварскаго, барону фонъ-деръ-Пфордтену: «По моему твердому убѣжденію война между Пруссіей и Австріей *весьма вѣроятна и должна случиться въ скоромъ времени.* Дѣло идетъ о *дуэли* только между Австріей и Пруссіей. Остальная Германія можетъ совершенно спокойно оставаться *пассивнымъ* зрителемъ этой дуэли. Пруссія никогда не помышляла и теперь не помышляетъ о томъ, чтобы распространить свои владѣнія за линію Майна. Впрочемъ *рѣшеніе* не заставитъ себя долго ждать. *Одинъ ударъ, одно генеральное сраженіе — и Пруссія будетъ въ состояніи предписать условія.* Пруссія будетъ уважать *нейтралитетъ*, въ томъ числѣ и нейтралитетъ саксонской земли. Локализація войны, и именно вслѣдствіе нападенія изъ Силезіи, не только рѣшена, но и,

судя по мнѣнію самыхъ компетентныхъ военныхъ авторитетовъ, возможна. Среднія государства, провозгласивъ вооруженный нейтралитетъ, найдутъ новое средство обезпечить это локализированіе. Баваріи же въ особенности слѣдуетъ принять во вниманіе, что она—естественная наслѣдница положенія Австріи въ южной Германіи».

14 августа былъ заключенъ гастейнскій трактатъ, которымъ обладаніе Голштиніей и Шлезвигомъ было подѣлено между Пруссіей и Австріей. Этотъ трактатъ имѣлъ въ виду парализировать вліяніе Австріи на средне-германскія государства, что вѣроятно, и было его конечной цѣлью. Впрочемъ это только предположеніе, и дѣйствительное значеніе гастейнскаго договора еще не выяснено. Можетъ быть, при этомъ дѣйствовали и военныя соображенія; можетъ быть время года было уже поздно для того, чтобы начать войну, или наконецъ, препятствовала этому европейская политика, еще не были окончены переговоры съ Италіей, ожидалось грозное вмѣшательство съ какой-либо другой стороны? Можетъ быть нужно было принять въ разсчетъ сохранившіяся въ Пруссіи старинныя симпатіи къ Австріи, — симпатіи, которыя послѣдняя общая война значительно усилила? Можетъ быть король Вильгельмъ находился подъ вліяніемъ стариннаго традиціоннаго уваженія къ Австріи? Можетъ быть, также покупка герцогства Лауэнбургскаго была окольнымъ средствомъ, на которое надѣялись?

При этомъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что трактатъ этотъ былъ очень благопріятенъ для Пруссіи. Она, не смотря на совмѣстное господство, уже по своему географическому положенію оставалась

властелиномъ въ герцогствахъ, она всегда тамъ была сильнѣе Австріи.

Изъ Австріи Бисмаркъ поѣхалъ съ королемъ черезъ Мюнхенъ и Франкфуртъ на Рейнъ, пробылъ нѣсколько времени въ Баденъ-Баденѣ и Гомбургѣ, присутствовалъ при большихъ маневрахъ въ саксонской провинціи близъ Мерзебурга, затѣмъ отправился въ Лауэнбургское герцогство и затѣмъ снова уѣхалъ въ Біарицъ.

15 сентября 1865 года онъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

IX.

Борьба съ Австріей.

Еще ранѣе конца 1865 года Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Австрія уже отпала отъ гастейнскаго трактата и снова склонилась къ средне-германской политикѣ, руководителемъ которой явился саксонскій министръ, баронъ Бейстъ. Эта политика состояла въ томъ, чтобы продолжать старинную систему балансированія между Пруссіей и Австріей, такъ какъ Саксонія только при такой системѣ признавала возможнымъ существованіе средне-германскихъ государствъ; баронъ Бейстъ былъ довольно искуснымъ руководителемъ этой политики и, не склоняясь слишкомъ ни на сторону Австріи и ни на сторону Пруссіи, лишь старался сдерживать одну помощью другой. Эта политика, въ сущности, не была національной германской. Пруссія при этихъ обстоятельствахъ получила перевѣсъ не только дѣйствительный, потому что Бисмаркъ во всякомъ случаѣ стремился къ національной политикѣ, но и формальный, потому что она, гастейнскимъ трактатомъ удалила Австрію отъ средне-германскихъ государствъ. По принципамъ средне-германской политики

слѣдовало теперь Пруссію принизить, а Австрію поднять на высоту. Это-то и послужило завязкой борьбы 1865—1866 г., разыгравшейся между Пруссіей и Австріей.

Цѣль средне-германской политики ограничивалась тѣмъ, чтобы обуздать и стѣснить Пруссію, для чего и было предположено предоставить ей новое Аугустенбургское герцогство, къ сѣверу отъ Эльбы и тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшимъ присоединеніямъ Пруссіи. Но столь ничтожная подачка, конечно, нисколько не соотвѣтствовала грандіознымъ замысламъ національной политики Бисмарка.

Кромѣ того, средне-германская политика имѣла свою невыгодную сторону и для Австріи, потому что этой послѣдней приходилось дѣйствовать на почвѣ, которая колебалась подъ ея ногами. Вѣрная своей традиціонной политикѣ, Австрія старалась склонить на свою сторону обѣщаніями германскіе дворы, но обѣщаніямъ этимъ мало довѣряли и потому Австрія этимъ способомъ не могла ничего выиграть. Съ другой стороны— Пруссія, хотя ничего не обѣщала, а напротивъ требовала отъ германскихъ государей жертвъ, но политика ея сильно льстила національному чувству нѣмцевъ и имѣла почву въ народныхъ массахъ. Поэтому національная программа Бисмарка имѣла перевѣсъ.

Такимъ образомъ въ умахъ нѣмцевъ возникъ вопросъ, займетъ ли германскій народъ, подъ предводительствомъ Пруссіи, преобладающее положеніе въ Европѣ, или же соединится въ федерацію подъ предсѣдательствомъ Австріи и будетъ подчиняться распоряженіямъ, исходящимъ изъ Вѣны.

Съ той и другой стороны начали вооружаться; не-

сомнѣнно, однако, что въ Вѣнѣ не сознавали силы Пруссіи и долгое время вооружались только потому, что думали этими вооруженіями испугать ее. Попытки къ миролюбивому рѣшенію дѣла, которыя дѣлалъ Бисмаркъ, конечно, только для виду, въ Вѣнѣ приняли за страхъ....

Для обсужденія разрыва Пруссіи съ союзнымъ сеймомъ слѣдуетъ здѣсь припомнить, какое положеніе занялъ онъ относительно Пруссіи. Графъ Бисмаркъ былъ посланъ въ 1851 году на союзный сеймъ во Франкфуртъ, какъ другъ Австріи. Пруссія предлагала тогда идти вмѣстѣ съ Австріей, но при обоюдномъ стремленіи къ преобладанію, конечно, предложеніе это не могло имѣть значенія. Необходимымъ условіемъ поставлено было уравненіе въ правахъ Пруссіи и Австріи, о чемъ и согласились въ Ольмюцѣ, признавъ, что ни Австрія, ни Пруссія не могутъ быть *второй* германской державой и не могутъ подчиняться господству рѣшеній большинства. Въ сущности, каждая изъ этихъ державъ стремилась къ гегемоніи надъ Германіей. Въ Австріи стремленіе это выражалось во всей политикѣ Шварценберга и его преемниковъ. Союзный сеймъ, склонившись на сторону Австріи, постоянно обнаруживалъ противъ Пруссіи новыя притязанія. Австрія обезпечила себѣ на сеймѣ большинство и надѣялась, сдѣлавъ изъ него, при помощи признанія авторитета большинства и устраненія оппозиціи меньшинства, орудіе своей политики, расширить компетентность и кругъ дѣйствій Союза, чтобы мало по малу вмѣстѣ съ правомъ оппозиціи устранить и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ, а слѣдовательно и Пруссіи. Австрійскіе министры прямо высказывали,

что въ Союзѣ только Австрія имѣетъ право вести иностранную политику; постановленія большинства въ Союзѣ должны были придать этой австрійской политикѣ видъ законности. Въ этомъ стремленіи Австрія нашла у средне-германскихъ государствъ готовность и предупредительность. Для честолюбія и дѣятельности ихъ министровъ сфера собственной страны и предоставленнаго ей круга дѣятельности казалась не довольно значительной и важной. Имъ лестно было заниматься вопросами европейской политики и вскорѣ они признали за естественное послѣдствіе основныхъ законовъ Союза, что члены его не имѣютъ права держаться своей собственной иностранной политики, а должны подчиниться политикѣ, предписанной большинствомъ.

Но Австрія съ своими союзниками имѣла въ виду не одно медіатизированіе иностранной политики Пруссіи, но вліяніе и на ея внутреннюю политику, посредствомъ права Союза.

Для среднихъ государствъ было пріятно видѣть себя уравненными въ правахъ съ Пруссіей. Они готовы были пожертвовать значительной долей своей самостоятельности, лишь бы эта жертва коснулась и Пруссіи, лишь бы подчинить ее Союзу. Чѣмъ болѣе были увѣрены въ большинствѣ голосовъ, тѣмъ открытѣе и смѣлѣе дѣйствовали среднія государства и всякое притязаніе Австріи относительно Пруссіи находило у нихъ усердную поддержку, особенно когда имѣлось въ виду поколебать значеніе и вліяніе Пруссіи въ Германіи. Они провозгласили, что «Сеймъ и Германія» — понятія тождественныя, что стремленія Пруссіи противоположны интересамъ Германіи. Нако-

нецъ въ секретной депешѣ 14 января 1855 года Австрія приглашала союзныя правительства вступить съ ней въ военный союзъ, хотя бы и наперекоръ постановленіямъ сейма, и предоставить свои войска въ распоряженіе императора австрійскаго, за что обѣщала имъ выгоды, т. е. территоріальныя увеличенія на счетъ тѣхъ членовъ Союза, которые не примкнутъ къ ней.

Съ этой-то политикой началъ Бисмаркъ свою упорную борьбу, разрѣшившуюся разгромомъ Австріи.

Годъ войны съ Австріей пруссаки и вообще германскіе уніописты называютъ «великимъ годомъ»; дѣйствительно побѣда Пруссіи надъ Австріей разрѣшила великій вопросъ объединенія Германіи и открыла ей новый путь въ исторіи. Вопросъ этотъ созрѣвалъ въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій и осложнялся множествомъ политическихъ обстоятельствъ, иногда случайныхъ, а иногда вытекающихъ непосредственно изъ свойствъ самого вопроса; Бисмарку суждено было сдѣлаться исполнителемъ историческаго стремленія германской націи къ объединенію, преодолѣть трудности своей миссіи и обезсмертить себя на этомъ поприщѣ.

Въ послѣдующей главѣ читатель найдетъ общій очеркъ германскихъ вопросовъ до послѣднихъ событій; здѣсь же мы ограничимся нѣкоторыми біографическими подробностями, относящимися къ 1866 году и болѣе или менѣе характеризующими личность главнаго дѣятеля германской политики—Бисмарка.

— Передъ австро-прусской войной ненависть къ Бисмарку и ожесточеніе противъ него достигли въ Гер-

маніи до высшей степени. Именно въ это время (7 мая 1866 года) совершено было сыномъ эмигранта Блинда покушеніе на его жизнь, которое нѣмецкій біографъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Графъ Бисмаркъ, выйдя въ первый разъ изъ дому послѣ болѣзни, возвращался съ доклада отъ короля, по средней аллеѣ Unter den Linden; почти противъ дома русскаго посольства, онъ услышалъ за собою два быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣла; какъ оказалось въ послѣдствіи, одна изъ пуль контузила его въ бокъ. Графъ Бисмаркъ быстро повернулся и увидалъ передъ собой молодаго человѣка, наводившаго на него въ третій разъ револьверъ, чтобы выстрѣлить. Бисмаркъ быстро подошелъ къ нему и схватилъ его за правый локоть и за горло, но прежде, чѣмъ Бисмаркъ успѣлъ подойти, Блиндъ выстрѣлилъ въ третій разъ; это былъ рикошетный выстрѣлъ въ правое плечо, который Бисмаркъ долго чувствовалъ; затѣмъ преступникъ съ быстротою молніи схватилъ револьверъ въ лѣвую руку и сдѣлалъ еще два выстрѣла въ министра-президента, въ упоръ. Одна пуля, вслѣдствіе быстраго поворота Бисмарка, пролетѣла мимо и обожгла только сюртукъ, но другая попала, и въ эту минуту графъ Бисмаркъ подумалъ, что онъ раненъ смертельно, потому что онъ чувствовалъ, что пуля ударилась прямо въ ребро, которое вѣроятно погнулось. Графъ Бисмаркъ быстро превозмогъ чувство слабости, овладѣвшее имъ на минуту вслѣдствіе потрясенія позвоночнаго столба, и передалъ преступника, котораго держалъ желѣзной рукой, офицерамъ и солдатамъ перваго батальона 2-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, шедшаго случайно по улицѣ, а самъ

направился къ своему дому въ Wilhelmstrasse, котораго и достигъ благополучно, прежде чѣмъ извѣстіе объ этомъ покушеніи успѣло туда проникнуть.

Во все это время, передъ войною, не было ничего удивительнаго въ томъ, что министръ-президентъ оставался у короля долѣе обыкновеннаго, что часто обѣдъ, назначенный къ 5 часамъ, откладывался на полчаса и долѣе. Поэтому въ тотъ день никто не былъ удивленъ изъ его домашнихъ и гостей тѣмъ, что Бисмаркъ прибылъ позже. Въ салонѣ графини собралось небольшое общество, ожидавшее хозяина; наконецъ онъ явился, никто не замѣтилъ въ немъ никакого безпокойства или возбужденія, только нѣкоторымъ показалось, какъ будто онъ поклонился гостямъ привѣтливѣе обыкновеннаго; сказавъ: «Ахъ, какое милое общество!» онъ направился въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ онъ остается нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ идти къ столу. Затѣмъ онъ возвратился къ гостямъ и шуточно укоризненнымъ тономъ сказалъ своей супругѣ, какъ онъ часто дѣлаетъ, когда приходитъ домой поздно: «Отчего же мы не обѣдаемъ?» Онъ подошелъ къ одной дамѣ, чтобы проводить ее къ столу, и тогда только, выходя изъ залы, приблизился къ своей женѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ: «Дитя мое! они въ меня стрѣляли, но ничего мнѣ не сдѣлали!»

Какъ ни деликатно и ни осторожно было передано это извѣстіе, однако весьма понятно, что всѣ были имъ поражены, всѣ стали тѣсниться и поздравлять Бисмарка съ счастливымъ исходомъ. Но онъ поспѣшилъ остановить эти изліянія чувства, отправился въ столовую и сѣлъ за свой супъ. Вообще въ этотъ день

обѣдъ безпрестанно прерывался; кромѣ самого Бисмарка никто не ѣлъ. Еще не пробило 6-ти часовъ, слѣдовательно не болѣе получаса послѣ покушенія, пріѣхалъ король, который самъ всталъ изъ за супа, чтобы тотчасъ же поздравить своего министра. Бисмаркъ вышелъ къ нему на встрѣчу на лѣстницу и оставался съ нимъ недолгое время. Едва уѣхалъ король, какъ одинъ за другимъ явились находящіеся въ Берлинѣ принцы королевскаго дома, которые присоединились къ остальному обществу, сидѣвшему за столомъ, и выпили за здоровье Бисмарка по стакану вина. Чѣмъ далѣе распространялось извѣстіе о покушеніи, общество все болѣе и болѣе увеличивалось. Генералы, министры, посланники, друзья и почитатели, даже политическіе противники тѣснились вокругъ перваго министра, столь счастливо отдѣлавшагося отъ покушенія.

Когда извѣстіе объ этомъ появилось въ вечернемъ прибавленіи къ газетамъ, массы народа тѣснились до поздняго вечера на Wilhelmsplatz и въ Wilhelmstrasse; музыкальные фереины исполнили серенаду передъ окнами графа Бисмарка, который тогда въ первый разъ говорилъ изъ оконъ своего дома къ публикѣ.

Передъ началомъ войны одинъ французскій журналистъ Вильборъ захотѣлъ отправиться съ прусской главной квартирой на поле дѣйствій, въ качествѣ корреспондента газеты «Siècle», и получилъ на это разрѣшеніе Бисмарка. Вильборъ имѣлъ продолжительный политическій разговоръ съ первымъ министромъ, характеризующій его воззрѣнія, и передаетъ его въ слѣдующемъ видѣ:

«По прибытіи моемъ въ Берлинъ,—говоритъ Виль-

боръ, мнѣ представляли Бисмарка человѣкомъ совершенно недоступнымъ, мнѣ говорили: «Не пробуйте его видѣть, вы только потеряете время. Онъ никого не принимаетъ и живетъ за тройнымъ замкомъ, только въ глубинѣ своего кабинета. Онъ покидаетъ его лишь для того, чтобы отправиться къ королю, и самые близкіе его совѣтники съ трудомъ проникаютъ къ нему». Не смотря на то, я попросилъ аудіенціи у перваго министра короля прусскаго. Бисмаркъ тотчасъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ приметъ меня вечеромъ.

Когда я вошелъ въ этотъ кабинетъ, гдѣ миръ Европы висѣлъ тогда на волоскѣ, но дверь котораго была заперта только задвижкой, я увидѣлъ предъ собою человѣка высокаго роста и съ сильно подвижными чертами лица; на его высокомъ, широкомъ лбу открылъ я, не безъ удивленія, очень много благосклонности, соединенной съ твердостью воли. Бисмаркъ блондинъ, темя его скудно покрыто волосами; онъ носитъ военные усы и въ рѣчи его замѣтно болѣе солдатской краткости, чѣмъ дипломатической осторожности. Но при всемъ этомъ онъ имѣетъ видъ знатнаго господина, придворнаго, вооруженнаго всей обворожительностью самой изысканной вѣжливости. Онъ подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку, подвелъ меня къ креслу и предложилъ сигару.

«Г. министръ, сказалъ я ему послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, подобно многимъ изъ моихъ соотечественниковъ, я ничего болѣе не желаю, какъ по возможности узнать истинные интересы нѣмецкой націи. Поэтому позвольте говорить съ вами съ полной откровенностью. Я охотно признаю, что въ настоящее время Пруссія, въ своей иностранной политикѣ, пре-

слѣдуетъ, повидимому, цѣли, которымъ чрезвычайно симпатизируетъ французскій народъ, именно: совершенное освобожденіе Италіи отъ Австріи, дарованіе Германіи конституціи, которая бы основывалась на правѣ всеобщей подачи голосовъ; но нѣтъ ли между вашей прусской и вашей германской политикой вопіющаго противорѣчія? Вы провозглашаете національный парламентъ, какъ единственный источникъ, изъ котораго Германія можетъ выдти возрожденной, какъ единственную верховную власть, способную осуществить ея новое назначеніе, и въ то же время вы поступаете со второй палатой въ Берлинѣ точно такъ же, какъ Людовикъ XIV, явившійся въ парижскій парламентъ съ бичемъ въ рукѣ. Мы, во Франціи, не допускаемъ, чтобы возможенъ былъ союзъ между абсолютизмомъ и демократіей, и, если позволите мнѣ сказать вамъ всю правду, въ Парижѣ вашъ планъ національнаго парламента не сочли дѣломъ серьезнымъ: въ немъ увидѣли только весьма тонко придуманную военную машину и вообще полагаютъ, что вы какъ нельзя болѣе способны разломать такое орудіе, послѣ того, какъ вы имъ воспользуетесь, или же какъ скоро оно сдѣлается для васъ неудобнымъ и безполезнымъ».

— «Очень хорошо, отвѣчалъ мнѣ Бисмаркъ, вы касаетесь прямо сущности дѣла. Я знаю, что я во Франціи пользуюсь такою же непопулярностью, какъ и въ Германіи. Вездѣ сваливаютъ на меня одного отвѣтственность въ положеніи дѣлъ, которое не я создалъ, но которое навязано мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ. Я служу для общественнаго мнѣнія козломъ отпущенія; впрочемъ я объ этомъ мало сокрушаюсь.

Я стремлюсь, съ совершенно спокойной совѣстью, къ цѣли, которую считаю полезной для своего отечества и для Германіи.

«Что касается средствъ, то я, за недостаткомъ другихъ, пользовался тѣми, которыя мнѣ представлялись. О внутреннихъ дѣлахъ Пруссіи можно многое сказать. Для того, чтобы судить о нихъ безпристрастно, нужно самымъ основательнымъ образомъ изучить и узнать особый характеръ людей этой страны. Между тѣмъ, какъ Франція и Италія образуютъ нынѣ каждая большое общественное тѣло, оживляемое единымъ духомъ и одинаковымъ чувствомъ, въ Германіи мы видимъ противное; здѣсь господствуетъ отдѣльная личность. Здѣсь каждый живетъ для себя, въ своемъ тѣсномъ углу, съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, при женѣ и дѣтяхъ, вѣчно исполненный недовѣрія къ правительству, также какъ и къ своему сосѣду, судя обо всемъ съ своей личной точки зрѣнія и никогда съ точки зрѣнія массы. Чувство индивидуальности и потребность противорѣчія развиты у нѣмца почти въ невѣроятной степени. Покажите ему отворенную дверь; вмѣсто того, чтобы пройти въ нее, онъ будетъ настоятельно желать, чтобы ему позволили пробить возлѣ нея отверстіе въ стѣнѣ. Поэтому, никогда въ Пруссіи правительство, какъ бы оно мудро ни дѣйствовало, не будетъ популярнымъ. Огромное большинство будетъ всегда противоположнаго мнѣнія. Только потому, что оно правительство и представляется индивидууму въ видѣ власти, оно осуждено встрѣчать вѣчное противодѣйствіе со стороны умѣренныхъ, оно осуждено, обезславлено и оплевано приверженцами крайнихъ мнѣній. Это

была общая участь всѣхъ формъ управленія, смѣнявшихъ одна другую со времени основанія династіи. Либеральные министры заслужили у нашихъ политиковъ столь же мало милости, какъ и реакціонные...»

«Между тѣмъ, какъ Бисмаркъ дѣлалъ обзоръ различныхъ правительствъ и формъ правленія съ начала монархіи, онъ старался доказать мнѣ живымъ, живописнымъ, полнымъ остроумія языкомъ, что Ауерсвальды и Мантейфели имѣли такую же участь, и что Фридрихъ Вильгельмъ III, прозванный справедливымъ, точно также какъ и Фридрихъ Вильгельмъ IV, не могъ придумать средствъ, какъ удовлетворить Пруссаковъ.

— «Они ликовали, прибавилъ онъ, при извѣстіи о побѣдахъ Фридриха Великаго, но, когда онъ умеръ, потирали себѣ руки отъ удовольствія, что освободились отъ «этого тирана». И не смотря на то, рядомъ съ этимъ противоборствомъ, господствуетъ глубокая привязанность къ королевскому дому. Никакой государь, никакой министръ, никакое правительство не могутъ снискать расположенія прусскаго индивидуализма, но всѣ пруссаки кричатъ отъ души: «да здравствуетъ король!» И они повинуются, когда король приказываетъ».

— «Но, г. министръ, нѣкоторые утверждаютъ, что недовольство можетъ привести къ возмущенію.

— «Правительство полагаетъ, что ему нечего опасаться возмущенія и дѣйствительно не опасается его. Наши революціонеры не такъ страшны. Ихъ враждебность истощается въ разныхъ насмѣшливыхъ кличкахъ, которыя они даютъ министру, но они почитаютъ короля. По мнѣнію ихъ, я одинъ во всемъ ви-

новатъ и на меня одного они и сердятся. Однако, если бы они были нѣсколько безпристрастнѣе, они можетъ быть признали бы, что я не дѣйствовалъ иначе потому, что не могъ. При нынѣшнемъ положеніи Пруссіи относительно Германіи и Австріи, намъ прежде всего нужна была армія. Въ Пруссіи это — единственная сила, которую можно дисциплинировать

«Пруссакъ, который бы далъ себѣ на баррикадѣ раздробить руку, продолжалъ Бисмаркъ, возвратился бы домой въ величайшемъ замѣшательствѣ и жена его сочла бы его за сумасшедшаго, но въ арміи онъ удивительный солдатъ и дерется какъ левъ, за честь своей страны. Этой необходимости великой военной силы, которой требовали обстоятельства, враждебная правительству партія не хотѣла признать, какъ она ни была очевидна. Я же не могъ медлить. По моимъ семейнымъ отношеніямъ, по моему воспитанію я прежде всего слуга моего короля, а король столь же твердо держался этой военной организаціи, какъ и своей короны, потому что и онъ считалъ ее въ своей душѣ и совѣсти необходимою. Относительно этого пункта никто бы не могъ склонить его къ уступкѣ или къ компромиссу. Въ его лѣтахъ человѣкъ упорно настаиваетъ на своей идеѣ, въ особенности, если онъ считаетъ ее хорошей. Впрочемъ, относительно арміи, я вполнѣ былъ съ нимъ согласенъ.

«Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, я жилъ простымъ помѣщикомъ, когда, по волѣ короля, отправился въ качествѣ прусскаго посланника, на франкфуртскій сеймъ. Я былъ воспитанъ въ благоговѣніи къ австрійской политикѣ, но лишь немного нужно было времени, чтобы мои юношескія иллюзіи касательно

Австріи разсѣялись, и я сдѣлался ея отъявленнымъ противникомъ.

«Униженіе моей родины, Германія, пожертвованная чуждымъ интересамъ, хитрая и вѣроломная политика, — все это не могло мнѣ понравиться. Я не зналъ, что будущее призоветъ меня къ настоящей роли; но съ тѣхъ поръ мной овладѣла мысль, къ осуществленію которой я нынѣ стремлюсь—освободить изъ подъ австрійскаго гнета Германію, или, по крайней мѣрѣ, ту часть Германіи, которая по своему духу, по своей религіи, нравамъ и интересамъ, связана съ судьбою Пруссіи — Сѣверную Германію. Въ планахъ, которыя я заранѣе себѣ составилъ, вовсе нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы ниспровергать троны, отнять у того его герцогство, у другаго его небольшія владѣнія. Да и король бы не согласился на это. Къ тому же тутъ замѣшаны семейныя отношенія, родство, безчисленное множество враждебныхъ вліяній, съ которыми мнѣ приходится ежечасно бороться.

«Но все это, точно такъ же, какъ и оппозиція, не могло мнѣ помѣшать положить тѣло и душу за идею:— организовать сѣверную Германію въ ея логическомъ и естественномъ видѣ, подъ эгидою Пруссіи. Чтобы достигнуть этой цѣли, я готовъ принять все — изгнаніе и даже эшафотъ!»

— «Смѣю спросить васъ, г. министръ, какимъ образомъ думаете вы примирить свободную миссію національнаго парламента съ строгимъ обхожденіемъ, которое принуждена была терпѣть берлинская палата? Но, прежде всего, какъ могли вы склонить короля, представителя божественнаго права, принять всеобщую по-

дачу голосовъ, которая составляетъ преимущественную принадлежность демократическаго принципа?»

Г. Бисмаркъ возразилъ мнѣ съ живостью:

«Это — побѣда, которой я добился послѣ четырехлѣтней борьбы! Когда король, четыре года тому назадъ, призвалъ меня, наше положеніе было одно изъ самыхъ трудныхъ. Его величество предложилъ мнѣ длинный списокъ либеральныхъ уступокъ, но ни одна изъ нихъ не касалась военнаго вопроса. Я сказалъ королю: я принимаю ихъ, и чѣмъ либеральнѣе можетъ выказаться правительство, тѣмъ лучше. Палата упорствуетъ съ одной стороны, а корона съ другой. Въ этомъ столкновеніи я послѣдовалъ за королемъ. Мое почтеніе къ нему, все мое прошлое, всѣ традиціи моей фамиліи вмѣняли мнѣ это въ обязанность. Но предполагать, что я, по природѣ или убѣжденіямъ, противникъ національнаго представительства, естественный врагъ парламентаризма, значило бы судить произвольно.

«Я не хотѣлъ отстать отъ короля въ его спорѣ съ берлинской палатой, когда эта берлинская палата противилась политикѣ, которая составляла для Пруссіи первостепенную необходимость. Но никто не имѣетъ права оскорблять меня, говоря, что я хочу мистифировать Германію своимъ планомъ парламента. Въ тотъ день, когда моя задача будетъ исполнена, мои обязанности относительно моего государя не будутъ болѣе соединяться съ обязанностями государственнаго человѣка, я поспѣшу удалиться, но не отрекусь отъ своего дѣла».

«Вотъ—заключаетъ Вильборъ, въ общихъ чертахъ политическія мнѣнія, которыя сообщилъ мнѣ г. Бисмаркъ. Его мысли, изложенныя въ другой формѣ, мо-

жетъ быть, сдѣлались бы болѣе или менѣе знаменательными, но я и старался передать ихъ какъ можно вѣрнѣе.»

Положеніе Бисмарка при самомъ началѣ войны съ Австріей было самое критическое: неудача могла погубить его окончательно; не только передъ народомъ, но и передъ королемъ онъ былъ бы единственнымъ виновникомъ неудачи. Хорошо видя это, онъ постоянно находился въ возбужденномъ состояніи; умственная дѣятельность его въ это время была самая напряженная. Хотя онъ не спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе вмѣшательство его и вліяніе на военныя предпріятія несомнѣнно. Такъ напримѣръ, по его мысли, прусскія войска двинуты были, въ одинъ изъ эпизодовъ войны, ранѣе сутками и это имѣло важныя послѣдствія для успѣха.

Не смотря на болѣзнь, продолжительное возбужденіе и крайне тревожное состояніе духа, Бисмаркъ съ самаго начала войны работалъ неутомимо, почти и день и ночь; дипломатическая переписка и военныя совѣщанія продолжались безпрерывно. При этомъ наружное спокойствіе и непоколебимая твердость не оставляли его ни на минуту. Только одинъ разъ измѣнили ему его физическія силы: онъ заснулъ на диванѣ, въ пріемной у короля, ожидая своей очереди доклада.

Но первыя же извѣстія о побѣдахъ совершенно оживили и ободрили Бисмарка, такъ что исчезло всякое утомленіе и всѣ слѣды болѣзни. Народныя оваціи, поздравленія и выраженія сочувствія къ нему убѣдили его, что прежняя непріязнь скоро исчезнетъ

совершенно. Однажды, когда народная толпа окружила его домъ и радостными криками выражала свое сочувствіе къ нему, онъ вышелъ на балконъ и произнесъ краткую рѣчь, окончившуюся возгласомъ въ честь короля и арміи.

Бисмаркъ, 30 іюня, отправился въ свитѣ короля на театръ войны, откуда онъ писалъ письма къ своей женѣ; нѣкоторыя изъ нихъ не лишены интереса и мы приведемъ отрывки изъ нихъ:

Сихровъ, 1 іюля 1866 г. Мы сегодня выѣхали изъ Рейхенберга; весь путь былъ опасенъ. Австрійцы могли вчера, если бы они прислали кавалерію изъ Лейтмерица, захватить короля и всѣхъ насъ. Мы встрѣчаемъ вездѣ плѣнныхъ; по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ ихъ уже болѣе 15,000 человѣкъ. Іичинъ взятъ вчера нами въ штыки. Подвозъ провіанта затруднителенъ; наши войска страдаютъ отъ усталости и голода. Въ странѣ до сихъ поръ не замѣтно большихъ слѣдовъ войны, кромѣ потравленныхъ пашень. Жители не страшатся солдатъ, стоятъ съ женами и дѣтьми въ праздничной одеждѣ у дверей своихъ домовъ и дивятся на насъ. Въ Траутенау жители убили 20 нашихъ безоружныхъ гобоистовъ, случайно отставшихъ отъ своихъ полковъ. Преступники находятся въ Глогау предъ военнымъ судомъ. Близъ Мюнхенгретца одинъ владѣлецъ пивоварни заманилъ 26 солдатъ въ погребъ, гдѣ хранился спиртъ, напоилъ ихъ и поджегъ. Винокурня принадлежала монастырю. Кромѣ этихъ подробностей, мы имѣемъ здѣсь менѣе извѣстій, чѣмъ въ Берлинѣ.

Іичинъ, 2 іюля 1866 г. Сейчасъ только что прибылъ сюда изъ Сихрова; на нашемъ пути сюда поле

битвы все еще было усѣяно трупами, лошадьми, оружіемъ. *Побѣды наши гораздо значительнѣе, чѣмъ мы думали;* какъ кажется, мы имѣемъ до сихъ поръ уже болѣе 15,000 плѣнныхъ, а убитыми и ранеными Австрія потеряла еще болѣе; какъ увѣряютъ, до 20,000 человѣкъ. Два ея корпуса совершенно разсѣяны, нѣкоторые полки уничтожены до послѣдняго человѣка. Я до сихъ поръ видѣлъ болѣе австрійскихъ плѣнныхъ, чѣмъ прусскихъ солдатъ. Присылай мнѣ съ курьеромъ постоянно сигаръ, по 1.000 штукъ каждый разъ, для лазаретовъ, если можно по 20 талеровъ за тысячу. Всѣ раненые просятъ меня объ этомъ. Затѣмъ подпишись, при помощи обществъ или на собственныя средства, на нѣсколько дюжинъ экземпляровъ «Крестовой газеты», для лазаретовъ, напримѣръ для Рейхембергскаго лазарета, мѣстонахожденія же другихъ постарайся узнать въ военномъ министерствѣ. Пришли мнѣ револьверъ грубаго калибра и сѣдельный пистолетъ. Кланяюсь тебѣ отъ души. Пришли мнѣ какой нибудь французскій романъ, для чтенія, но только не болѣе одного.

Гогенмаутъ, понедѣльникъ, 9 іюля 1866. Помнишь ли ты, мое сердце, какъ мы 19 лѣтъ тому назадъ проѣзжали здѣсь на пути изъ Праги въ Вѣну? Никакое зеркало не показывало будущности; также и тогда, когда я въ 1852 проѣзжалъ по этой желѣзной дорогѣ съ добрымъ Линаромъ. Дѣла наши идутъ хорошо; если мы не будемъ слишкомъ неумѣрены въ нашихъ притязаніяхъ и не будемъ думать, что завоевали вселенную, то мы добьемся и достойнаго мира. Но мы такъ же скоро приходимъ въ восторгъ, какъ и падаемъ духомъ, и мнѣ предстоитъ неблагодарная

задача вливать воды въ пѣнящееся вино и убѣждать, что мы не одни живемъ въ Европѣ, но еще съ тремя сосѣдями. Австрійцы стоятъ въ Моравіи и мы уже такъ смѣлы, что назначаемъ на завтрашній день нашу главную квартиру тамъ, гдѣ они еще стоятъ сегодня. Плѣнные все еще проходятъ мимо насъ, а пушекъ съ 3 числа по сегодня взято 180. Если они приведутъ сюда свою южную армію, то мы, съ божьей помощью, и ее разобьемъ; довѣріе всеобщее. Нашихъ солдатъ стоитъ расцѣловать, — каждый изъ нихъ такъ неустрашимъ, спокоенъ, послушенъ, скроменъ; съ пустыми желудками, въ мокрой одеждѣ, на мокрой постелѣ терпя безсонницу, съ отвалившимися подошвами, они ласковы со всѣми, не дозволяютъ себѣ никакихъ грабежей и опустошеній, платятъ что могутъ и ѣдятъ заплесневѣлый хлѣбъ. Вѣроятно у нашего простаго человѣка есть достаточно богобоязни, иначе всего этого не могло бы быть. Извѣстія о знакомыхъ трудно имѣть, мы разбросаны на далекихъ разстояніяхъ одни отъ другихъ, никто не знаетъ, кто гдѣ находится, и некого послать, людей много, но лошадей нѣтъ. Уже четыре дня какъ я отыскиваю Филиппа (племянникъ Бисмарка), который легко раненъ пикой въ голову, какъ писалъ мнѣ Г., но я не могъ открыть, гдѣ онъ лежитъ, а теперь мы уже подвинулись на 8 миль далѣе. Король, 3-го числа, подвергалъ себя большей опасности, и хорошо, что я былъ при немъ, потому что всѣ убѣжденія другихъ не помогали и никто бы не осмѣлился такъ говорить съ нимъ, какъ я въ послѣдній разъ, когда масса изъ 10 кирассиръ и 15 лошадей 6-го кирасирскаго полка плавали возлѣ насъ въ крови и гранаты са-

мымъ непріятнымъ образомъ носились вокругъ короля».

Бисмаркъ постоянно сопровождалъ короля на полѣ битвы. Однажды король, увлекшись битвой, устремился подъ непріятельскій огонь, но Бисмаркъ остановилъ его и сказалъ: «Какъ маіоръ я не имѣю права давать вашему величеству совѣты на полѣ битвы, но какъ министръ-президентъ я обязанъ просить ваше величество не идти на явную опасность?»

— Во время похода разъ случилось, что Бисмаркъ, пріѣхавъ ночью въ одинъ небольшой городъ, не могъ найти себѣ ночлега и завернувшись въ пледъ, помѣстился на улицѣ, на балконѣ одного дома.

— Когда война миновалась, побѣда была одержана, тогда слабость и болѣзнь напали на Бисмарка съ такою силою, какъ прежде не случалось; старинная болѣзнь — нервный ревматизмъ — проявился въ сильной степени; но Бисмаркъ сопротивлялся ему со всѣмъ своимъ мужествомъ.

4 августа Бисмаркъ, въ свитѣ короля, возвратился въ Берлинъ среди ликованій народа. Послѣ онъ вынужденъ былъ надолго оставить дѣла и поселиться въ своемъ Варцинѣ, чтобы возстановить свою нервную систему, для поддержанія которой, какъ увѣряютъ, онъ постоянно прибѣгаетъ къ коньяку и лафиту, который онъ давно уже называетъ «естественнымъ напиткомъ сѣверо-германца».

Австро-прусская война, окончившаяся торжествомъ Пруссіи, является поворотной точкой для германскихъ вопросовъ, даже болѣе — она дала такой сильный толчокъ этимъ вопросамъ, что они принимаютъ характеръ переворота для всей Европы. Между тѣмъ вопросы

эти имѣютъ свою болѣе или менѣе отдаленную исторію и чтобы уяснить внутреннее содержаніе и настоящее положеніе ихъ, необходимо сдѣлать краткій очеркъ послѣдовательнаго развитія этихъ вопросовъ, что мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующей главѣ.

Такъ какъ дѣятельность Бисмарка тѣсно связана съ позднѣйшими фазами германскихъ вопросовъ, то, естественно, очеркъ исторіи ихъ въ то же время есть и необходимое дополненіе біографическихъ свѣдѣній о личности перваго министра Пруссіи.

III.

ОЧЕРКЪ ГЕРМАНСКИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Германская конфедерація образовалась подъ давленіемъ коалиціи 1815 г.; поэтому она носила на себѣ характеръ божественнаго права, исключавшаго всякое право народовъ; отсюда абсолютизмъ и милитаризмъ, преобладавшіе въ федеральныхъ государствахъ Германіи. Весь государственный строй федеральной Германіи приспособленъ былъ къ тремъ цѣлямъ: къ политической реакціи въ Европѣ, охраненію феодальныхъ династій противъ революціонной Франціи и къ доставленію преобладанія Австріи въ Германіи.

Два трактата 1814 г. (шомонскій и парижскій) послужили первымъ основаніемъ федераціи, цѣль которой опредѣлялась «обеспеченіемъ и защитой независимости Германіи»; затѣмъ вѣнскій трактатъ 1815 г. утверждаетъ между государями и вольными городами Германіи конфедерацію, статутъ которой помѣщенъ въ заключительной статьѣ вѣнскаго трактата, какъ существенная часть общаго европейскаго права. Но на вѣнскомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, говорилось только о династіяхъ, о нѣмецкой же націи вовсе не упоми-

налось. Вся власть предоставлена была государямъ, которые должны были для обсужденія обыкновенныхъ дѣлъ составлять лишь сокращенные совѣты изъ семнадцати голосовъ, а для обсужденія органическихъ законовъ — изъ шестидесяти восьми голосовъ. Федеральная армія, имѣвшая своимъ назначеніемъ уничтоженіе революціоннаго духа, откуда бы онъ ни проникалъ, изъ Франціи, или изъ какой либо другой страны, состояла изъ десяти контингентовъ, которые были распредѣлены между членами конфедераціи впослѣдствіи — закономъ 1842 г., и которые федеральнымъ рѣшеніемъ 1861 г. были усилены еще однимъ контингентомъ. Численность войскъ, защищавшихъ нѣмецкихъ государей отъ собственныхъ ихъ подданныхъ и отъ Франціи, доходила до 562,735 человѣкъ, 1412 пушекъ и 250 осадныхъ орудій.

Вѣнскій конгрессъ не ограничился тѣмъ, что воздвигнулъ въ германской конфедераціи сильную монархическую и феодальную цитадель; князь Меттернихъ въ то же время на франкфуртскомъ сеймѣ устроилъ еще орудіе деспотизма, направленное противъ самой германской націи, — это совѣтъ, куда отъ имени государей являлись акредитованные агенты, но гдѣ націи не принимали никакого участія; учрежденіе это было только полицейской агентурой, имѣвшей обязанность воспрепятствовать вторженію и распространенію въ Германіи идей 1789 г. Съ 1815 по 1848 г. рѣшенія германскаго сейма были лишь рядомъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ противъ возрождавшейся свободы, долженствовавшихъ искоренить зародыши, которые французская революція посѣяла за Рейномъ.

Въ 1789 году нѣмцы не имѣли идеи объ отечествѣ,

или, лучше сказать, идея объ отечествѣ совмѣщалась у нихъ съ идеей о замкахъ ихъ государей; это было время самаго безнадежнаго рабства, въ которомъ единственной отрадой для нѣмцевъ было чтеніе ихъ поэтовъ и философовъ.

Французская революція принята была въ Германіи какъ предвѣстница освобожденія; но побѣды Наполеона I превратили симпатію нѣмцевъ къ Франціи въ непримиримую ненависть. Когда войны первой имперіи покрыли Германію развалинами и кровью, нѣмцы поняли, что вмѣсто ожидаемаго освобожденія императоръ французовъ принесъ съ собою новое рабство и позоръ чужеземнаго вторженія. Низвергнутымъ германскимъ государямъ стоило только воззвать къ національному чувству нѣмцевъ, чтобы заставить ихъ всѣхъ взяться за оружіе противъ неумолимаго угнетателя, явившагося изъ Франціи. Это было одной изъ первыхъ причинъ къ національному объединенію; первая французская имперія, попиравшая своей пятой нѣмцевъ, зажгла яростную ненависть, одушевлявшую нѣмцевъ отъ 1812 до 1815 г., и тѣмъ способствовала объединенію Германіи подъ прусской гегемоніей.

Въ 1809 г. князь Меттернихъ, для укрѣпленія абсолютизма, создаетъ каклсбадскій декретъ; но и подъ ударами этой реакціи либеральный духъ пробуждается съ новой силой; коалиція, восторжествовавъ надъ Бонапартомъ, не исполнила своихъ обѣшаній свободы, а франкфуртскій сеймъ дѣлается главнымъ агентомъ самой свирѣпой реакціи; когда въ 1818 г. германскіе либералы начинаютъ мечтать о конституціонномъ правленіи, сеймъ назначаетъ противъ нихъ розыскную коммисію, а въ 1820 г. онъ возвращаетъ государямъ дик-

таторскую власть; позднѣе, особенно въ тридцатыхъ годахъ, появляются стѣснительные законы противъ университетовъ, печати и народныхъ собраній; но либеральная идея росла и среди этихъ преслѣдованій.

То же самое чувство, которое прежде соединило нѣмцевъ противъ чужеземнаго деспотизма, соединило ихъ теперь противъ деспотизма внутренняго; въ 1848 году они дѣлаютъ на него нападеніе и низвергаютъ его. Революція уничтожаетъ сеймъ и его декреты. Избирательный парламентъ провозглашаетъ права народа, какъ основу частныхъ учрежденій каждаго государства; нація укрѣпляется такимъ образомъ въ своемъ демократическомъ единствѣ, а испуганные государи поспѣшили принести присягу самымъ либеральнымъ конституціямъ. Но когда въ 1850 г. Габсбурги, Гогенцоллерны и ихъ сателлиты восторжествовали надъ революціей, разогнали франкфуртскій національный парламентъ и возстановили германскій сеймъ согласно съ актомъ 9-го іюня 1815 г.,—дарованныя конституціонныя права были отняты и сеймъ издалъ два декрета, — первый объ уничтоженіи права народовъ въ смыслѣ основы государственныхъ учрежденій, а другой о томъ, чтобы конфедеративныя государства согласили свои конституціи съ федеральными принципами 1815—1820 года. Одинъ только герцогъ Кобургъ-Готскій остался вѣренъ присягѣ и сохранилъ конституцію въ своемъ герцогствѣ. Такимъ образомъ демократія была обманута въ 1850 г., подобно тому, какъ она была уже разъ обманута въ 1815 году.

Что касается германскихъ государей, то они были столько же согласны между собою въ борьбѣ съ демократіей, сколько соперничали между собою въ инте-

ресахъ династическихъ. Въ 1848 г. Пруссія пріобрѣла необыкновенную популярность во всей Германіи, жаждавшей свободы и реформъ; нѣсколько словъ, вырвавшихся у короля Фридриха-Вильгельма IV въ пользу общаго нѣмецкаго отечества и народовъ, привлекло къ нему всѣ сердца; но у короля вмѣстѣ съ этими чувствами также горѣла страсть и къ абсолютизму. Въ 1849 г., когда избирательный парламентъ предложилъ королю корону германской имперіи, онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что признаетъ за однимъ лишь Богомъ право раздавать короны. Этотъ отказъ послужилъ исходной точкой того, что Пруссія должна была подписать постыдную для нея ольмюцкую конвенцію, въ силу которой первенство осталось за Австріей, въ то время, какъ германская нація подавлена была реакціей лиги государей, и въ особенности Австріи.

Король Вильгельмъ еще въ 1840 г. задумалъ произвести федеральныя реформы, а въ 1847 г., не смотря на сильное сопротивленіе феодаловъ, онъ предложилъ на франкфуртскомъ сеймѣ проэктъ объ оборонительномъ союзѣ, о собраніи государственныхъ сословій и федеральномъ судѣ. Князь Меттернихъ, думая, что вліяніе Австріи въ Германіи уже достаточно сильно, хотѣлъ уничтожить эту первую попытку къ реформѣ, которая хотя давала лишь весьма слабое участіе народамъ въ дѣлахъ федераціи, тѣмъ не менѣе могла возвысить популярность прусскаго короля, въ то время, какъ разразилась революція 1848 г. Съ своей стороны прусскій министръ фонъ-Радовицъ предпринялъ создать гегемонію Пруссіи, т. е. лигу нѣсколькихъ конфедеративныхъ государствъ, безъ участія Австріи, съ тѣмъ, чтобы Пруссія пользовалась

политическимъ, военнымъ и дипломатическимъ первенствомъ. Такимъ образомъ, если Бисмаркъ первый нашелъ средство поставить Австрію за дверьми Германіи, то первыя соображенія такого смѣлаго предпріятія не принадлежатъ собственно ему. Правда, что мысль объ этомъ предпріятіи со временъ Фридриха II была честолюбивой цѣлью, непреодолимымъ желаніемъ, традиціонной страстью дома Гогенцолерновъ и что до минуты рѣшительныхъ дѣйствій она прошла чрезъ цѣлый рядъ разнообразныхъ видоизмѣненій, болѣе или менѣе открытыхъ, смотря по обстоятельствамъ. Государи, министры, политическіе люди, чиновники всѣхъ разрядовъ, офицеры всѣхъ чиновъ преслѣдовали эту цѣль съ непоколебимымъ постоянствомъ магнитной стрѣлки, которая всегда обращается къ сѣверу. А между тѣмъ, когда въ 1849 году Гогенцолернамъ представился удобный случай съ содѣйствіемъ самаго народа привести въ исполненіе мечту, такъ долго и такъ нѣжно лелѣянную, они не воспользовались имъ, не изъ уваженія къ трактатамъ и даже не изъ страха передъ могуществомъ Австріи, а просто изъ обожанія монархическаго абсолютизма, изъ фетишизма къ божественному праву. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, какъ представитель феодализма, считалъ нечестивымъ принять императорскую корону изъ рукъ революціи и мы увидимъ чѣмъ Пруссія за это поплатилась.

26-го мая 1849 г. въ тотъ самый день, когда король отказался отъ предложенной ему императорской короны, актъ Германскаго Союза былъ подписанъ Пруссіею и другими германскими государствами, кромѣ Баваріи и Виртемберга, оставшихся вѣрными Австріи. Но союзъ этотъ при самомъ своемъ рожденіи имѣлъ

уже зачатки смерти; цѣлью его было лишь охраненіе государей отъ ихъ собственныхъ народовъ, и Пруссія являлась орудіемъ этой цѣли. Такъ какъ союзъ этотъ во всякомъ случаѣ имѣлъ временное значеніе, то какъ скоро опасность миновалась, Австріи легко было разорвать его. Въ дѣйствительности это такъ и случилось. Отпаденіе отъ союза сдѣлалось почти всеобщимъ, когда Австрія съ своей стороны предложила федеральную реформу, новое управленіе дѣлами конфедераціи, состоящее изъ семи членовъ: Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Саксоніи, Виртемберга, Гессенъ-Касселя и Гессенъ-Дармштадта. Мелкіе государи и герцоги, мечтавшіе о нѣмецкой тріадѣ, т. е. о третьемъ союзѣ, который бы стоялъ на ряду съ Австріею и Пруссіею, отвернулись отъ предводителя прусскаго союза, который впослѣдствіи долженъ былъ сожалѣть о томъ, что отвергнулъ предложеніе нѣмецкаго народа и тѣмъ выразилъ ему свое пренебреженіе.

Сожалѣніе это еще болѣе возрасло, когда возникъ гессенскій вопросъ. Случай заставилъ австрійскія и прусскія войска дѣйствовать вмѣстѣ и въ одно время. Въ курфиршествѣ Гессенскомъ палата протестовала противъ отпаденія герцога отъ прусскаго союза. Прусская армія вступила въ герцогство, чтобы поддержать палату, а австрійская, чтобы защитить герцога. Война казалась неизбѣжной, но Пруссія уступила. Вся династическая Германія вмѣстѣ съ Габсбургами возстала противъ Гогенцолерновъ; на націю надѣяться они не могли, послѣ того, какъ сами готовы были направить на нее свои пушки. Въ Берлинѣ фонъ-Радовицъ былъ пожертвованъ феодальному нраву, восторжествовавшему вмѣстѣ съ Австріей, и преемникъ его Мантей-

фель подписалъ 27-го ноября 1850 г. ольмюцкую конвенцію. Федеральная реформа, прусская гегемонія, нравственное преобладаніе, все было покинуто Пруссіей, и соперница ея была готова уже захватить опять высшую власть на сеймѣ, возстановленномъ въ слѣдующемъ году посредствомъ министерскихъ совѣщаній въ Дрезденѣ, на основаніи заключительной статьи вѣнскаго трактата.

Предпочтя народному дѣлу пользу государей, принося въ жертву, на алтарь божественнаго права, демократическую Германію, Фридрихъ-Вильгельмъ IV устроилъ только дѣла Австріи.

Послѣ этихъ двухъ офиціальныхъ попытокъ федеральныхъ реформъ, прусской—въ 1847 и австрійской—въ 1849 г., бывшей въ сущности только дипломатической уловкой для уничтоженія прусскаго союза, послѣдовала еще третья, на министерскихъ конференціяхъ въ Дрезденѣ, собиравшихся 23-го декабря 1850 г. и 15-го мая 1851 г. для приведенія въ исполненіе ольмюцкой конвенціи и съ цѣлью федеральной реорганизаціи. Возвращаясь къ австрійскому проекту 1849 года, австрійскій министръ, князь Шварценбергъ предложилъ, отъ имени Австріи, замѣнить сокращенное собраніе германскаго сейма исполнительнымъ комитетомъ изъ семи членовъ и девяти голосовъ: двухъ для Австріи, двухъ для Пруссіи, четырехъ для королевствъ Баварскаго, Виртембергскаго, Саксонскаго и Ганноверскаго и одного для Гессенъ-Касселя и Гессенъ-Дармштадта вмѣстѣ. Баварія, Виртембергъ, Саксонія и оба Гессена, подавая всегда голоса за Австрію, дали ей возможность утвердить за собой, вмѣстѣ съ первенствомъ въ исполнительномъ комитетѣ, и высшее управ-

леніе дѣлами конфедераціи. Сверхъ того вѣнскій кабинетъ предложилъ присоединить къ конфедераціи всѣ остальныя не-нѣмецкія провинціи Австріи. Эта попытка не удалась, какъ и обѣ первыя, и опять возвратились къ прежнему управленію 1815 г., которое и было возстановлено вполнѣ.

Четвертый проэктъ реформы, принадлежавшій германской тріадѣ, представленъ былъ конфедеративнымъ государствамъ 13-го октября 1861 г. г. Бейстомъ, бывшимъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ Саксоніи. Въ этомъ проектѣ, въ первый разъ народному элементу предоставлялась доля, достойная быть упомянутой. Рядомъ съ германскимъ сеймомъ саксонскій министръ хотѣлъ устроить собраніе депутатовъ германскихъ палатъ. Оно должно было состоять изъ 128 членовъ: 30 для Австріи, 30 для Пруссіи, 10 для Баваріи, 6 для Виртемберга, 6 для Саксоніи, 6 для Ганновера, 5 для Бадена, по 4 для каждаго Гессена и по 2 на каждое изъ слѣдующихъ герцогствъ: Голштинскаго, Люксембургскаго, Брауншвейгскаго, Мекленбургъ-Шверинскаго, Мекленбургъ-Стрелицкаго, Нассаускаго, Саксенъ-Веймарскаго, Ольденбургскаго и наконецъ по 1 на всѣ другія государства конфедераціи. Г. Бейстъ, не опредѣляя точнымъ образомъ обязанностей собранія депутатовъ, подчинялъ его совершенно сейму, т. е. собранію государей, которые имѣли право созывать его по собственному произволу. Собраніе же это должно было быть поперемѣнно въ одномъ изъ городовъ сѣвера и юга — въ Ратисбоннѣ и въ Гамбургѣ. Въ промежуткахъ между этими собраніями должна была дѣйствовать исполнительная, федеративная власть. Она должна была находиться въ рукахъ австрійскаго

императора, прусскаго короля и еще третьяго государя, который будетъ уполномоченъ остальными государями конфедераціи.

Но ни вѣнскій, ни берлинскій кабинеты не приняли саксонскихъ предложеній. Ни тотъ, ни другой не хотѣли пріобрѣсти себѣ новаго соискателя въ первенствѣ, который бы оспаривалъ его у нихъ, дѣйствуя при томъ не безъ успѣха; отъ имени всѣхъ второстепенныхъ и мелкихъ государствъ онъ былъ бы энергически поддерживаемъ сеймомъ, на которомъ государи этихъ мелкихъ владѣній, образовавшихъ лигу противъ Австріи и Пруссіи, составляли большинство.

Отвергнувъ этотъ послѣдній проектъ, Пруссія опять взялась за свою любимую мечту—уничтожить австрійское вліяніе посредствомъ особаго, частнаго союза изъ нѣсколькихъ германскихъ государствъ.

Этимъ возобновляется прерванный поединокъ между Габсбургами и Гогенцолернами. Австрія, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Гессенъ и Нассау протестуютъ тождественной нотой противъ этой новой претензіи прусской гегемоніи, и 14-го августа 1862 г. Австрія и ея союзники предложили сейму пятый проектъ реформы, имѣвшій предметомъ собраніе депутатовъ, представительное собраніе, а также и учрежденіе федеральнаго суда. Но проектъ этотъ былъ отвергнутъ девятью голосами противъ 7, на сеймѣ 22-го января 1863 года.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Францъ-Іосифъ пригласилъ въ августѣ 1863 г. всѣхъ конфедеративныхъ государей собраться во Франкфуртѣ на конгрессъ, гдѣ онъ объявилъ имъ слѣдующее: «я счелъ долгомъ открыто выразить свое убѣжденіе, что Германія спра

ведливо ожидаетъ выработки такой конституціи, которая соотвѣтствовала бы современнымъ требованіямъ.

Такимъ образомъ Германія *божественнаго права* признавала открыто потребность удовлетворить Германію *народнаго права*. Но и эта болѣе смѣлая попытка осталась безъ послѣдствій, какъ и обѣ предшествовавшія, по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что нація не была приглашена сама рѣшить свои вопросы; во вторыхъ потому, что самая реформа, предположенная безъ участія націи, вмѣсто того, чтобы привести въ исполненіе самыя законныя ея желанія, стремилась только къ цѣли унизить Пруссію и возвысить Австрію, предоставивъ ей первенство надъ всей конфедераціей.

Съ этой честолюбивой династической цѣлью предложено было учредить: во первыхъ, исполнительную директорію, которая состояла бы изъ пяти членовъ: императора австрійскаго, короля прусскаго, короля баварскаго и двухъ государей, дѣйствующихъ отъ имени всѣхъ прочихъ государей конфедераціи. Власть, принадлежавшая германскому сейму, должна была перейти къ этой исполнительной директоріи, въ главѣ которой становилась Австрія. Изъ пяти голосовъ, которымъ принадлежало право произносить верховныя рѣшенія, Австріи доставалось три голоса: свой собственный, баварскій и, конечно, одного изъ мелкихъ государей, которые должны были неизбѣжно, въ слѣдствіе обстоятельствъ, раздѣлиться между Австріей и Пруссіей; и во вторыхъ, федеральный совѣтъ, поставленный рядомъ съ исполнительной директоріей и состоящій изъ членовъ франкфуртскаго сейма, числомъ отъ 17 до 20 голосовъ. Федеральный совѣтъ имѣлъ право объявлять войну, ему предоставлялось федеральное законо-

дательство, бюджетъ конфедераціи и отчасти международные трактаты, но дѣйствительной власти въ управленіи ему не давалось; въ третьихъ, собраніе изъ 300 депутатовъ, избранныхъ палатами конфедеративныхъ государствъ изъ своей среды. Собраніе это должно было созываться чрезъ каждые три года; оно должно было вотировать бюджетъ на трехгодичный періодъ, исполнительная же директорія сохраняла за собою право на экстра-ординарный и безотлагательный кредитъ, что́ дѣлало невозможнымъ никакой контроль; наконецъ, сужденія собранія должны были касаться исключительно федеральнаго законодательства; и въ 4-хъ, съѣздъ государей послѣ каждой сессіи собранія депутатовъ.

Австрія приглашала на этотъ съѣздъ не только конфедеративныхъ государей и главныхъ начальниковъ вольныхъ городовъ, но и двухъ представителей государей медіатизированныхъ въ 1806 г., этихъ мучениковъ божественнаго права, которыхъ забыла Европа, хотя они протестовали противъ лишенія своихъ владѣльческихъ правъ. Въ Вѣнѣ не пренебрегли этими двумя замогильными голосами въ тѣхъ видахъ, что они могли иногда пригодиться.

Съѣзду государей дано было право veto на рѣшенія собранія депутатовъ, что́ отнимало всякое значеніе участія націи въ общественныхъ дѣлахъ и безъ того уже только косвеннаго. Наконецъ, Австрія стремилась покрыть щитомъ Германіи всѣ свои не-нѣмецкія владѣнія. Это присоединеніе не было открыто требуемо австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, но вѣнская дипломація пошла для достиженія своей цѣли косвеннымъ путемъ. Согласно 8-й статьи проэкта

о реформѣ, война могла быть объявляема отъ имени конфедераціи только въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при нападеніи на федеральныя границы, 2) если бы война угрожала не-федеральной территоріи одного изъ государствъ конфедераціи, и 3) если бы европейское равновѣсіе было поколеблено и при этомъ конфедерація была бы въ опасности. Такимъ образомъ австрійскій императоръ дѣлался главою новой священной римской имперіи и державнымъ рѣшителемъ судебъ Европы; такимъ образомъ возникалъ истинный священный союзъ австро-германскій, вооруженный противъ германскихъ народовъ и современнаго общественнаго духа.

Нѣмецкій народъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ этой безобразной махинаціи, подготовлявшей борьбу между австрійскимъ императоромъ и королемъ Пруссіи, въ которой народу предоставлялось лишь быть жандармомъ, чтобы усмирять итальянцевъ, венгерцевъ и славянъ; съ перваго же взгляда нѣмцы увидѣли, что Австрія хотѣла, при помощи исполнительной директоріи, сдѣлать изъ Германіи орудіе своихъ честолюбивыхъ видовъ въ Европѣ, что федеральный совѣтъ будетъ продолжать также ревностно свои полицейскія обязанности и относительно германскаго сейма, охраняя священный династическій принципъ; и если бы собраніе депутатовъ оказалось несговорчивымъ и придирчивымъ, то можно употребить въ дѣло съѣздъ государей, дабы заставить исполнительную директорію образумиться, или вовсе ее уничтожить, посредствомъ федеральной арміи, которую также можно прибрать къ рукамъ.

Въ это время является на сцену Бисмаркъ. Онъ ознаменовалъ свое вступленіе на политическое поприще блестящимъ пріемомъ, провозгласивъ вмѣсто предложеннаго Австріей конгресса государей національный парламентъ; до сихъ поръ германскій народъ былъ лишь безмолвнымъ свидѣтелемъ дипломатическихъ турнировъ, происходившихъ съ цѣлью устроить его судьбу, молча слушалъ своихъ ученыхъ и философовъ, говорившихъ ему о свободѣ и національномъ единствѣ, а теперь представитель Пруссіи говорилъ ему о національномъ представительствѣ.

Всѣ единодушно желали видѣть Германію свободною и демократически-устроенною, но для этого не доставало ни обдуманныхъ, готовыхъ плановъ, ни сцены дѣйствія, ни отважныхъ исполнителей. Во время реакціи 1850—1859 года симпатіи народа не склонялись ни на сторону Пруссіи, ни на сторону Австріи, и въ той и въ другой видѣли враговъ; но въ іюлѣ 1859 г., когда Австрія получила сильную рану при Сольферино, нѣмецкіе патріоты, собравшіеся въ Эйзенахѣ, вспомнили, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой реакціонной комедіи, въ которой Германія утрачивала и свою свободу, и свое національное единство, была Австрія, — и тогда-то нѣмецкіе патріоты рѣшились соединить свою судьбу съ Пруссіей. «При настоящемъ положеніи Европы,—говорили эйзенахскіе унитаріи,—мы предвидимъ большую опасность для нѣмецкаго отечества. Необходимо замѣнить германскій сеймъ сильнымъ и постояннымъ центральнымъ управленіемъ и созвать нѣмецкое національное собраніе... Чтобы привести это въ исполненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ обезпечить нѣмецкіе интересы на время, покуда не

будетъ организовано центральное управленіе, возложить управленіе военными силами общаго отечества и иностранной политикой на Пруссію. Каждый нѣмецъ долженъ въ этомъ поддерживать ее».

«Войдемъ въ союзъ съ Пруссіей,—продолжали нѣмецкіе унитаріи, — чтобы достигнуть національнаго и политическаго единства, а потомъ, когда цѣль будетъ достигнута, когда сдѣлаемся народомъ единымъ и свободнымъ, надо будетъ, чтобы Пруссія исчезла въ Германіи». Здѣсь нельзя не замѣтить, что цѣль германскихъ патріотовъ еще далеко не достигнута; Пруссія, поддержанная ими, сдѣлалась могущественной и сильной, но желаемаго патріотами устройства Германіи еще не послѣдовало, и будетъ ли соотвѣтствовать собственно-нѣмецкая политика Бисмарка идеалу германскаго народа, — можетъ показать лишь будущее, когда съ окончаніемъ настоящей борьбы съ Франціей начнется перестройка Германіи. Если двѣ войны, которыя вела Пруссія съ Даніей и Австріей, и если настоящая война, кровопролитнѣйшая изъ войнъ новѣйшей исторіи, увѣнчаются національнымъ единствомъ Германіи, основаннымъ на демократическихъ началахъ,—то жертвы будутъ стоить результата; если же всей пролитою въ этихъ войнахъ кровью будетъ куплено одно лишь возвышеніе Пруссіи и униженіе Германіи, то слава Бисмарка не будетъ прочной.

Но если патріотамъ-унитаріямъ уже необходимо было, для достиженія своей цѣли, отдѣлить одну изъ великихъ державъ отъ феодальной лиги 1815 года, то во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе было отдѣлить Австрію, которая всегда являлась во главѣ реакцій, которая уже отжила свой вѣкъ какъ германская держава

и погрязла въ рутинѣ абсолютизма и ультрамонтантства, представляя собою цѣлый грузъ страстей и стремленій совершенно чуждыхъ Германіи.

Однако симпатія германскихъ патріотовъ къ Пруссіи нѣсколько ослабѣла послѣ вѣнскаго трактата 30-го октября 1864 г. и гастейнской конвенціи 14-го августа 1865 г., въ которыхъ выражалось единственно право побѣды Пруссіи; наконецъ, покупка Пруссіей Лауэнбурга за звонкую монету, споръ съ парламентомъ и безбюджетное управленіе заставили унитаріевъ сильно призадуматься о будущей судьбѣ Германіи. Затѣмъ начинается противодѣйствіе и осужденіе политики Бисмарка, приведшей къ разрыву съ Австріей. Депутаты нѣмецкихъ палатъ, на конгрессѣ во Франкфуртѣ, 20-го мая 1866 г. сильно возстали противъ войны. «Мы осуждаемъ войну, говорили они, потому что война эта служитъ лишь династическимъ цѣлямъ и недостойна цивилизованной націи; государи и ихъ министры виноваты въ этой противозаконной и противоестественной войнѣ, которая, преслѣдуя частныя цѣли, является преступленіемъ противъ націи». Въ Берлинѣ король Вильгельмъ былъ осаждаемъ петиціями о сохраненіи мира; семейныя вліянія, которыя Бисмаркъ называлъ «кумовствомъ», также сильно дѣйствовали на короля Вильгельма, внушая ему опасеніе народнаго возмущенія, если война будетъ неудачна. Однимъ словомъ въ Берлинѣ царствовалъ паническій страхъ, многіе уже ожидали, что Бенедекъ непремѣнно вторгнется въ прусскую столицу съ своими кроатами; король и дворъ колебались, но не колебался, среди этого страха и воплей, одинъ Бисмаркъ.

Вотъ его слова, сказанныя Вильбору, почти наканунѣ войны:

«Я уничтожилъ сопротивленіе берлинской палаты, потому что намъ нужно было войско, а палата не хотѣла понять этого. Я знаю, что меня ненавидятъ въ Пруссіи, въ Германіи, во Франціи, однимъ словомъ вездѣ; но счастіе перемѣнчиво и мнѣніе людей также. Что же касается до меня, то я твердо вѣрю въ будущее; я подвергаю себя опасности, я это знаю, но все же пойду до конца, хотя бы пришлось умереть на эшафотѣ».

Борьба Бисмарка съ Австріей на почвѣ федеральной реформы начинается слѣдующими дипломатическими объясненіями, очевидно, имѣвшими цѣлью вызвать къ себѣ симпатію народа: въ одномъ циркулярѣ къ своимъ дипломатическимъ агентамъ, отъ 24-го марта 1866 года, берлинскій кабинетъ, сообщая о вооруженіяхъ Австріи, становится опредѣлительно на почву нѣмецкой національности: «Географическое положеніе Пруссіи, ея нѣмецкій характеръ и нѣмецкія чувства ея государей заставляютъ ее прежде всего искать въ самой Германіи гарантіи безопасности, которой австрійскій союзъ не даетъ. Опираясь на нѣмецкую національность и скрѣпляя узы, которыя соединяютъ насъ съ другими нѣмецкими государствами, мы только и можемъ надѣяться поддержать національную независимость, и этого-то мы всегда и будемъ прежде всего добиваться». Въ этихъ словахъ произнесенъ былъ прежде всего, отъ имени Пруссіи, приговоръ надъ германской конфедераціей 1815 г. Затѣмъ Бисмаркъ выражаетъ необходимость федеральной реформы, «которая имѣла бы существенное значеніе». Онъ утверж-

даетъ, что географическое положеніе дѣлаетъ тожественными интересы Пруссіи и Германіи, что судьба Пруссіи нераздѣльна съ судьбами Германіи и что если сила Пруссіи будетъ уничтожена, Германія будетъ принимать «только пассивное участіе въ политикѣ Европы». Слова эти относились къ государямъ конфедераціи, которымъ предложено было объявить себя *за* или *противъ* Пруссіи. Наконецъ, Пруссія обратилась и къ германской націи, устами своего депутата, въ засѣданіи сейма 9-го апрѣля, предлагая созваніе на одинъ годъ собранія депутатовъ, уполномоченныхъ національнымъ избирательствомъ, для обсужденія федеральной реформы.

Итакъ, Пруссія, строгая представительница божественнаго права, обратилась къ народу, предлагая ему, не только обсуждать судьбы Германіи, но и рѣшать ихъ!

Въ соображеніяхъ, поддерживавшихъ это предложеніе, Бисмаркъ представлялъ обширную перспективу: «Таможенный союзъ,—говорилъ онъ,—удовлетворилъ только одной потребности, но народъ имѣетъ еще довольно другихъ нуждъ, во имя которыхъ должно совершить предлагаемую реформу, не откладывая рѣшенія «великаго вопроса».

Идея о политическомъ единствѣ Германіи выражена была въ слѣдующихъ словахъ предложенія: «Только прямое избирательство (въ противоположность назначенію депутатовъ палатами) можетъ быть принято для собранія, имѣющаго своимъ призваніемъ опредѣлить спеціально интересы цѣлаго и принципъ единства».

По мѣрѣ того, какъ распря между Берлиномъ и Вѣною усиливалась и южныя и центральныя государства Германіи удалялись отъ Пруссіи, чтобы примк-

нуть къ Австріи, или, по крайней мѣрѣ, поддержать федеральную конституцію Германіи и противодѣйствовать намѣреніямъ Бисмарка, онъ старался болѣе и болѣе заинтересовать націю своими планами. На замѣчанія сейма, что необходимо, прежде чѣмъ рѣшено будетъ созваніе парламента, чтобы правительства конфедераціи условились сначала о внѣшней сторонѣ реформы, Бисмаркъ возразилъ циркуляромъ 27-го апрѣля, говоря, что вопросъ о единствѣ необходимо разсмотрѣть совмѣстно съ вопросомъ о національномъ представительствѣ и что раздѣленіе ихъ равнялось бы отказу вступить въ переговоры о федеральной реформѣ.

Затѣмъ Пруссія дѣлаетъ еще шагъ впередъ на пути національности; 24-го мая она объявляетъ во Франкфуртѣ, что предложила созваніе нѣмецкаго парламента въ видахъ обезпечить миръ и предупредить этимъ «возвратъ противоестественнаго положенія дѣлъ», когда нѣмцы готовы были вооружиться противъ нѣмцевъ. «Нѣмецкій народъ, сказано въ этой декларацій, не можетъ одобрить, чтобы частные интересы, раздѣляющіе его, находились въ рукахъ сварливаго кабинета; чтобы избавить націю отъ несчастій междоусобной войны — парламентъ представляетъ «лучшее и можетъ быть единственное средство». Въ это время Бисмаркъ дѣйствовалъ съ неимовѣрной поспѣшностью; вслѣдъ за декларацією онъ представилъ и проэктъ федеральной реформы, провозгласивъ въ немъ, между прочимъ, цѣлью: «организацію взаимной поддержки, образованіе военнаго флота съ общей цѣлью, пересмотръ военнаго федеральнаго устройства».

При этомъ Бисмаркъ, съ свойственнымъ ему знаніемъ человѣческаго сердца, пустилъ въ ходъ обык-

новенную свою тактику, которой онъ постоянно держится въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится склонять въ пользу своихъ плановъ государей; онъ обыкновенно пугаетъ ихъ революціей; и теперь онъ представилъ имъ, что если не исправить теперь же недостатковъ конфедераціи, то это повлечетъ за собою «полный революціонный переворотъ». Онъ доказывалъ, что революціонныя движенія получаютъ свою силу не вслѣдствіе «множества не уважительныхъ требованій, а вслѣдствіе того, что не удовлетворяются немногія требованія уважительныя». Если же сеймъ откажетъ въ удовлетвореніи «законныхъ нуждъ нѣмецкаго народа» — говорилъ Бисмаркъ нѣсколько угрожающимъ тономъ, то «мы расширимъ нашу сжатую программу». И дѣйствительно, когда австрійскій императоръ и его союзники не обратили особеннаго вниманія на предложеніе Бисмарка, онъ 10-го іюня бросилъ имъ перчатку прусской программой, весьма широкой. 1-я статья его проэкта гласитъ: «федеральная территорія состоитъ изъ государствъ, которыя до сихъ поръ принадлежали къ конфедераціи, за исключеніемъ территорій, принадлежащихъ австрійскому императору и королю нидерландскому». Слѣдовательно, этимъ проэктомъ Пруссія исключала изъ новой конфедераціи не только Лимбургъ, но и Люксембургъ и такимъ образомъ намекала, что готова отказаться отъ крѣпости Люксембурга, гдѣ ея гарнизонное право связывалось съ федеральнымъ характеромъ этого герцогства и крѣпости. Что же касается исключенія австрійскихъ территорій, то это было настоящимъ объявленіемъ войны не только Австріи и ея вѣрному союзнику—королевству Саксонскому, но также и всѣмъ конфедеративнымъ государ-

ствамъ, которыя сопротивлялись прусской реформѣ, опираясь на федеральный статутъ 1815 года. Такимъ образомъ Бисмаркъ, провозглашая германское единство, однимъ разомъ привлекъ на свою сторону и унитаріевъ 1859 года и революціонную партію 1848 года; вопросъ этотъ теперь былъ поставленъ какъ предметъ политическій, соціальный, коммерческій, и даже касался флота на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ. Но единство подъ высшимъ руководствомъ Пруссіи было однако обусловлено самимъ Бисмаркомъ тѣмъ, что сухопутныя силы конфедераціи должны быть раздѣлены на двѣ федеральныя арміи — сѣверную и южную и главнокомандующими ихъ должны быть: сѣверною — король прусскій, а южною — баварскій.

И здѣсь видна рѣдкая ловкость и умѣнье пользоваться слабыми струнами отдѣльныхъ лицъ, партій и народовъ. Раздваивая главное начальство надъ арміей, Бисмаркъ успокоивалъ этимъ Францію и всю Европу на счетъ военныхъ силъ Германіи и отдѣлялъ Баварію отъ австрійскаго союза, назначая ей положеніе равное Пруссіи — въ главѣ южной арміи.

Затѣмъ, по поводу предложенія Австріи сейму 11-го іюня, чтобы мобилизировать шесть корпусовъ федеральной арміи для противодѣйствія Пруссіи, Бисмаркъ объявилъ федеральный договоръ нарушеннымъ и провозгласилъ, что Пруссія будетъ дѣйствовать, не стѣсняясь имъ.

Обратившись къ германскимъ государствамъ, приглашая ихъ составить новый Германскій Союзъ, Пруссія въ то же время, 16-го іюня, издаетъ манифестъ къ народамъ, гдѣ говорится между прочимъ: «Въ продолженіе полвѣка сеймъ представляетъ не единство,

а разъединеніе Германіи, а во внѣшнихъ дѣлахъ ставитъ ее въ безсиліе. Но единство нѣмецкой націи, еще живое и понынѣ, составляетъ основу конфедераціи, поэтому правительства и народы обязаны найти новое и прочное выраженіе этого единства». Какъ исполнитъ Бисмаркъ эти обѣщанія, — покажетъ лишь будущее!

Между тѣмъ прусскія войска въ это время переходили границы Саксоніи, Ганновера и Гессена.

Но еще до войны 1866 года и прежде чѣмъ Бисмаркъ овладѣлъ политикой Пруссіи, она пыталась уже другимъ путемъ достигнуть первенства въ Германіи. Это была экономическая реформа посредствомъ торговаго трактата съ Франціей. Не лишнимъ будетъ здѣсь объяснить, что по конвенціи 1-го іюня 1861 года герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, бывшій въ то время коронованнымъ президентомъ національ-ферейна, присоединилъ войска своего герцогства къ прусской арміи, а прусскій посланникъ на франкфуртскомъ сеймѣ, въ засѣданіи 31-го октября, объяснилъ, что право и нужды нѣмецкой націи требуютъ общаго военнаго управленія войскомъ и флотомъ и единаго управленія общими внутренними интересами. Именно въ это время Пруссія задумала пріобрѣсти преобладаніе надъ всѣми государствами таможеннаго союза, которыя, будучи связаны матеріальными торговыми интересами, по ея мнѣнію, должны были дѣйствовать и въ политикѣ по командѣ изъ Берлина. Въ сентябрѣ 1860 года Пруссія получила уже согласіе всѣхъ государствъ таможеннаго союза вести переговоры отъ имени союза съ Франціей. Предполагавшійся трактатъ съ Франціей долженъ былъ послужить основаніемъ новому тамо-

женному союзу, въ составъ котораго входили всѣ государства конфедераціи, кромѣ Австріи, Мекленбурга, трехъ ганзейскихъ городовъ и княжества Лихтенштейнъ. Пруссія ожидала, что соединенные торговыми интересами члены союза признаютъ надъ собою главенство прусскаго короля въ военномъ и дипломатическомъ отношеніи. На этомъ поприщѣ Пруссія нанесла ударъ Австріи прежде, чѣмъ битва при Садовой рѣшила участь этой послѣдней державы.

Послѣ того, какъ въ 1819 г. Пруссія заключила множество торговыхъ и таможенныхъ трактатовъ съ государствами германской конфедераціи, она заключила еще въ 1833 году трактатъ съ Баваріей и Виртембергомъ и съ двумя герцогствами Гессенскими; въ предисловіи къ трактату сказано, «что общее желаніе договаривающихся сторонъ—способствовать свободѣ торговли и торговыхъ сношеній между ихъ государствами и вообще во всей Германіи». Трактатъ этотъ постановляетъ: 1) «общій союзъ, связанный единой системой торговли и таможень» для договаривающихся государствъ и для всѣхъ тѣхъ, которыя захотятъ примкнуть къ нему; 2) свободу торговли между союзными государствами и одни таможенные законы; 3) союзныя государства обязуются способствовать поощренію промышленности принятіемъ общаго принципа, чтобы подданные одного государства пользовались правомъ труда и промысла въ другомъ государствѣ. Такимъ образомъ, Пруссія еще назадъ тому тридцать пять лѣтъ посѣяла на плодоносной почвѣ экономическихъ интересовъ зерно національнаго единства и даже предвидѣла урожай, которымъ ей придется воспользоваться, потому что численность ея народонаселенія, воен-

ныя силы, положеніе великой европейской державы, всѣ эти элементы превосходства, должны были неизбѣжно связать съ ея судьбой судьбу всѣхъ членовъ таможеннаго союза.

Трактатами 30 марта, 10, 11, 25 и 30 мая, 8 и 26 іюня, 24 и 27 декабря 1833 года, 12 мая и 10 декабря 1835 года, 2 января 1836 года, мелкіе нѣмецкіе государи присоединились къ таможенному союзу, вступая такимъ образомъ въ связь съ Пруссіей. По новому трактату 8 мая 1841 года таможенный союзъ долженъ былъ существовать до 31 декабря 1853 года; участниками этого трактата были съ одной стороны Пруссія, Баварія, Виртембергъ, Саксонія, Баденъ и оба герцогства Гессенскія, а съ другой — тюрингенская ассоціація, т. е. Веймаръ, Мейнингенъ, Альтенбургъ, Кобургъ-Гота, Нассау, Шварцбургъ-Рудолфштадтъ, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, три Рейсса и Франкфуртъ на Майнѣ. Послѣ того подписали въ Берлинѣ трактаты о присоединеніи къ таможенному союзу: герцогства Липпе-Детмольдъ—18 октября, Брауншвейгъ—19 октября, Вальдекъ — 11 декабря 1841 г., Люксембургъ — 8 февраля 1842 г., Ганноверъ 7 сентября и Липпе-Шауенбургъ 25 декабря 1851 г. и наконецъ Ольденбургъ 1 марта 1852 года. Кромѣ того, подъ именемъ Steier-verein, существовалъ еще въ 1852 г. таможенный союзъ, состоявшій изъ Ганновера, Ольденбурга и нѣсколькихъ другихъ территорій. Steier-verein дѣлается посредствомъ трактата 4 апрѣля 1853 г. большимъ таможеннымъ союзомъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ германскія государства, кромѣ Австріи, Мекленбурга, княжества Лихтенштейнъ и трехъ ганзейскихъ городовъ — Гамбурга, Любека, и Бремена.

Таможенный союзъ за тѣмъ долженъ былъ существовать до 31 декабря 1865 г.

Въ теченіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ Австрія, управляемая придворными дипломатами и іезуитами, не сознавала, что эта ассоціація экономическихъ интересовъ была страшнымъ оружіемъ, которое выковали въ Берлинѣ, чтобы нанести ударъ ея вліянію въ Германіи; но когда наконецъ въ Вѣнѣ догадались объ этой опасности, увеличивавшейся кромѣ того отъ быстраго развитія торговли и промышленности, Австрія начала употреблять всевозможныя дипломатическія средства, чтобы втереться въ таможенный союзъ; Пруссія же съ своей стороны препятствовала этому; Австрія могла добиться только того, что́ предоставлялось трактатомъ 19 февраля 1853 года, которымъ сначала провозглашалось, что обѣ державы имѣютъ цѣлью проэктировать общій союзъ для всей Германіи; а потомъ согласно ст. 25 этого трактата, уполномоченные Пруссіи и Австріи должны были собраться въ 1860 году, чтобы обсудить проэктъ союза между Австріею и Пруссіею со включеніемъ въ него и тѣхъ государствъ, которыя могли въ то время примкнуть къ ихъ таможенной системѣ, или же,—если бы осуществленіе этого союза оказалось неудобнымъ, выработать болѣе широкія условія для развитія торговли, чѣмъ предоставляемыя самымъ трактатомъ 19 февраля 1853 года; трактатъ же этотъ, заключенный на 12 лѣтъ, также какъ и трактаты объ учрежденіи таможеннаго союза, оканчивались въ 1865 году.

Но прусскіе и австрійскіе уполномоченные не съѣхались въ 1860 году, чтобы проэктировать таможенный союзъ всей Германіи, а Пруссія въ этомъ году

начала переговоры о торговомъ трактатѣ съ Франціей отъ имени своего, также какъ и отъ имени государствъ таможеннаго союза, отъ которыхъ она потребовала и получила согласіе.

Австрія дѣлается вслѣдствіе этого болѣе и болѣе настойчивой; 15 сентября 1861 года она требуетъ съѣзда уполномоченныхъ, въ силу 25 статьи австро-прусскаго трактата; берлинскій кабинетъ даетъ уклончивые отвѣты и то только 7 апрѣля 1862 года, тогда какъ 27 марта этого года былъ уже подписанъ протоколъ о заключеніи трактата Пруссіей и таможеннымъ союзомъ съ Франціей. Изъ Вѣны протестуютъ 8 мая, а Пруссія ограничивается возраженіемъ (5 іюля), что для той и другой стороны исчерпаны всѣ доводы относительно означеннаго проэкта; 10 іюля, хотя было уже поздно, Австрія принимаетъ рѣшительныя мѣры, адресуя ко всѣмъ германскимъ государствамъ проэктъ новаго таможеннаго союза между Австріей и государствами дѣйствовавшаго союза; Пруссія отвѣчаетъ на это тѣмъ, что подписываетъ 2 августа торговый трактатъ съ Франціей; хотя она покуда сдѣлала это только отъ своего имени, но была увѣрена, что государства таможеннаго союза присоединятся къ трактату, потому что она угрожала имъ конкуренціей, которой они, при новыхъ тарифахъ прусско-французскаго трактата, не могли противостоять. Наконецъ 16 мая 1865 года таможенный союзъ возобновляетъ свой статутъ до 31 декабря 1877 г., и на этотъ разъ, какъ и всегда, Австрія устранена была изъ союза Пруссіей. Такимъ образомъ, торговый трактатъ 2 августа былъ первымъ ударомъ, нанесеннымъ Австріи и исключившимъ ее изъ

Германіи въ экономическомъ и таможенномъ отношеніи.

Въ 1866 году, въ Европѣ прежде драмы разыгралась комедія; она разыгрывалась въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Флоренціи, Парижѣ и въ особенности во Франкфуртѣ—этомъ центрѣ германской конфедераціи. Комедія эта имѣла прологъ, гдѣ кровопролитіе смѣшивалась съ дипломатическимъ фокусомъ, которымъ былъ вопросъ объ эльбскихъ герцогствахъ. Обыкновенный дипломатическій макіавелизмъ и право побѣдителя были главнымъ содержаніемъ этого пролога.

Герцогство Шлезвигъ никогда не входило въ составъ старой германской имперіи; въ весьма отдаленную эпоху маркграфство Шлезвигъ, т. е. страна, лежащая между Эйдеромъ, Треномъ и Шлейемъ, принадлежала этой имперіи; но уже въ 1026 году, въ царствованіе Конрада III, оно было отдѣлено отъ имперіи и было присоединено къ остальной части герцогства Шлезвигъ. Съ другой стороны исторія подтверждаетъ, что Шлезвигъ и другія владѣнія присоединены были къ Даніи; въ началѣ XII вѣка герцогство Шлезвигъ является какъ наслѣдственное владѣніе датскаго королевскаго дома, которымъ владѣли младшіе королевскіе принцы. Въ 1326 году конституція датской монархіи опредѣляетъ, что герцогство Шлезвигъ не должно входить въ составъ датскаго королевства; но это было въ самую цвѣтущую эпоху феодализма, когда нѣмецкое дворянство было особенно многочисленно въ герцогствѣ; въ 1375 году, когда фамилія владѣтельныхъ герцоговъ Шлезвига пресѣклась, графы Голштейнъ захватываютъ ихъ владѣніе

и датская королева Миргарита даетъ имъ инвеституру на герцогство; въ 1460 году, сословія герцогства выбираютъ себѣ герцогомъ Христіана I, короля датскаго, шведскаго и норвержскаго, племянника по матери послѣдняго шлезвигъ-голштинскаго герцога Адольфа VIII, умершаго безнаслѣднымъ въ 1454 году; чтобы исполнить условія, при которыхъ Христіанъ I былъ избранъ герцогомъ, онъ далъ герцогству патентъ, которымъ призналъ его автономію. Сверхъ того союзъ, существовавшій въ то время между герцогствомъ Шлезвигъ и графствомъ Голштейнъ, былъ подтвержденъ; не только они должны были быть нераздѣльными навсегда, но и имѣть общую конституцію и общій сеймъ. Эта автономія и этотъ союзъ Шлезвига и Голштейна существовалъ безпрерывно въ продолженіе четырехъ столѣтій, отъ 1460 до 1848 года. Но не смотря на то, что въ силу патента датскаго короля, герцогство и графство составляли отдѣльное самостоятельное цѣлое, это послѣднее продолжало составлять часть германской имперіи, что́ было не болѣе какъ аномаліей, которыя встрѣчаются такъ часто въ эпоху феодализма. Послѣ 1815 года герцогство Шлезвигъ-Голштейнъ сдѣлалось однимъ изъ 38 государствъ германской конфедераціи; что же касается до герцогства Лауэнбурга, то оно уступлено было въ 1816 году Фридриху VI, королю датскому, но при этомъ сохранило свою конституцію, свое законодательство и свою спеціальную администрацію; оно только отчасти соединялось съ Шлезвигъ-Голштейномъ — общимъ апелляціоннымъ судомъ и отдѣльно съ Голштейномъ — общимъ обязательствомъ содержать опредѣленный военный контингентъ для конфедераціи. Такимъ об-

разомъ, съ 1816 г. до вѣнскаго трактата 30 октября 1864 года датская монархія состояла изъ трехъ слѣдующихъ земель, раздѣленныхъ между собою государственнымъ правомъ: собственно Даніи, Шлезвигъ-Голштейна и Лауэнбурга.

Пруссія и Австрія постоянно домогались овладѣть герцогствомъ Шлезвигъ-Голштейномъ и Лауэнбургомъ. Съ 1816 по 1848 годъ почти безпрерывно продолжается распря между Шлезвигъ-Голштейномъ и Даніей, которая старается отдѣлить Шлезвигъ отъ Голштейна и присоединить его къ монархіи; Шлезвигъ-Голштейнъ настойчиво отстаиваетъ свой четырех-вѣковой союзъ и свою автономію. Въ Даніи предвидѣли, что этотъ антагонизмъ между датскимъ и нѣмецкимъ элементомъ долженъ привести къ какой-либо катастрофѣ; послѣ тщетныхъ усилій Фридриха VI уладить распрю посредствомъ конституціи 1834 года, его наслѣдникъ Христіанъ VIII хотѣлъ попробовать основать единую датскую монархію съ общей конституціей; онъ заявилъ объ этомъ намѣреніи въ 1846 году; нѣмцы Шлезвига и Голштейна протестовали противъ этого, утверждая, что обѣ эти земли имѣютъ автономію и тѣсно связаны между собою. Въ то время какъ Христіанъ VIII собирался привести въ исполненіе свой проектъ объединенія монархіи, въ Копенгагенѣ образовалась партія, громко провозглашавшая необходимость отдѣлить Шлезвигъ отъ Голштейна, присоединивъ первый къ Даніи, и признать за вторымъ полную автономію. Цѣль этой партіи состояла въ томъ, чтобы опредѣлить точную границу между двумя національностями — датской и нѣмецкой, рѣкою Эдеромъ; партія датчанъ Эдера соглашалась отдать Германіи Голштейнъ, который и

безъ того съ 1815 года составлялъ часть германской конфедераціи; но партія эта твердо рѣшилась отстаивать противъ нѣмецкаго завладѣнія Шлезвигъ, населеніе котораго представляетъ смѣсь датчанъ, англовъ и фризовъ. Герцогство это никогда не принадлежало Германіи, сѣверная часть его чисто-датская, и кромѣ того независимость Даніи, какъ въ этомъ легко убѣдиться при одномъ взглядѣ на карту, обусловливается обладаніемъ южной Ютландіей. Датская партія, въ пылу своего патріотизма, обнаружила болѣе страсти, чѣмъ осторожности; подъ вліяніемъ этой партіи правительство отправило въ Шлезвигъ датскихъ пасторовъ, учителей, чиновниковъ, для распространенія датской пропаланды, которая и была доведена тамъ до насилій и преслѣдованій, въ виду того, что опасались возрастанія нѣмецкаго элемента, усиленіе котораго приводило въ отчаяніе датскихъ патріотовъ. За тѣмъ, когда во Франціи разразилась февральская революція, демократическая партія, или датчане Эдера, хотѣли преслѣдовать свою цѣль, относительно отдѣленія Шлезвига отъ Голштейна и присоединенія его къ Даніи, путемъ революціи. Петиція, принесенная 15,000 датчанъ, принудила короля образовать министерство изъ среды этой партіи; новый кабинетъ не только уничтожилъ датскую конституцію, но и частныя законы Шлезвигъ-Голштейна; онъ издалъ постановленіе объ отдѣленіи Шлезвига и началъ готовиться къ войнѣ, чтобы силою оружія поддержать свое распоряженіе; слѣдствіемъ этого было то, что нѣмецкое населеніе возстало и привело въ исполненіе проэкты своихъ вождей; напрасно старались отдѣлить нѣмцевъ Голштейна отъ нѣмцевъ Шлезвига обѣщаніями либе-

ральной конституціи и даже полной автономіи; тѣ и другіе взялись за оружіе. Запальчивость датскихъ патріотовъ вызвала нѣмецкое вмѣшательство. Германскій патріотизмъ былъ сильно затронутъ. Франкфуртскій сеймъ предложилъ поддержать права Голштейна, какъ члена конфедераціи; Пруссія, которой хотѣлось пріобрѣсти Шлезвигъ-Голштейнъ, въ особенности Киль и устья Эльбы, послала фельдмаршала Врангеля занять герцогства, хотя на это она вовсе не была уполномочена отъ франкфуртскаго сейма. Данія съ своей стороны протестовала въ Берлинѣ и Франкфуртѣ; ей отвѣтили, что прусскія войска должны были возстановить порядокъ въ Голштейнѣ, какъ странѣ нѣмецкой и федеральной.

Таковъ былъ маневръ вторженія въ Данію со стороны Пруссіи вмѣстѣ съ Австріей и германской конфедераціей.

Въ Мальмоэ подписано было 26 августа 1848 года перемиріе, но за тѣмъ война продолжалась до 2 Іюля 1850 года, и несмотря на заключеніе между Даніей, Пруссіей и Германіей мира, борьба однако продолжалась между Даніей и Шлезвигъ-Голштейнскими инсурентами; послѣ кровавой битвы при Итстедѣ 15,000 прусскихъ и австрійскихъ войскъ снова вступили въ герцогства, но не для того, чтобы помочь своимъ нѣмецкимъ братьямъ, а для того, чтобы возвратить возмутившихся подданныхъ подъ власть ихъ государя. Революція, распространившаяся вездѣ по Германіи, внушала государямъ желаніе уничтожить ее даже въ Шлезвигъ-Голштейнѣ; когда датскій король Фридрихъ VII далъ своему королевству либеральную конституцію, кабинеты берлинскій и вѣнскій потребовали,

чтобы онъ не вводилъ ее въ герцогствахъ; этотъ либерализмъ не былъ въ ихъ вкусѣ и кромѣ того они хотѣли приготовить въ будущемъ средство присоединить герцогства къ Германіи, отдѣливъ отъ Даніи Шлезвигъ и Голштейнъ посредствомъ спеціальныхъ конституцій для каждой изъ этихъ провинцій. Конституціи эти были изданы въ Копенгагенѣ въ 1852 года.

Такимъ образомъ, Пруссія и Австрія, повидимому, отказывались отъ присоединенія герцогства къ Германіи, не смотря на то, что этого страстно добивались вожди нѣмецкой партіи въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, которые сопротивлялись присоединенію Шлезвига къ Даніи единственно съ цѣлью войти въ составъ общаго нѣмецкаго отечества. Въ силу конвенціи 1852 года между Даніей съ одной стороны и Пруссіей и Австріей съ другой, въ датской монархіи должны были образоваться четыре области, имѣющія автономію: собственно Данія, Шлезвигъ, Голштейнъ и Лауэнбургъ; за тѣмъ предстояло опредѣлить права всѣхъ этихъ областей, установить цѣлость монархіи и создать одну конституцію для дѣлъ общихъ всѣмъ этимъ областямъ. Эту трудную проблему разрѣшили въ Копенгагенѣ хартіей 11 іюня 1854 года.

Непосредственно за тѣмъ датско-нѣмецкое столкновеніе приняло характеръ рѣзкости и непримиримости. Нѣмецкіе депутаты въ датскомъ парламентѣ образовали оппозицію, опираясь на нравственную поддержку Пруссіи и Австріи. Когда наконецъ Данія, въ августѣ 1857 г., адресовала къ европейскимъ державамъ циркуляръ о положеніи дѣлъ, Пруссія и Австрія отвѣтили приглашеніемъ германскаго сейма вмѣшаться въ вопросъ о герцогствахъ.

Сеймъ принялъ приглашеніе и пришелъ къ заключенію, что компетентность конфедераціи простирается и на Шлезвигъ; затѣмъ сеймъ потребовалъ отъ Даніи учрежденія въ герцогствахъ такого порядка вещей, который бы соотвѣтствовалъ законамъ конфедераціи. Споры и переговоры по этому поводу продолжались до сентября 1863 г. и обнаружили стремленіе нѣмцевъ во что бы то ни стало овладѣть спорными герцогствами.

Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ придти къ какому-либо соглашенію, Данія должна была избрать одно изъ двухъ—войну, или отреченіе отъ своей независимости. Въ сентябрѣ 1863 г. король датскій объявилъ рихстагу, что дѣло идетъ уже не о федеральномъ правѣ герцогствъ, а о независимости королевства и что въ защитѣ этой независимости Данія найдетъ поддержку. Король намекалъ на Шлезвигъ и на то, что Франція и Англія поддержатъ Данію; но надежда эта оказалась тщетной.

Франкфуртскій сеймъ 1 октября постановилъ, что вслѣдствіе неисполненія Даніей федеральныхъ обязательствъ относительно конституціонныхъ вопросовъ Голштейна и Лауэнбурга, предоставляется правительствамъ австрійскому, прусскому, саксонскому и ганноверскому требовать исполненія этихъ обязательствъ; правительствамъ саксонскому и ганноверскому предоставляется назначить въ герцогства двухъ коммисаровъ, которые въ случаѣ неудовлетворенія означенныхъ требованій должны принять управленіе герцогствами, а для поддержки своихъ коммисаровъ отрядить 6,000 войска; для подкрѣпленія же этого корпуса вмѣнено въ обязанность Австріи и Пруссіи имѣть

наготовѣ болѣе значительную военную силу, на случай сопротивленія Даніи.

Датское правительство, заявивъ о своей готовности удовлетворить всѣмъ пунктамъ требованій, относящимся къ автономіи и легальнымъ правамъ герцогствъ, присовокупило, что затѣмъ никакое другое домогательство германской конфедераціи не будетъ достигнуто посредствомъ экзекуціи; затѣмъ въ ноябрѣ 1863 г. датскій король умеръ.

Еще въ маѣ 1852 г., на лондонской конференціи уполномоченные всѣхъ европейскихъ державъ, въ виду того, что король не имѣетъ прямыхъ наслѣдниковъ, постановили, что въ случаѣ смерти короля «право полнаго наслѣдія на всѣ соединенныя государства, образующія датскую монархію, должно быть признано за Христіаномъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскимъ». Постановленіемъ этимъ, какъ видно, утверждается и цѣлость датской монархіи. По вступленіи на престолъ Христіана IX, всѣ государства тотчасъ же признали его, въ Германіи же начали появляться новые претенденты, оспаривавшіе права Христіана.

Первымъ явился принцъ Фридрихъ Аугустенбургскій. 16-го ноября 1863 г., въ день вступленія на престолъ Христіана IX, претендентъ этотъ также провозгласилъ себя государемъ Шлезвига, Голштейна и Лауэнбурга, какъ старшій представитель второй линіи Ольденбургской. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что 10-го декабря 1852 года великій герцогъ Ольденбургскій, приступая къ лондонскому трактату, отрекся за себя и своихъ потомковъ отъ права на всякія случайныя наслѣдства.

Изъ прочихъ претендентовъ мы назовемъ лишь еще троихъ: великаго герцога Ольденбургскаго, сына того самого, который въ 1852 г. отказался отъ случайныхъ наслѣдствъ, принца гессенскаго и самого короля прусскаго. Въ то время, какъ въ палатѣ депутатовъ союзники усердно старались о захватѣ герцогствъ въ пользу Германіи, посредствомъ нарушенія лондонскаго трактата, который гарантировалъ цѣлость Даніи, графъ Шверинъ предложилъ, чтобы «палата предложила его величеству, королю прусскому, всѣ необходимыя средства для *доказательства своихъ правъ на герцогства*». Тогда Бисмаркъ представилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе коронныхъ легистамъ, которые объявили, что никто изъ претендентовъ не имѣетъ наслѣдственнаго права на Шлезвигъ, Голштейнъ и Лауэнбургъ и что Христіанъ IX есть единственный законный наслѣдникъ этихъ герцогствъ. Первый министръ короля Вильгельма остановился на этомъ рѣшеніи. Согласившись съ Австріей, онъ не взывалъ уже болѣе ни къ какому другому праву, кромѣ права завоеванія, которое осуществилось слѣдующимъ образомъ:

По вступленіи своемъ на престолъ, Христіанъ IX провозгласилъ новый основной законъ 18-го ноября 1863 г., по которому герцогства Шлезвигъ и Голштейнъ относительно общихъ дѣлъ отдѣлялись отъ остальныхъ областей датской монархіи. Этимъ онъ имѣлъ въ виду удовлетворить требованіямъ Германіи, покуда установится какое-нибудь окончательное соглашеніе. Шлезвигъ такимъ образомъ получилъ автономію, опредѣленную взаимными отношеніями герцогства и королевства.

Разрывъ старпннаго союза между Шлезвигомъ и Голштейномъ былъ, слѣдовательно, дѣломъ самихъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ и учрежденія 1851 и 1852 г. были освящены утвержденіемъ франкфуртскаго сейма. Учрежденія эти въ полномъ смыслѣ слова нѣмецкія, навязанныя Копенгагену, такъ же какъ и лондонскій трактатъ, который поддержалъ «права и обоюдныя обязательства короля датскаго и германской конфедераціи *касательно герцогствъ Голштейна и Лауэнбурга*, оставивъ герцогство Шлезвигъ внѣ федеральной юрисдикціи; но съ того времени раздробленіе датской монархіи было положительно рѣшено въ Берлинѣ. И самый прусскій парламентъ умышленно или неумышленно поддержалъ это рѣшеніе, признавъ притязанія принца аугустенбургскаго имѣющими законное право на герцогства Шлезвигъ и Голштейнъ. Либеральная партія даже требовала, чтобы права герцога поддержаны были, во имя божественнаго права, всѣми германскими государствами. Такимъ образомъ, берлинскіе либералы-уніонисты напустили Бисмарка на эльбскія герцогства, чтобы захватить ихъ; Бисмаркъ же, въ свою очередь, напустилъ всю Германію, заставивъ ее дѣйствовать согласно съ цѣлями Пруссіи.

Хотя вопросъ о федеральной реформѣ, таможенный союзъ и коммерческіе трактаты между Пруссіей и Франціей значительно охладили отношенія между Берлиномъ и Вѣной, но Австрія все-таки увлеклась войной противъ Даніи, не желая, чтобы ея соперница одна поддерживала національное германское дѣло.

Въ 1863 же году, 21-го ноября, обѣ великія нѣмецкія державы пригласили германскій сеймъ протестовать противъ новой датской конституціи, провозгла-

шенной 18-го того же ноября, утверждая, что датское правительство не можетъ стѣснять правъ конфедераціи на присоединеніе Шлезвига. Кабинеты вѣнскій и берлинскій прямо ставили это герцогство подъ юрисдикцію франкфуртскаго сейма. Датскій посланникъ возражалъ противъ этого декларацiей, объясняя, что покуда требованія сейма не будутъ ограничиваться автономіей Голштейна и Лауэнбурга, вопросъ будетъ имѣть «международный характеръ». Съ своей стороны сеймъ, по настоянію Австріи и Пруссіи, объявилъ, что угроза 1-го октября (о союзной экзекуціи) будетъ выполнена, и вслѣдъ затѣмъ саксонскія и ганноверскія войска вошли въ герцогства, федеральные коммисары оставили свою резиденцію въ Альтонѣ и потребовали, чтобы всѣ власти въ герцогствахъ Голштейнѣ и Лауэнбургѣ относились къ нимъ со всѣми донесеніями и представленіями, о Шлезвигѣ же не упоминалось, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ «не входилъ въ конфедерацію», между тѣмъ какъ федеральная экзекуція предложена была въ Берлинѣ и Вѣнѣ и принята во Франкфуртѣ именно по поводу этого герцогства.

Обѣ великія державы покуда не обнаруживали своихъ плановъ, дѣлая видъ, что будутъ содѣйствовать тому, чтобы умѣрить германскія притязанія, мелкія же германскія государства сильно нападали на Данію; они требовали, чтобы датскій посланникъ удалился изъ сейма, подъ тѣмъ предлогомъ, что германская конфедерація не приступала къ лондонскому трактату, почему въ ихъ глазахъ Христіанъ IX не есть законный государь эльбскихъ герцогствъ.

Бисмаркъ и его вѣнскій соучастникъ нашли нужнымъ заявить въ общей нотѣ 5-го декабря 1863 года,

что Пруссія и Австрія не могутъ требовать, чтобы ихъ союзники отказались отъ своихъ собственныхъ мнѣній по вопросу о престолонаслѣдіи, но находятъ опаснымъ то, что члены конфедераціи, вмѣсто порядка и мира, которыхъ отъ нея требуютъ, создаютъ поводы и элементы раздора, такъ какъ обѣ великія державы не могутъ, подъ видомъ занятія герцогствъ или вмѣшательства, нарушить лондонскій трактатъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда онѣ признаютъ его дѣйствительность. Итакъ Австрія и Пруссія въ то время держались лондонскаго трактата, т. е. утверждали законность верховныхъ правъ Христіана IX на эльбскія герцогства, принципъ нераздѣльности датской монархіи, а также права и обоюдныя обязательства Даніи и германской конфедераціи относительно Голштейна и Лауэнбурга, Шлезвигъ же — этотъ предметъ горячихъ домогательствъ, былъ еще защищаемъ лондонскимъ трактатомъ отъ Бисмарка и франкфуртскаго сейма, не отважившагося занять его федеральными войсками. Необходимо было, при такихъ обстоятельствахъ, найти предлогъ, чтобы наложить на это герцогство руку, и Бисмаркъ не затруднялся изыскать этотъ предлогъ.

Въ ноябрѣ Бисмаркъ пригласилъ сеймъ протестовать противъ распространенія на Шлезвигъ конституціи, провозглашенной въ Даніи 18-го того же ноября; 28-го же декабря Пруссія и Австрія предъявили сейму новое требованіе о томъ, чтобы охранить права конфедераціи на Шлезвигъ и съ этой цѣлью занять его войскомъ, что́, по словамъ Бисмарка, должно было служить залогомъ въ исполненіи «законныхъ желаній и правъ конфедераціи». Таковъ былъ предложенный Бисмаркомъ способъ наложить руку на Шлезвигъ.

Принцъ аугустенбургскій поспѣшилъ объявить въ прокламаціи отъ 31-го декабря, что онъ принялъ въ свои руки правленіе герцогствами и что затѣмъ федеральная экзекуція не имѣетъ цѣли, такъ какъ въ началѣ она не была направлена противъ его правительства. Во Франкфуртѣ, мелкія государства 14-го января 1864 г. подали голосъ противъ австро-прусскаго предложенія, но въ этомъ же засѣданіи представители Австріи и Пруссіи объявили, что они будутъ, не смотря ни на что, охранять права конфедераціи на Шлезвигъ военнымъ занятіемъ этого герцогства.

Бейстъ (отъ лица Саксоніи) пытался отвести ударъ, предложивъ соучастіе всѣхъ федеральныхъ войскъ на защиту этого національнаго дѣла; но фельдмаршалъ Врангель, главнокомандующій австро-прусской арміей, назначенной въ Шлезвигъ, 30-го января 1865 г. уже потребовалъ отъ командывавшаго датскими войсками очищенія этого герцогства.

Между тѣмъ сен-джемскій кабинетъ, 28-го декабря 1863 года, сообщилъ франкфуртскому сейму копію лондонскаго трактата и предложилъ обсудить датско-нѣмецкій вопросъ на общеевропейской конференціи; о чемъ предложено было также и Франціи, но она уклонилась отъ этого, вслѣдствіе того, что не раздѣляла взгляда Англіи на вѣнскій трактатъ 1815 года, который объявленъ былъ Наполеономъ III, во время переговоровъ по польскому вопросу, не существующимъ, Англія же, напротивъ, утверждала, что трактатъ этотъ существуетъ и служитъ основаніемъ политическому равновѣсію Европы.

Въ это время весь Шлезвигъ, съ Альзеномъ и Дюп-

пелемъ, были уже заняты австро-прусской арміей; когда было затѣмъ заключено перемиріе и уполномоченные державъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ, собрались въ Даунингъ-Стриттѣ, 22-го апрѣля 1864 года, англійскій уполномоченный защищалъ интерессы Даніи, французскій же уполномоченный ограничился выраженіемъ желанія, чтобы спрошено было населеніе герцогствъ. Но Пруссія и Австрія, занявъ герцогства, не соглашались ни на какія уступки. Тогда Англія предложила, чтобы Данія уступила не только Голштейнъ и Лауэнбургъ, но и южную часть Шлезвига, до Шлее и Данневерка, и Франція съ своей стороны поддержала это предложеніе. Такимъ образомъ обѣ эти державы сами нарушили лондонскій трактатъ, гарантировавшій территоріальную цѣлость датской монархіи. Въ Берлинѣ же и Вѣнѣ хотѣли весь Шлезвигъ, до Дюппеля и Альзена. Очевидно, попытка къ соглашенію не могла удаться и уполномоченные разъѣхались безъ всякаго результата.

Послѣ этого, обѣ великія нѣмецкія державы снова открыли военныя дѣйствія противъ Даніи.

Англія сдѣлала новую попытку къ охраненію Даніи и предложила Франціи сообща опредѣлить границу, далѣе которой не должны простираться нѣмецкія притязанія, и поддерживать ее какъ ультиматумъ. На вопросъ Франціи о томъ, согласна ли будетъ Англія, въ случаѣ войны по этому поводу, поддерживать ультиматумъ сухопутными силами, сенъ-джемскій кабинетъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ въ виду лишь морскія силы. Франція, опасаясь остаться одинокой, подобно тому, какъ она осталась незадолго передъ тѣмъ въ демонстраціи по польскому вопросу, отказалась отъ англій-

скаго предложенія и обратилась къ Даніи съ совѣтомъ: забывъ самолюбіе, обратиться, не медля, къ Германіи. Данія, не имѣя силы продолжать борьбу, должна была покориться, и 30-го октября 1864 года подписанъ былъ вѣнскій трактатъ, по которому король датскій отказался отъ всѣхъ своихъ правъ на Шлезвигъ, Голштейнъ и Лауэнбургъ, въ пользу короля прусскаго и императора австрійскаго, обязавшись признать распоряженія ихъ величествъ относительно этихъ герцогствъ.

Такимъ образомъ король прусскій и императоръ австрійскій сдѣлались совладѣтелями Шлезвигъ-Голштейна и Лауэнбурга, которыя теперь окончательно утратили свою автономію и независимость; когда въ февралѣ 1864 г. прусскія и австрійскія войска вошли въ герцогства, занятыя въ то время федеральными войсками, саксонскій министръ Бейстъ протестовалъ противъ этой мѣры, принятой безъ согласія федерельнаго сейма, но тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ Врангель, командовавшій австро-прусскими войсками, занялъ Альтону, Киль и Неймюнстеръ. Пруссія же и Австрія съ своей стороны внесли въ сеймъ предложеніе, чтобы командованіе экзекуціонными, федеральными войсками поручено было Врангелю. Такъ какъ съ завоеваніемъ герцогствъ федеральная экзекуція уже не имѣла смысла, то Бисмаркъ потребовалъ, чтобы Саксонія и Ганноверъ отозвали своихъ гражданскихъ коммисаровъ и свои войска изъ Голштейна; но Саксонія и другія мелкія государства настаивали, чтобы федеральная экзекуція была поддержана и даже усилена въ Лауэнбургѣ. Пруссія же и Австрія требовали, чтобы стра-

на, завоеванная ими, была очищена отъ федеральныхъ войскъ, и эти настоянія возъимѣли силу. Тогда Бисмаркъ уже принялъ угрожающій тонъ по отношенію къ государствамъ конфедераціи, готовымъ протестовать противъ предложеній Пруссіи, отставая для нея полную свободу дѣйствій. Однако въ теченіи шести мѣсяцевъ мелкіе нѣмецкіе дворы протестовали въ тихомолку, явно же сопротивляться Бисмарку они боялись. Австрія, плясавшая тогда подъ дудку Бисмарка, естественно, не могла поддерживать этихъ протестовъ и германскіе дворы увидѣли себя и мистифированными и безсильными.

Бисмаркъ теперь отвергалъ всякія права конфедераціи на Шлезвигъ, также какъ на Голштейнъ и Лауэнбургъ, между тѣмъ какъ въ 1863 и 1864 г. когда требовалъ отъ федеральнаго сейма экзекуціи по поводу Шлезвига, онъ доказывалъ эти права.

Послѣ того, какъ Данія лишена была герцогствъ, претенденты устранены, авторитетъ конфедераціи уничтоженъ, — Бисмаркъ началъ готовиться осуществить свои планы относительно Австріи, которая была ослѣплена своими легкими побѣдами въ герцогствахъ.

25 февраля 1865 г. берлинскій кабинетъ объявилъ Австріи объ условіяхъ, на которыхъ Пруссія желаетъ устроить Шлезвигъ-Голштейнъ, давъ *обоимъ* герцогствамъ одну и туже военную организацію и включивъ ихъ въ прусскую оборонительную систему; проэктъ этотъ мотивировался безопасностью границъ герцогствъ, Германіи и Пруссіи и тѣмъ, что при иной организаціи морское значеніе Шлезвигъ-Голштейна не можетъ быть полезно для Германіи; при этомъ Бисмаркъ какъ бы мимоходомъ упоминаетъ о необхо-

димости для Пруссіи нѣкотораго территоріальнаго пріобрѣтенія, чтобы можно было воздвигнуть укрѣпленія въ видахъ огранизаціи морской силы, и называетъ тѣ города и мѣстности, которыя необходимо укрѣпить, и, между прочимъ, Зондербургъ съ обѣими берегами Альзенскаго пролива, Дюппель, Киль, фортъ Фридрихсортъ и проч. Кромѣ того, Пруссія оставляла за собою право на открытіе канала между Балтійскимъ и Сѣвернымъ морями и требовала мѣста для возведенія укрѣпленій у его береговъ; за тѣмъ, Рендсбургъ долженъ войти въ составъ конфедераціи, а гарнизонъ въ немъ долженъ быть прусскій; и наконецъ, герцогства со всѣми своими территоріями должны войти въ прусскую таможенную систему; почта и телеграфъ также должны быть въ управленіи Пруссіи.

Условія эти, естественно, не были приняты Австріей и обѣ державы начали готовиться къ войнѣ. Бисмаркъ въ это время весьма удачно работалъ на дипломатическомъ поприщѣ; онъ заключилъ договоръ съ Италіей противъ Австріи и обезпечилъ себя со стороны Франціи. Наполеону III было весьма пріятно видѣть исполненною свою итальянскую программу, чтобы Италія пріобрѣла Венецію, и притомъ безъ всякихъ матеріальныхъ усилій и жертвъ отъ Франціи; съ другой стороны Бисмаркъ, намекая на необходимость исправленія границъ Пруссіи посредствомъ присоединенія Ганновера и Гессена, далъ замѣтить, что и Франція, за свой нейтралитетъ, можетъ пріобрести Люксембургъ и поживиться на счетъ Бельгіи. Между тѣмъ Австрія, среди своихъ внутреннихъ затрудненій съ Венгріей, была склонна на уступки въ вопросѣ о герцогствахъ, и король Вильгельмъ также еще не рѣшался на вой-

ну; при этихъ условіяхъ заключена была гастейнская конвенція; австрійскій императоръ уступилъ за деньги прусскому королю свое совладѣльческое право на Лауэнбургъ, а относительно Шлезвига и Голштейна рѣшено было точнѣе раздѣлить права по управленію ими.

Но гастейнская конвенція была лишь перемиріемъ. Между прочими мотивами этого договора находилась цѣль весьма пріятная для обоихъ государствъ: преслѣдовать общими силами революцію; Бисмаркъ ухватился за эту пружину и началъ упрекать Австрію, что она недостаточно преслѣдуетъ эту цѣль и именно въ Голштейнѣ, управленіе которымъ выпало на долю Австріи. Въ Альтонѣ, въ январѣ 1866 г., собрался большой народный митингъ, требовавшій созванія провинціальныхъ собраній. Бисмаркъ объявилъ этотъ случай явнымъ посягательствомъ Австріи на герцогства и настоятельно требовалъ, чтобы австрійскій кабинетъ отвѣтилъ, согласенъ ли онъ измѣнить свою политику «столь опасную для монархическихъ интересовъ» и возвратиться къ общей прусской; если же полнаго соглашенія во всѣхъ политическихъ вопросахъ достигнуть окажется невозможнымъ, то Пруссія требовала полной для себя независимости и заявила, что будетъ поступать согласно съ своими собственными интересами.

Такой аргументъ, какъ подозрѣніе Австріи въ революціонныхъ тенденціяхъ не могъ не подвинуть и рѣшимости короля Вильгельма начать войну съ опасной своей союзницей, войну страсно желаемую его первымъ министромъ; и берлинскій дворъ, столь расположенный къ союзу съ Австріей, также уступилъ необ-

ходимости защищать монархическіе интересы отъ революціонной Австріи. Оставалось найти благовидный предлогъ къ войнѣ.

Австрія внесла вопросъ о герцогствахъ въ сеймъ и призвала къ себѣ на помощь другія германскія государства, хотя сама не была готова къ войнѣ. Бисмаркъ тотчасъ же объявилъ, что сочтетъ принятіе приглашенія Австріи на casus belli и немедленно займетъ владѣнія своихъ противниковъ. Мѣра эта была приведена въ исполненіе съ необыкновенной быстротой и послужила счастливымъ началомъ знаменитой семидневной кампаніи, въ которой совершилось низложеніе Австріи.

Послѣ побѣды Пруссія предъявила притязаніе не только на Ганноверъ, Гессенъ, Нассау и Франкфуртъ, которыми она и владѣетъ нынѣ, но также и на часть Саксоніи и Баваріи и на нѣкоторую часть австрійскихъ владѣній; только угрозы Франціи принудили Бисмарка ограничиться названными землями, кромѣ которыхъ Пруссія получила весь Шлезвигъ и Голштейнъ, завоеванныя отъ Даніи совмѣстно съ Австріей.

По настоянію Франціи въ пражскій трактатъ внесена была статья (5), по которой Пруссія должна возвратить Даніи сѣверные округа Шлезвига, если народонаселеніе не согласится на присоединеніе къ Пруссіи; но при этомъ не было означено границы, отдѣляющей сѣверную часть Шлезвига отъ южной, вслѣдствіе чего, когда Франція потребовала выполненія 5 ст. пражскаго трактата, то Бисмаркъ, отрицая право Франціи требовать выполненія трактата, въ подписаніи котораго она не участвовала, вошелъ однако въ обсужденіе вопроса о томъ, какая именно

часть Шлезвига должна быть возвращена Даніи и пришелъ къ заключенію, что Пруссія, по своимъ стратегическимъ интересамъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ уступить ни Альзена, ни Дюппеля, находящихся на сѣверѣ Шлезвига. Что же касается вопроса о томъ, согласно ли населеніе на присоединеніе къ Пруссіи, то онъ не былъ предложенъ на вотированіе, потому же, что неизвѣстно, какія именно мѣстности Шлезвига должны быть призваны къ этому плебисциту. Но когда герцогства должны были выбрать депутатовъ въ прусскій парламентъ, то два сѣверные округа Шлезвига выбрали двухъ датчанъ, которые отказались присягнуть королю прусскому и потому не были допущены въ парламентъ; за тѣмъ депутаты отъ этихъ округовъ выбраны совмѣстныхъ голосаваніемъ и южныхъ округовъ, гдѣ народонаселеніе нѣмецкое и составляетъ большинство вообще всего населенія герцогства. Такимъ образомъ датскій элементъ, этимъ способомъ голосованія, смѣшанъ съ нѣмецкимъ и поставленъ въ положеніе безсильнаго меньшинства. Нѣтъ сомнѣнія, что сѣверная часть Шлезвига никогда не будетъ возвращена Даніи.

Есть еще одинъ вопросъ, о которомъ нельзя не упомянуть въ ряду уже поднятыхъ офиціально германскихъ вопросовъ, это вопросъ люксембургскій. Герцогство Люксембургъ, по трактатамъ 1815 г., присоединено было къ королевству Нидерландскому, съ правомъ автономіи и со включеніемъ его въ составъ Германскаго Союза; впослѣдствіи часть герцогства отошла къ Бельгіи, а остальныя части сохранили свое

положеніе въ Союзѣ, съ предоставленіемъ Пруссіи права держать гарнизонъ.

Какъ видно, Бисмаркъ обѣщалъ Наполеону III, что не будетъ препятствовать присоединенію Люксембурга къ Франціи за ея нейтралитетъ въ австро-прусской войнѣ; вслѣдствіе чего начаты были переговоры между Франціей и королемъ Нидерландскимъ объ уступкѣ Люксембурга за деньги. Бисмаркъ дѣйствительно заявилъ, что Пруссія не дорожитъ Люксембургомъ, но созный парламентъ отвергъ возможность этой переуступки и Бисмаркъ не настаивалъ, согласившись за тѣмъ лишь на нейтрализацію Люксембурга, т. е. на выводъ прусскаго гарнизона и на срытіе укрѣпленій, что однако донынѣ еще не исполнено окончательно. Такъ какъ король Нидерландскій былъ уже готовъ уступить Люксембургъ за деньги, то, нѣтъ сомнѣнія, что эта покупка сдѣлана будетъ Пруссіей и никто этому противорѣчить не будетъ при настоящемъ положеніи Франціи. Развѣ только бельгійская часть Люксембурга уцѣлѣетъ отъ прусскихъ притязаній.

Вспомнимъ при этомъ, что кромѣ изложенныхъ вопросовъ возникалъ уже дипломатическимъ путемъ вопросъ о нѣмецкой Швейцаріи (Невшательскій вопросъ) и въ нѣмецкой печати вопросъ о нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ также «звучитъ нѣмецкая рѣчь».

Первымъ послѣдствіемъ пражскаго мира, увѣнчавшаго побѣду Пруссіи надъ Австріей, было освобожденіе Германіи отъ дуализма, имѣвшаго своимъ исходнымъ пунктомъ соревнованіе между Австріей и Пруссіей. Не смотря на то, что Пруссія, избавившаяся отъ своей соперницы, сдѣлалась угрожающей для независимости германскихъ государствъ, многія партіи въ Германіи объявили себѣ за политику Бисмарка, въ тѣхъ видахъ, что такъ-какъ нѣмцы хотятъ единства и свободы, то необходимо начать съ перваго.

Такимъ образомъ исключеніе Австріи изъ Германскаго Союза было первымъ шагомъ въ дѣлѣ преобразованія Германіи, для котораго предстояло за тѣмъ двѣ системы: одна—чисто федеративная, а другая—состоящая въ простомъ увеличеніи Пруссіи на счетъ Германіи, подъ федеративной формой. Перевѣсъ прусской силы надъ силами каждаго изъ союзныхъ государствъ имѣлъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что Пруссія въ сущности избрала систему присоединеній и завоеваній и оставила лишь для вида федеративную форму. Совершившееся присоединеніе Шлезвигъ-Голштейна, Ганновера, курфиршестра Гессенскаго, Нассау и Франкфурта и форма, въ которую организованъ, попроэкту Бисмарка, Сѣверо-Германскій Союзъ, вполнѣ обличаютъ сущность принятой Пруссіею системы.

Союзъ этотъ, составленный, подъ гегемоніей Пруссіи, изъ Саксоніи, мелкихъ германскихъ государствъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Майна, и вольныхъ городовъ, обнимаетъ собою народонаселеніе въ 30 милліоновъ,

въ числѣ которыхъ 24 милліона пруссаковъ. Такъ какъ въ силу 4 ст. пражскаго трактата Южно-германскимъ государствамъ обезпечено «независимое международное существованіе», то относительно нихъ Пруссія ограничилась лишь заключеніемъ съ Баденомъ, Виртембергомъ и Баваріей трактатовъ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, предоставивъ рейхстагу опредѣлить впослѣдствіи способъ, посредствомъ котораго государства эти должны войти въ составъ Сѣверо-германскаго Союза.

Союзъ этотъ представляетъ скорѣе феодальную агломерацію, чѣмъ федеративную, потому что отношенія всѣхъ составляющихъ его государствъ къ Пруссіи почти вассальныя.

Организація Союза обязана изобрѣтательному уму Бисмарка и представляетъ замѣчательное явленіе въ новѣйшей исторіи, по своей оригинальности.

Хартія Сѣверо-германскаго союза учреждаетъ союзный парламентъ, называемый рейхстагомъ или имперской палатой и избираемый общей и прямой подачей голосовъ, посредствомъ закрытой баллотировки. Парламенту этому предоставляются по хартіи обширныя законодательныя права, и издаваемые имъ законы стоятъ выше частныхъ законовъ союзныхъ государствъ; въ дѣйствительности же рѣшенія рейхстага подчинены сильнѣйшему вліянію Пруссіи, потому что ей одной изъ 47 голосовъ принадлежитъ 17. Король Пруссіи есть президентъ и генералиссимусъ Союза, распоряжающійся и начальствующій надъ всѣми военными силами его; вслѣдствіе чего рейхстагъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ никакой матеріальной силы для поддержанія своихъ рѣшеній.

Рядомъ съ рейхстагомъ стоитъ союзный совѣтъ изъ коммисаровъ, назначаемыхъ отъ союзныхъ правительствъ, образующій изъ себя 7 постоянныхъ коммисій, играющихъ роль министерствъ; всѣ эти коммисіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ Пруссіи; онѣ исполняютъ также обязанности государственнаго совѣта, изготовляя проэкты законовъ и бюджеты. Исполнительная власть и иностранная политика Союза находится въ рукахъ президента, т. е. прусскаго короля. Посредникомъ между президентомъ и совѣтомъ служитъ федеральный канцлеръ, предсѣдательствующій въ совѣтѣ и контрасигнирующій предписанія и распоряженія исполнительной власти, исходящія отъ имени Союза. Это признакъ отвѣтственности канцлера, болѣе же яснаго опредѣленія этой отвѣтственности въ хартіи не содержится. Канцлеромъ Союза долженъ быть первый министръ Пруссіи, который въ тоже время долженъ быть и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Всѣхъ союзныхъ чиновниковъ назначаетъ и принимаетъ отъ нихъ присягу президентъ союза, т. е. король прусскій.

Хартія эта получила утрежденіе рейхстага, въ виду того, что она представляетъ теоретическую возможность разширенія федеральной власти, въ ущербъ отдѣльныхъ конституцій союзныхъ государствъ, и также потому, что многія изъ союзныхъ государствъ, предвидя неизбѣжное поглощеніе ихъ Пруссіей, должны были согласиться на эту форму, какъ на лучшій изъ всѣхъ видовъ поглощенія и присоединенія.

Съ каждымъ изъ 22 союзныхъ государствъ заключены были отдѣльныя конвенціи въ смыслѣ изложенной хартіи. Одинъ изъ союзниковъ, князь Вальдекъ,

послѣ того отказался отъ всѣхъ своихъ правъ автономіи и оставилъ княжество, которое за тѣмъ сдѣлалось добычей Пруссіи.

Что же касается южной Германіи, т. е. Баваріи, Виртемберга, Бадена и Дармштадта, то покуда отношенія ихъ къ сѣверной конфедераціи ограничиваются таможеннымъ союзомъ и оборонительнымъ и наступательнымъ трактатомъ съ Пруссіей. Между собою государства эти не связаны никакой федеральной организаціей и послѣ исключенія Австріи изъ Германскаго Союза, не имѣютъ болѣе вождя или главы; снова соединиться съ Австріей они не могутъ, потому что она въ силу пражскаго трактата перестала быть германской державой; вообще же они поставлены въ положеніе одиночества и какъ бы изолированы отъ остальной Европы. Кромѣ Бадена, который стремится примкнуть къ Сѣверному Союзу, остальныя государства южной Германіи далеко не расположены сдѣлаться вассалами Пруссіи и хотя желаютъ войти въ составъ нѣмецкой конфедераціи, но не на тѣхъ правахъ, которыя предоставляетъ членамъ Союза хартія Бисмарка. Отсюда необходимость реформы германской федеральной конституціи и трудность согласить партикуляризмъ южно-германскихъ государствъ съ сѣверо-прусскимъ унитаризмомъ. Сладить съ этими трудными вопросами составляетъ существенную задачу настоящей политики Бисмарка.

Если ему удастся осуществить объединеніе Германіи тѣмъ же способомъ, какой употребленъ былъ для образованія Сѣверо-германской конфедераціи, то это будетъ громаднымъ переворотомъ въ Европѣ, которая, за тѣмъ, естественно, должна будетъ формироваться

въ большіе государственные организмы, что должно повлечь цѣлый рядъ войнъ.

Причина настоящей прусско-французской войны лежитъ именно въ томъ, что Франція еще во время войны Пруссіи съ Австріей выказала поползновеніе помѣшать объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Въ виду этого, конечно, Пруссія не могла ни захватить Саксоніи, ни даже употребить давленія на южно-германскія государства для осуществленія своего плана германской конфедераціи. Послѣ того какъ Австрія перестала быть помѣхой Пруссіи въ Германіи и, потерпѣвъ пораженіе, сознала себя безсильной для того, чтобы вступить въ новую борьбу съ своей соперницей, Пруссіи оставалось уничтожить противодѣйствіе со стороны Франціи. Военные успѣхи Пруссіи уже достигли этой цѣли. Чѣмъ бы не кончилась настоящая война, Франція во всякомъ случаѣ уже не можетъ помѣшать объединенію Германіи въ прусскомъ смыслѣ, даже если бы для осуществленія этого идеала Пруссія совершила еще новые захваты собственно внѣ Германіи, гдѣ «звучитъ нѣмецкая рѣчь.»

Судьба Германіи зависитъ теперь отъ Пруссіи и отъ борьбы Бисмарка съ нѣмецкими политическими партіями, борьбы, которая должна начаться одновременно съ тѣмъ моментомъ, какъ скоро возникнетъ снова вопросъ о союзной реформѣ.

ПОПРАВКИ:

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
27	1 сверху	хотя онъ и	затѣмъ онъ
—	3 —	ничего иного тамъ	тамъ ничего
115	4 снизу	а министра против президента	против министра-президента.
136	1 сверху	болѣе или менѣе	болѣе
151	2 снизу	нраву	праву
172	1 сверху	Миргарита	Маргарита
189	8 —	па	за

